

ИЗ НАСЛЕДИЯ МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

ТЕОРИЯ
ПОЗНАНИЯ

Г. ЗИММЕЛЬ

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

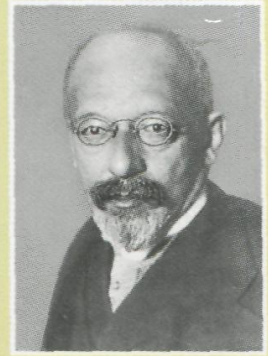
*Этюд
по теории
познания*

Георг ЗИММЕЛЬ (1858–1918)

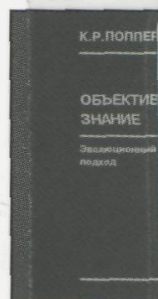
Об авторе

Выдающийся немецкий философ и социолог, создатель теории анализа социального взаимодействия, один из основоположников конфликтологии. Родился в Берлине, в многодетной семье коммерсанта. Изучал философию и историю в Берлинском университете; его преподавателями были известные историки И. Дройзен и Т. Моммзен, а также основатели «психологии народов» М. Лацарус и Г. Штейнталь. В 1881 г. получил докторскую степень, защитив диссертацию по физической монадологии И. Канта. В 1885 г. получил должность приват-доцента Берлинского университета; почетный профессор с 1901 г. С 1914 г. — профессор Страсбургского университета. Основатель (вместе с М. Вебером и Ф. Теннисом) Немецкого общества социологов.

В философии Г. Зиммель был одним из наиболее значительных представителей «философии жизни»; жизнь понималась им как процесс творческого становления, неисчерпаемый рациональными средствами и постигаемый только во внутреннем переживании, интуитивно. В социологии он выступил основоположником так называемой формальной социологии, изучающей относительно устойчивые и повторяющиеся формы межчеловеческих взаимодействий. Круг его социологических интересов весьма широк: власть и насилие; социальная дифференциация; отчуждение; взаимоотношения общества и индивида; социология культуры, города, семьи и пола; социология конфликта; социология религии и т. д. В число важнейших работ Г. Зиммеля вошли: «Социальная дифференциация» (1890), «Проблемы философии истории» (1892), «Философия денег» (1900), «Социология. Исследование форм обобществления» (1908), «Конфликт современной культуры» (1918) и другие.

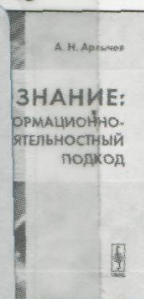
Наше издательство предлагает следующие книги:

Центральная
Городская
Публичная
Библиотека
им. В.В.Маяковского

300101317138

9691 ID 119932

9 785397 017206 >

Любые отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>

URSS

E-mail:
URSS@URSS.ru

Каталог изданий
в Интернете:

<http://URSS.ru>

URSS

НАШИ НОВЫЕ КООРДИНАТЫ

ТЕЛЕФОН / ФАКС +7 (499) 724-25-45
(многоканальный)
117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56

*Из наследия мировой философской мысли:
теория познания*

Georg Simmel

DIE PROBLEME DER GESCHICHTSPHILOSOPHIE

Г. Зиммель

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Этюд по теории познания

Перевод с немецкого
под редакцией В. Н. Линда

Издание второе

URSS
МОСКВА

ББК 60.5 63.3 87.22

Зиммель Георг

Проблемы философии истории: Этюд по теории познания. Пер. с нем. /
Под ред. В. Н. Линда. Изд. 2-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
2011. — 176 с. (Из наследия мировой философской мысли: теория познания.)

Вниманию читателей предлагается книга выдающегося немецкого философа и социолога Георга Зиммеля (1858–1918), цель которой — дать критику познания в области исторического опыта и философского рассмотрения истории. Автор указывает на психологию как предпосылку исторического исследования, рассуждает об исторических законах и смысле истории. В приложении содержится статья французского социолога Селестена Бугле (1870–1940) «Зиммель о науке морали», посвященная проблемам этики в работах Г. Зиммеля.

Книга рекомендуется философам, историкам, социологам, психологам, всем заинтересованным читателям.

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».
117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.
Формат 60×90/16. Печ. л. 11. Зак. № 4214.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–397–01720–6

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
оформление, 2010

9691 ID 119932

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во введеніи къ этому изслѣдованію можно ограничиться однимъ: еще разъ подчеркнуть, что оно носитъ характеръ чистой теоріи познанія. Теорія человѣческихъ дѣяній всюду рѣзко отграничивается отъ установленія для нихъ нормъ, поэтому и къ теоріи познанія приложимъ лишь имманентный ему анализъ, лишь установленіе элементовъ его, опредѣленіе его отношенія къ поставленнымъ имъ себѣ цѣлямъ и положенія отдѣльнаго знанія въ ряду прочихъ. Да не подумаютъ, однако, что нижеслѣдующія разсужденія, назначеніе которыхъ—подготовить критику познанія въ области историческаго опыта и философскаго разсмотрѣнія исторіи, — да не подумаютъ, что эти разсужденія направлены къ измѣненію чего либо въ самыхъ основахъ познанія; напротивъ, дѣло ихъ скорѣе въ томъ, чтобы установить ихъ еще тверже.

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О психических предпосылкахъ въ историческомъ изслѣдованіи.

Казалось достойнымъ труда сохранить въ прошломъ слѣды происхожденія его связать помощью фантазіи,—матери всякой поэзіи и всякой исторіи, — но связать, конечно, не въ единое цѣлое, а лишь въ нѣкотораго рода суррогатъ его.—*Mommsen. Römische Geschichte, V, 5.*

Если теорія познанія вообще исходитъ изъ того положенія, что познаніе—съ точки зрѣнія формальной—не что иное, какъ представленіе, а субъектъ его—душа, то въ приложеніи къ теоріи историческаго познанія можно сказать еще болѣе, что и матеріаль его—представленіе, воля и чувство, что объекты его -- души. Всѣ внѣшнія происшествія, политическія и соціальныя, экономическія и религіозныя, правовыя и техническія не были-бы для насъ ни интересны, ни понятны, если бы не проистекали изъ душевныхъ движеній и не вызывали таковыхъ. Если не смотрѣть на исторію, какъ на игру маріонетокъ, то она не что иное, какъ исторія

психическихъ явленій, а всѣ внѣшнія событія, которыя она изображаетъ, не что иное, какъ мосты между импульсами и волевыми актами съ одной стороны и чувственными рефлексами съ другой; послѣдніе и разрѣшаются въ этихъ внѣшнихъ событіяхъ. Этого ничуть не измѣняетъ и матеріалистическое пониманіе исторіи, объясняющее движенія въ исторіи фізіологическими потребностями людей и географической средой. Въдѣ прежде всего никакой голодъ не привелъ бы въ движеніе всемірной исторіи, если-бы онъ не производилъ мучительнаго чувства, и всякая борьба за экономическія блага есть борьба за ощущенія удобства и наслажденія; только благодаря такимъ цѣлямъ и получаетъ значеніе внѣшнее владѣніе. И качество почвы, и климата были бы для хода исторіи столь-же безразличны, какъ почва и климатъ Сиріуса, если-бы они прямо или косвенно не вліяли на психическое состояніе народовъ. Если бы существовала психологія, въ видѣ науки о законахъ, то историческая наука была бы въ той-же мѣрѣ прикладной психологіей, какъ астрономія теперь — прикладная математика. Если задачей філологіи является познаніе сознательнаго, то у исторической науки задача по сущности та-же, только болѣе широкая: познать на ряду съ сознаннымъ, т. е. теоретически предположеннымъ, еще и желаемое (*Gewollte*) и прочувствованное. Этотъ характеръ сущности (*Sinnerlichkeit*) историческихъ событій, указывающій на исходный пунктъ и цѣль всякаго изображенія ихъ внѣшнихъ проявленій, вызываетъ цѣлый рядъ специфическихъ предположеній, которыя должна сдѣлать теорія исторіографическаго познанія.

Помимо того абсолютнаго а priori интеллекта, изъ котораго мы исходили, имѣется еще и другое, внутри интеллекта дѣйствующее и относительное а priori. Если нѣсколько разъ составлять изъ единичныхъ представленій общее понятіе, изъ подлежащаго и сказуемаго — сужденіе, изъ нѣсколькихъ сужденій — положеніе, — то въ этомъ случаѣ матеріаль въполнѣ отдѣлимъ отъ формы,

которую онъ такимъ образомъ получаетъ; и тотъ, и другая мыслимы отдѣльно сами по себѣ. Много-ли, мало-ли апріорнаго и произвольнаго заключаетъ въ себѣ самъ этотъ матеріаль, — въ случаѣ, нами разсматриваемомъ, онъ является даннымъ содержаніемъ, надъ которымъ умъ совершаетъ дальнѣйшую свою дѣятельность, которая по отношенію къ этому содержанію является въ свою очередь апріорной; въ содержаніи ея нѣтъ, а привносится она въ него извнѣ. По согласію схемъ Канта имѣется лишь трехъ родовъ а priori: а priori чувственности, матеріаломъ которому служатъ ощущенія, а priori разсудка (*des Verstandes*), матеріаломъ котораго являются воззрѣнія (*Anschauungen*), и а priori разума (*Vernunft*), матеріаль коего — сужденія, — или собственно одно только а priori, такъ какъ прочія могутъ быть сведены къ а priori разсудка (*Verstandes*); эмпирическое наблюденіе легко, однако, выясняетъ всю невѣрность и узость такого дѣленія. Очевидно, имѣется много ступеней а priori и весьма различныя смѣшенія привнесенной формы и прежде уже бывшаго налицо содержанія. А особливо нѣтъ такого метода, который привелъ бы насъ къ замкнутой, обезпеченной отъ всякаго преступанія границъ системъ ассоціаціонныхъ функцій (*Verbindungsfunktionen*), при посредствѣ которыхъ мы могли бы оформитъ всякій данный намъ матеріаль. Существуютъ не рѣзкія, систематическія грани (*Scheidungen*), а постепенные переходы между самыми общими, подходящими для всякаго матеріала и даже превышающими опытъ отдѣльныхъ лицъ и спеціальными, даже эмпирически достигаемыми и, въ качествѣ апріорныхъ, примѣнимыми лишь къ извѣстному содержанію формами; слѣдовательно, и между закономъ причинности или сведеніемъ общаго въ различныхъ предметахъ въ одно понятіе, съ одной стороны, и методическими или ными предположеніями въ одной частной области жизни, въ одной какой-нибудь наукѣ, съ другой. Всякое, напримѣръ, образованіе права предполагаетъ желательность извѣстнаго порядка. Что отношенія людей между

собою дѣлають возможнымъ достиженіе такого порядка лишь путемъ установленія нормъ, и опредѣленія наказанія за преступленіе ихъ,—это весьма общее апріорное заключеніе, слѣдствіемъ котораго является извѣстная форма, т. е. сочетаніе уже бывшихъ представленій. Но эта форма сочетанія, направленная на созданіе законовъ, все-же не такъ всеобща, какъ, напримѣръ, причинная связь между психической мотивировкой и внѣшнимъ дѣйствіемъ, которая потребна и для образованія права и также можетъ быть установлена между явленіями, но не можетъ быть непосредственно изъ нихъ выведена. Но съ другой стороны апріорное заключеніе, образующее форму права вообще, опять-таки—заключеніе общее сравнительно съ предположеніями, изъ которыхъ проистекаетъ изданіе закона въ отдѣльныхъ случаяхъ. Такъ, напримѣръ, постановленіе о томъ, что обязанность доказательства лежитъ на истцѣ, или различное значеніе обычнаго права создаетъ такую группировку фактовъ въ цѣляхъ познанія,—въ данномъ случаѣ права,—которая сама не лежитъ въ дѣйствительномъ (фактическомъ) матеріалѣ, но значеніе которой впервые сказывается на немъ.

Кантъ съ полнымъ правомъ направилъ свое остроуміе критика противъ тѣхъ эмпириковъ, которые хотѣли ограничиться въ своемъ изслѣдованіи простымъ собираніемъ чувственныхъ впечатлѣній, регистраціей непосредственно доказуемыхъ фактовъ (*Thatsächlichkeiten*); онъ показалъ, что они, сами того не замѣчая, пользуются постоянно недоказанными метафизическими положеніями и лишь при ихъ посредствѣ устанавливаютъ между чувственными данными зависимость, которая и дѣлаетъ ихъ понятнымъ опытомъ. Но вліяніе и необходимость неизвѣстныхъ и недоказанныхъ предположеній простирается гораздо дальше, чѣмъ то указываютъ Кантовы изслѣдованія. Практика также подобно теоріи ежеминутно пользуется формами сочетанія эмпирическаго матеріала, тою особенною пластическою силою духа, которая можетъ влить въ многоразличныя окончательныя

формы любое данное содержаніе благодаря особому способу приводить ихъ въ порядокъ, согласовать ихъ и подчеркивать ихъ. Эти соединительныя сужденія (*Verbindungen*), которыя, будучи высказаны въ формѣ положенія, кажутся апріорными предпосылками, остаются несознанными настолько, на сколько сознаніе вообще направляется болѣе на данное, относительно внѣшнее, чѣмъ на собственную его внутреннюю функцію. Весьма и весьма многія содержанія мысли проходятъ черезъ духъ раньше, чѣмъ онъ вообще получить сознаніе, что онъ мыслить; предметы внѣшняго міра онъ замѣчаетъ гораздо раньше явленій, совершающихся въ немъ самомъ, и чѣмъ явленіе болѣе внутреннее, можно бы сказать, болѣе психическое, — тѣмъ позже обращается къ нему сознаніе, которое гораздо болѣе задерживается на внѣшнихъ его проявленіяхъ (*Erregungen*); и тѣмъ болѣе оно задерживается на нихъ, что они пестротою своихъ измѣненій и рѣзкостью своихъ противоположностей безпрестанно привлекаютъ къ себѣ чувствительность души къ контрастамъ, тогда какъ формальныя ея функціи даже количественно ограничены, при самомъ различномъ содержаніи представляется одинаковыми и благодаря своему давнишнему существованію и своей эндемической всеобщности создаютъ къ себѣ привычку, которая даетъ сознанію скользить по нимъ, какъ по чему-то абсолютно самому собою разумѣющемуся. И здѣсь оправдывается глубокое замѣчаніе Аристотеля, что то, что въ разумномъ порядкѣ вещей является первымъ — функція познанія духа — въ нашемъ наблюденіи и созерцаніи (*Beachtung und Beobachtung*) является послѣднимъ. Но какъ далеко простирается это безсознательное господство формъ сочетанія надъ фактическимъ матеріаломъ, этого Кантъ не позналъ вполне благодаря своему рѣзкому разграниченію апріорнаго отъ всего эмпирическаго.

Такъ какъ мы нынѣ допускаемъ распространеніе опыта гораздо дальше, чѣмъ то дѣлалъ онъ, и апріорное оттѣсняется для насъ все дальше и дальше. Въ сно-

шеніяхъ людей между собою каждый долженъ въ каждый моментъ предполагать въ другихъ наличность духовныхъ явленій, которыя онъ не можетъ непосредственно констатировать, но безъ которыхъ поступки этихъ другихъ оказались-бы безсмысленнымъ и безсвязнымъ скопленіемъ порывистыхъ (sprunghafter) импульсовъ; мы дополняемъ ихъ подобно тому, какъ мы дополняемъ отраженія предметовъ въ глазѣ, прерываемыя темнымъ пятномъ, не замѣчая даже этого перерыва благодаря тому, что дополненіе его само собою разумѣется. Подобно тому, какъ внутреннее мы понимаемъ лишь по аналогіи съ внѣшнимъ, на что указываетъ уже языкъ, обозначающій всѣ душевныя явленія лишь такими словами, которыя взяты изъ міра внѣшняго наблюденія, — подобно этому и внѣшнее поведение людей понимаемъ мы только благодаря лежащимъ за нимъ внутреннимъ побужденіямъ. Поэтому-то мы и дополняемъ внѣшнее такъ, какъ того требуетъ разъ предположенная внутренняя связь, т. е. такъ, что изъ дополненія этого вообще явствуется внутренняя связь. Можно утверждать, что едва-ли хоть одинъ очевидецъ (Berichterstatter) расскажетъ намъ о видѣнномъ вмѣстѣ съ нами происшествіи въ точности то, что онъ видѣлъ. Каждый судебный допросъ свидѣтелей, каждый рассказъ объ уличныхъ безпорядкахъ подтверждаетъ это. При лучшемъ желаніи излагать только истину, рассказчикъ къ непосредственно имъ видѣнному прибавляетъ кое-что, дополняющее происшествіе въ томъ смыслѣ, какой онъ вывелъ изъ дѣйствительныхъ данныхъ; и слушатель точно также на основаніи своего опыта и направленной имъ фантазіи, въ душѣ видитъ гораздо больше, чѣмъ дѣйствительно ему рассказали. Физиологія ума доставила намъ безчисленное количество фактовъ, когда мы фрагментарныя впечатлѣнія чувствъ по поводу отдѣльных объектовъ или движеній безсознательно дополняемъ такъ, какъ того требуетъ доселѣшній нашъ опытъ. Это сохраняетъ свое значеніе и при совокупности фактовъ; и въ изложеніи исторіи внѣшнее дополненіе опре-

дѣляется психическими предположеніями (Annahme), наблюденіями надъ непрерывностью и развитіемъ душевной жизни, надъ соотношеніями ея энергіи, надъ теченіемъ телеологическихъ процессовъ. Все это предполагается здѣсь благодаря внѣшнимъ обстоятельствамъ не только въ видѣ напоминанія, но, наоборотъ, разъ это ужъ предположено, внѣшнія событія дополняются настолько, что, будучи измѣряемы на основаніи законовъ опыта о связи внутренняго и внѣшняго, образуютъ непрерывный параллельный внутреннимъ явленіямъ рядъ. Это-то произвольное дополненіе внѣшняго и представляетъ собою одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ въ пользу того, что и внутреннее не просто выводится изъ фактовъ, но привносится въ нихъ на основаніи всеобщихъ предпосылокъ. Изъ чисто внѣшняго, каковое одинъ субъектъ представляетъ по отношенію къ другому, на основаніи безчисленныхъ безсознательныхъ предположеній, выводятъ заключеніе о мысляхъ и чувствахъ другого, заключеніе, которое, по меньшей мѣрѣ, является заключеніемъ по слѣдствію о причинѣ. Несомнѣнно, въ повседневныхъ обстоятельствахъ мы имѣемъ случай доказать справедливость этого заключенія, такъ какъ нашимъ на немъ основаннымъ поступкамъ соотвѣтствуетъ и въ дѣйствительности безо всякаго исключенія впередъ рассчитанное поведеніе другихъ. Но по отношенію къ болѣе высокимъ и болѣе сложнымъ душевнымъ явленіямъ заключенія эти становятся ненадежными, ведутъ къ безчисленнымъ заблужденіямъ и этимъ доказываютъ, что и въ болѣе вѣрныхъ случаяхъ они являются лишь предположеніями, привнесенными къ даннымъ и что вѣрность ихъ является слѣдствіемъ практической ихъ приложимости, а не внутренней необходимости, по которой они бы разумно вытекали изъ этихъ данныхъ.

Эти предположенія повседневной жизни повторяются въ историческомъ изслѣдованіи полнѣе и болѣе вліятельнымъ образомъ, чѣмъ въ какой-либо другой наукѣ, даже болѣе, чѣмъ въ самой психологіи. Послѣдняя вѣдь эти сомнительныя предположенія дѣлаетъ предметомъ

изслѣдованія *); исторія-же принимаетъ психологическія предпосылки недоказанными и безо всякаго метода. Даже если бы предпосылки эти были столь понятны и естественны (*selbstverständlich*), что каждый внѣшній фактъ неуклонно и вполне укладывался-бы подъ посылку, подходящую къ нему, и тогда установленіе ихъ было-бы нелегкою задачею. Но трудность задачи и искусство, потребное для разрѣшенія ея, крайне увеличивается еще и тѣмъ, что иной разъ мы видимъ, что у одного и того-же внутренняго явленія бываютъ совершенно различныя внѣшнія слѣдствія. Для насъ это становится понятнымъ лишь при предположеніи различія въ духовныхъ явленіяхъ, сопутствовавшихъ этому первому явленію, или бывшихъ слѣдствіями его; сообразно съ этимъ оно должно подводиться то подъ одну, то подъ другую совершенно противоположную—психологическую норму. Напр., Зибель рассказываетъ (*Gesch. d. Revolutionszeit*, II, 364) объ отношеніяхъ союза благоденствія къ гебертистамъ въ 1793 году: „Они (гебертисты) до сихъ поръ были въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ Робеспьеромъ, потому что онъ опирался на ихъ силы и вслѣдствіе этого споспѣшествовалъ ихъ желаніямъ. Но что ихъ неовозвратно отдѣлило другъ отъ друга,—такъ это то простое обстоятельство, что Робеспьеръ сталъ членомъ высшей государственной власти, а гебертисты остались въ подчиненномъ положеніи“. Внѣшніе факты:—Робеспьеръ поддерживаетъ желанія гебертистовъ; они присоединяются къ нему; затѣмъ онъ достигаетъ господствующаго положенія; они отпадаютъ отъ него—факты эти согласно приложеннымъ къ нимъ психологическимъ предпосылкамъ составляютъ крайне понятный рядъ. И все-же предпосылки эти вовсе ужъ не такъ неизбѣжны (*Zwingend*) и недвусмысленны, какъ онѣ кажутся сначала. Что путемъ поддерживанія чьихъ-либо желаній; путемъ оказанныхъ кому-либо благодѣяній приобретаешь

*) Она, конечно, иной разъ и сама дѣлаетъ предположенія по поводу того, что въ неясной формѣ находится во всѣхъ прочихъ, зависящихъ отъ нея познаніяхъ.

его дружелюбіе и практическую преданность, случается часто, но бываетъ и противное. Такъ, изъ временъ кровавой междоусобицы распри въ Треченто объ одномъ знатномъ равенцѣ рассказываютъ намъ, что онъ засталъ всѣхъ своихъ враговъ вмѣстѣ въ одномъ домѣ и могъ ихъ уничтожить безъ дальнихъ разсужденій; вмѣсто того, онъ ихъ отпустилъ и еще богато одарилъ. Послѣ этого они де боролись противъ него съ удвоенною силою и хитростью, пока не извели его—и потому именно, какъ добавляють къ этому, что стыдъ того, что они испытывали благодѣяніе, не давалъ имъ покоя. И здѣсь рядъ внѣшнихъ событій вполне для насъ понятенъ, если только мы дополнимъ его въ видѣ психологической предпосылки, посредствующаго звена—соображеніемъ о томъ угнетеніи чувства личнаго достоинства, которое такъ часто благодѣяніе превращаетъ въ гложущаго облагодѣтельствованнаго червя и дѣлаетъ его ярымъ врагомъ своего благодѣтеля. Для нашей цѣли безразлично, если въ данномъ примѣрѣ, быть можетъ, и передаются прямо выраженія участниковъ, которые сами рисуютъ свое психическое настроеніе, такъ что историку и не приходилось здѣсь строить предположеній; во-первыхъ, ему приходится дѣлать это въ безчисленномъ количествѣ подобныхъ-же случаевъ, въ которыхъ переданы лишь внѣшнія событія; во-вторыхъ, и это непосредственное сообщеніе онъ можетъ принять лишь въ томъ случаѣ, если знаетъ, что и то и другое душевное настроеніе возможно, и если онъ помощью собственнаго своего опыта въ состояніи реконструировать его. Далѣе, намъ понятно, что возвышеніе Робеспьера до положенія главы правительства вызвало враждебныя противъ него дѣйствія гебертистовъ, но лишь потому, что возбудило въ нихъ ненависть и зависть. Однако и сообщеніе о противоположномъ результатѣ мы—безъ дальнихъ разсужденій—могли-бы признать вѣроятнымъ. Если-бы полное развитіе могучей личности Робеспьера, господствующее положеніе, котораго онъ достигъ, разбило въ самой сущности (innerlich) всякое противодѣй-

ствие этой партии; если-бы въ сознаниі своего безсилія что-либо сдѣлать противъ этого, она—путемъ приспособленія и подчиненія,—пожелала сохранить хоть частицу соправленія: такое поведеніе было-бы для насъ вполне понятно, благодаря принятымъ нами психологическимъ нормамъ; вспомнимъ хотя-бы поведеніе римскаго сената въ эпоху военной диктатуры.

Вмѣсто того, чтобы въ самомъ внѣшнемъ фактѣ искать основанія для этого различія, мы въ одномъ случаѣ успокаиваемся на томъ, что благодѣяніе и достиженіе власти произвело соединяющій, въ другомъ—разъединяющій эффектъ. Даже болѣе, само душевное настроеніе, которымъ различаются оба случая, мы познаемъ лишь изъ слѣдующаго событія, которое въ свою очередь становится понятнымъ лишь благодаря принятію прежде совершившагося душевнаго аффекта.

Приведу одинъ еще примѣръ. Кнапи (*Der Landarbeiter*, 82) говоритъ о русскомъ аграрномъ строѣ послѣ отмены крѣпостного права:

„Крестьяне за плату обязывались производить на землевладѣльца такіа-то и такіа-то работы. Крестьяне брались за это крайне неохотно, такъ какъ измѣненіе въ правѣ мало доставляло крестьянину утѣшенія въ виду продолженія того факта, что онъ работаетъ на землевладѣльца; да и землевладѣльцу немного помогло это, потому что обязательная (*ausbedungene*) работа, замѣнившая принудительную,—плохо исполняется, не смотря на плату“. Первое обоснованіе предполагаетъ само собою разумѣющимся или, по меньшей мѣрѣ, не требующимъ дальнѣйшаго доказательства то обстоятельство, что чувства, вызываемыя извѣстнымъ строемъ, не измѣняются, пока по внѣшности строй этотъ остается тѣмъ же, хотя бы внутренній моментъ, прежде порождавшій эти чувства, и измѣнился совершенно. Второе—считаетъ чѣмъ-то вполне безспорнымъ, что крестьянинъ, надъ которымъ не имѣется уже полной господской воли, но съ которымъ приходится заключать договоръ, работаетъ хуже прежняго. Если бы факты показали, что

доходы съ помѣстьевъ въ Россіи послѣ 1864 года возросли, то прямо противоположныя психическія основанія помогли бы примирить причину и слѣдствіе: тогда порѣшили бы прямо, что не внѣшнее дѣйствіе (Thun), а этическая основа и мотивъ, изъ котораго онъ истекаетъ, рѣшаетъ, съ охотою ли и любовью или съ противоположными чувствами берутся за работу. Что же касается принудительнаго крестьянскаго труда,—мы въ Пруссіи до отмѣны крѣпостного права слышали наоборотъ, что барщинный трудъ—трудъ наихудшій, самый нерадивый и безсовѣстный. Не пускаясь въ дешевый и невѣрный скептицизмъ въ психологическомъ значеніи вообще такихъ примѣровъ, которые встрѣчаются на каждой страницѣ каждаго историческаго произведенія, мы въ виду такого различія возможныхъ толкованій должны обратить вниманіе на то, что они — вовсе не постоянный, а потому достойный пренебреженія факторъ. Вопросъ о психическомъ настроеніи, которое господствовало въ первоначальномъ состояніи, а потому—подобно тому, какъ направленіе прямой опредѣляется двумя точками—и объ общемъ характерѣ эволюціи—лучше рѣшается констатированіемъ того или другого на основаніи дальнѣйшаго внѣшняго событія. Особенно же важны эти предпосылки и выборъ ихъ въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда внѣшніе факты далеко не достовѣрны и однозначущи, а установленіе ихъ и приведеніе въ порядокъ зависитъ болѣе всего отъ психологической ихъ вѣроятности. Но и въ самыхъ вѣрныхъ случаяхъ не „простой фактъ“ рѣшаетъ, насколько намъ понятно послѣдствіе, а психологическія большіе послышки; „простой фактъ“ является меньшей послылкой, благодаря которой слѣдующее событіе и кажется намъ яснымъ и возможнымъ. Подъ видимыми дѣйствіями людей всегда подразумѣваются такія невидимыя цѣли и чувства, которыя необходимы для того, чтобы эти дѣйствія привести въ понятную зависимость. Если бы намъ приходилось не выходить за предѣлы фактически доступнаго константированію матеріала, то

плохо приходилось бы намъ при восстановленіи (Herstellung) какой-бы то ни было эволюціи (Entwicklung), при пониманіи какого-бы то ни было единичнаго даже явленія, какъ слѣдствія другого. Гельмгольцъ сказалъ когда-то, что доказательство закона причинности было бы весьма слабо, если бы его приходилось выводить изъ опыта; что случаи полной (lückenlos) его доказуемости очень рѣдки въ сравненіи съ громаднымъ количествомъ случаевъ, которые не поддаются еще полной постановкѣ въ причинную связь. Если таково положеніе дѣлъ съ явленіями не психическими (unpsychischen), то гораздо рѣже еще должно вытекать доказательство причинной связи изъ точнаго (strikten) опыта въ тѣхъ случаяхъ, когда въ видимыя явленія вплетаются запутанныя и неясныя явленія мозговой области, причинная связь которыхъ сама еще подвержена сомнѣнію. Полнымъ знаніемъ (Einsicht) мы очевидно обладали бы тогда, когда бы проникли во всѣ внѣшнія и тѣлесныя вліянія и во всю обстановку, лежащую между отдѣльными дѣяніями одной исторической личности, если бы притомъ мы знали значеніе каждаго, въ этомъ ряду находящагося, мозгового явленія. Но это лишь недостижимый идеалъ, а потому мы помогаемъ себѣ тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, вводимъ въ промежутокъ между внѣшними событіями и подразумеваемъ за ними психическіе импульсы. Гипотетическимъ и требующимъ особаго методическаго наблюденія является не только принятіе психическаго вообще, неуловимо находящагося за явленіемъ, но и специфическое содержаніе предположеннаго явленія въ сознаніи. Конечно, и первое, какъ ни покажется страннымъ считать это еще гипотезой, — не является ни въ какомъ случаѣ совершенно простымъ и безспорнымъ фундаментомъ историческаго повѣствованія и потому именно, что отношеніе сознательныхъ и безсознательныхъ явленій въ насъ очень ненадежно (unsicher). Особенно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о движеніяхъ цѣлыхъ группъ, которыя мы все же можемъ объяснить себѣ лишь судя по поставленнымъ

ими себѣ цѣлямъ и по прочувствованнымъ ими импульсамъ, — особенно здѣсь органическія явленія, совершенно безсознательныя, оказываются часто рѣшающими. И здѣсь, конечно, какъ и у отдѣльныхъ индивидовъ многое совершается путемъ внушенія, или благодаря утвердившемуся двигательному механизму, изъ котораго все сознательное давнымъ давно исчезло, или въ силу безсознательнаго возбужденія; этимъ путемъ совершается многое такое, что впослѣдствіи, благодаря формальной своей цѣлесообразности, сводится къ причинамъ, лежащимъ въ самомъ сознаніи. Подобно тому, какъ цѣлесообразное строеніе живыхъ существъ побуждаетъ наблюдательныхъ людей признавать разумную причину для нихъ, потому что мы привыкли считать цѣлесообразность слѣдствіемъ только сознательной разумной воли, подобно этому — конечно, такъ же ошибочно — и нѣкоторыя человѣческія дѣянія представляются намъ слѣдствіемъ сознательнаго стремленія къ цѣли, тогда какъ они проистекаютъ изъ совершенно механическихъ побужденій и несознанной необходимости. Если движенія нашихъ внутреннихъ органовъ, работа сердца, процессъ пищеваренія и т. п. идутъ сами собою такъ, какъ оно лучше всего для достиженія жизненныхъ цѣлей и притомъ такъ, что мы рѣшительно не сознаемъ этого, то точно такимъ же образомъ то же теченіе, которое регулируетъ его, можетъ упорядочивать и наши мозговые функціи такимъ образомъ, чтобы онѣ споспѣшествовали жизни; и при этомъ нѣтъ никакой нужды въ сознательности. И если утверждаютъ даже, что историческая наука должна описывать исторію лишь сознательныхъ поступковъ, то все же безсознательныя явленія такъ многообразно переплетаются съ сознательными и такъ проникаютъ въ самую основу ихъ, что безъ ихъ помощи недостижимо достаточное разъясненіе сознательнаго; толкованіе это по необходимости теряетъ свою цѣлостность, если мы захотимъ считаться (*unterlegen*) въ каждомъ видимомъ поступкѣ лишь съ ясными мыслями и сознательно поставленными

цѣлями. Вопросъ этотъ, имѣется ли вообще за каждымъ дѣйствіемъ способное быть выраженнымъ словами и сознательное душевное движеніе, — а принципиальное утвержденіе этого составляетъ предпосылку cadaго историческаго повѣствованія, — вопросъ этотъ становится особенно труднымъ, когда сталкиваешься съ событіями, цѣлесообразностью своей формы и импульсомъ своего проведенія въ извѣстномъ направленіи дѣйствительно обязанными сознанию, но затѣмъ утерявшими его, такъ какъ дѣйствіе постепенно превратилось въ чисто рефлекторное и инстинктивное. Если, на примѣръ, цѣлесообразность и необходимость заставляла какую-нибудь группу вести многократно войну, то изъ этого можетъ развиваться воинственная склонность, для позднѣйшихъ проявленій которой мы тщетно будемъ искать достаточныхъ основаній въ сознаніи дѣятелей. Или, напр., покорность и рабская угодливость одного сословія другому могли произойти благодаря вполне сознательнымъ причинамъ; но если онѣ существовали долгое время, то нельзя ужъ болѣе спрашивать у сознанія индивидовъ о мотивировкѣ цѣлю cadaго отдѣльнаго относящагося сюда поступка; если даже и имѣется еще въ дѣйствительности какая-нибудь цѣль, то сознаніе ея во всякомъ случаѣ исчезло и поступокъ проявляется помимо него. Ясно и то, какъ легко онъ проявится, даже если цѣли ужъ нѣтъ, но какое-нибудь внѣшнее возбужденіе или внутренняя привычка приводитъ къ формально знакомому раздраженію, на которое поступокъ и служитъ рефлекторнымъ отвѣтомъ. Поэтому ясно также, къ какимъ ошибкамъ ведетъ наивное предположеніе, что причину осмысленной связи между поступками отдѣльныхъ личностей или группъ должно, безъ дальнихъ разсужденій, искать въ сознательныхъ психическихъ побужденіяхъ, изъ телеологическаго характера которыхъ они и происходятъ.

Впрочемъ, въ дѣйствительности историческая наука пользуется и предположеніемъ полусознательности и безсознательности. Мы слышимъ о склонности иныхъ

народовъ неудержимо вступать въ схватки съ сосѣдями и какъ бы, по влеченію психическаго происхожденія, (Wachsthums) неудержимо расширять все дальше и дальше свои предѣлы; о темномъ стремленіи германскихъ народовъ въ Италію говорится такъ, какъ говорится объ инстинктѣ перелетныхъ птицъ, которыхъ влекутъ въ различныя страны свѣта вполне безсознательныя побужденія; съ другой стороны говорятъ о неподвижности и безпечности нѣкоторыхъ племенъ, каковая неподвижность часто навѣрное вовсе не сознается отдѣльнымъ индивидомъ; но поведеніе его опредѣляется, такъ сказать, самою природою, тогда какъ онъ считаетъ себя полнымъ дѣятельности и способности реагировать. Наконецъ, остается припомнить тѣ объективныя образованія, которыя, въ видѣ коллективнаго владѣнія, впервые закладываютъ основаніе обществу, какъ таковому: право и обычай, языкъ и образъ мысли, культъ и формы обмѣна. Конечно, все это не могло бы создаться безъ сознательной дѣятельности индивидовъ; но она почти никогда не направлялась, какъ къ цѣли своей, ко всему въ концѣ концовъ вытекающему изъ этого образованію. Скорѣе каждый трудится надъ своимъ дѣломъ, а дѣло, часть котораго оно составляетъ, ускользаетъ отъ его взора; окончательное соединеніе всѣхъ побочныхъ явленій (Beiträge), образованіе соціальной формы которую принимаетъ этотъ индивидуальный матеріалъ, не входитъ въ сознаніе отдѣльнаго работника. Онъ въ общежитіи съ другими ищетъ лучшаго выраженія для своихъ склонностей и воздержанія, для равнодушія и интересовъ, и находитъ благодаря этому части формъ общественныхъ отношеній; его потребности религіозныя заставляютъ его пропознать слова и совершать дѣйствія, въ которыхъ онъ надѣется найти вѣрнѣйшій путь къ божественному первоисточнику—и онъ этимъ участвуетъ въ созданіи культа; онъ старается путемъ извѣстныхъ правилъ осторожности защитить себя отъ обмана—и создаетъ этимъ общіе торговые обычаи. Отъ всякаго дѣйствія въ собственномъ интересѣ, если толь-

ко оно не разрушительно, отъ всякаго отношенія между людьми остается въ видѣ *carut mortuum* осадокъ, идущій на образованіе общественнаго духа, послѣ того какъ слѣдствія ихъ продистилируются по тысячѣ тонкихъ, для единичнаго сознанія недоступныхъ канальцевъ. Именно къ созиданію соціальной жизни лучше всего подходятъ слова: что онъ ткеть, ни одинъ ткачъ того не вѣдаетъ. Конечно, только у сознающихъ цѣли существъ могутъ выростать высшія соціальныя образованія; но они нарастаютъ, такъ сказать, на ряду съ сознаніемъ индивидовъ, путемъ образованія, которое не лежитъ въ немъ, — уже потому, что для этого соціального дѣйствія потребна такая однородность и одновременность безчисленныхъ дѣйствій другихъ, которую индивидъ провидитъ лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ. Иначе сказать, за видимыми историческими проявленіями ни въ коемъ случаѣ нельзя съ цѣлью разъяснить и связать ихъ предполагать, какъ постоянную ихъ функцію, полнаго сознанія; но, хотя таковое вообще и должно составлять предположеніе историка, оно довольно часто прерывается. Философіи исторіи слѣдовало бы установить, въ какихъ случаяхъ историкъ, руководимый инстинктомъ или размышленіемъ, отвлекается отъ сознательной цѣлесообразности въ поступкахъ людей; она должна бы изслѣдовать, когда намъ нужно для объясненія событія предполагать сознательную волю и мысль и когда намъ должно стараться избѣгать гипотезы о существованіи ихъ. Задачей нашей не является установленіе практическихъ правилъ для исторіографа въ смыслѣ оправданія того или иного предположенія. Это было бы возможно лишь для психологіи. Задачей теоріи познанія скорѣе является установленіе того, въ какихъ случаяхъ для нашей потребности разъясненія достаточно одного и въ какихъ другого. Объ историческихъ представленіяхъ — не такихъ, какимъ имъ должно быть, а такихъ, какими они являются въ дѣйствительности, должно бы поставить вопросъ по поводу тѣхъ основаній, по которымъ рѣшаются, хотя бы и безсозна-

тельно, различать сознательное и бессознательное въ мірѣ психическихъ явленій.

Предположивъ существованіе этой сознательности, обращаюсь теперь къ гипотезѣ о ея содержаніи. И здѣсь дѣло идетъ объ очень общемъ предположеніи. Для насъ не представляетъ никакого интереса, вѣрны ли объективно психологическія звенья, которыми историкъ связываетъ событія, т. е. выражаютъ-ли они дѣйствительно акты сознанія дѣйствующихъ лицъ, если только мы не понимаемъ ни содержанія, ни теченія этихъ явленій. Если такого пониманія нѣтъ, то пусть справедливость ихъ будетъ доказана какимъ угодно путемъ—пусть, напримѣръ, какъ это бываетъ въ иныхъ случаяхъ, здѣсь не будетъ психологическаго реконструирования со стороны историка, а будутъ даны намъ, повидимому, непосредственно выраженія и признанія самихъ дѣйствующихъ лицъ, мы все же не согласимся признать это тѣмъ, что мы называемъ истиной. Что же такое это пониманіе и каковы его условія? Первое изъ нихъ, очевидно, заключается въ томъ, чтобы мы могли въ себѣ воспроизвести эти акты, сознанія, чтобы мы могли „стать на мѣсто дѣйствующихъ лицъ“. Пониманіе высказаннаго положенія заключается въ томъ, что душевныя движенія говорящаго, которыя выливаются въ слова, возбуждаются ими въ слушатель; если только окажется существенное различіе въ представленіяхъ обоихъ лицъ, то это означаетъ, что либо слово плохо понято, либо вовсе не понято. Такого рода прямое воспроизведеніе бываетъ поэтому лишь тогда и тогда лишь достаточно, когда дѣло идетъ о теоретическомъ содержаніи мысли, въ которомъ не существенно то обстоятельство, чтобы оно имѣло точкой исхода представленія именно этого индивида. Въ объективныхъ и логическихъ познаніяхъ я придерживаюсь предмета познания точно такъ же, какъ и тотъ, представленія котораго объ этомъ предметѣ я „понимаю“, онъ мнѣ передаетъ лишь ихъ содержаніе и, такъ сказать, снова удаляется послѣ этого, содержаніе это на-

ходится въ моемъ мышленіи параллельно съ его мышленіемъ, не сохраняя въ себѣ отъ происхожденія изъ него ни отклоненія, ни измѣненія.

Это отношеніе нѣсколько уже измѣняется тамъ, гдѣ дѣло идетъ уже не о чисто теоретическихъ процессахъ мышленія, которые можно себѣ представить въ видѣ отраженія въ логическихъ формахъ объективнаго, для всякаго одинаковымъ представляющагося содержанія вещей, но тамъ, гдѣ дѣло идетъ о пониманіи субъективныхъ проявленій мысли (Vorgänge). Мы однако утверждаемъ, что понимаемъ каждый родъ и каждую степень любви и ненависти, мужества и отчаянія, воли и чувства, если даже выраженія, въ которыхъ мы и понимаемъ эти аффекты, не возбуждаютъ въ насъ той же страстности (Befangenheit). Однако, тотъ душевный процессъ, который мы именуемъ пониманіемъ ихъ, можетъ состоять лишь въ психологическомъ измѣненіи, въ усиленіи (Verdichtung) ихъ или въ болѣе блѣдномъ ихъ отраженіи; но гдѣ-либо содержаніе ихъ должно въ немъ найти себѣ мѣсто. Мы выше выставили задачей исторіи познавать не только познанное, но и желаемое и прочувствованное, а разрѣшивъ эта задача лишь тогда, если въ какой угодно психической обстановкѣ желаемое дѣйствующимъ лицомъ будетъ желаемо и пишущимъ, прочувствованное перечувствовано имъ. Ибо иначе не когда-либо имѣвшее мѣсто въ прошломъ реальное ощущеніе составляло бы то условіе, при которомъ только и происходитъ то, что мы называемъ пониманіемъ, а нѣчто иное. Тотъ, кто никогда не любилъ, не пойметъ никогда любящаго, немощный не пойметъ героя, холерикъ флегматика; и наоборотъ, наше пониманіе движеній, минъ и поступковъ другихъ тѣмъ легче достигается, чѣмъ чаще мы испытывали аффекты, символомъ которыхъ они являются, и въ той именно мѣрѣ легче или труднѣе, въ какой наше теперешнее внутреннее состояніе расположено къ подобнымъ или совершенно инымъ ощущеніямъ и такимъ образомъ насколько облегчается или затрудняется психологическое воспроизведеніе. Та-

кимъ образомъ, въ какой бы то ни было формѣ, о происхожденіи которой мы, конечно, можемъ себѣ и не составить еще никакой положительной картины, но повтореніе актовъ сознанія, происходящихъ въ другомъ, лежитъ въ самомъ пониманіи ихъ и даже необходимо для него. — Требуемое такимъ образомъ настроеніе оказывается значительно болѣе глубокимъ, если вмѣсто *содержанія* пониманія обращаютъ болѣе вниманія на то обстоятельство, что здѣсь дѣло идетъ о представленіи другого, какого-то *не-я*, о какомъ-то *не-я*. Конечно, относительно человѣческихъ объектовъ уговорились о слѣдствіяхъ въ теоріи познанія того разсужденія, что объекты познанія даются намъ не въ своемъ *an-sich*, но лишь какъ представленія. Могутъ сказать, что исторія намъ доступна гораздо болѣе, чѣмъ природа. Различіе между *я* и *не-я* въ томъ случаѣ, если оба — души, совершенно не то, какое бываетъ въ иномъ случаѣ; ибо оба они различаются лишь количественно, а не качественно (*generell*) и, если никакой духъ не въ состояніи проникнуть въ сущность природы, то въ сущность другого духа онъ проникнуть можетъ, такъ какъ онъ въ состояніи отразить его совершенно полно. Но на такомъ легкомъ столбѣ нельзя еще построить моста черезъ пропасть между *я* и *не-я*. Качественная однородность обоихъ прежде всего не уничтожаетъ необходимости посредничества между ними разнаго рода внѣшнихъ проявленій, взаимнаго обмѣна и символовъ. Непосредственное отраженіе; непосредственное, изъ тождества сущности ихъ вытекающее пониманіе было бы чтеніемъ мыслей и телепатіей или предполагало бы предустановленную гармонию, не менѣе чудесную, чѣмъ Лейбницовская. Познание даже духовнаго явленія является скорѣе все же такимъ процессомъ, который можетъ быть только возбужденъ и въ концѣ концовъ долженъ быть совершенъ самимъ субъектомъ. Но это въ концѣ концовъ значило бы превращать дѣйствительный параллелизмъ (*sachliche Parallelität*) изъ прямого въ косвенный; можно было бы въ концѣ концовъ, не смотря на

всѣ необходимые обходы, отпечатлѣть какое-либо душевное движеніе въ другой душѣ такъ же точно, какъ слова, переданныя на телеграфный аппаратъ, воспроизводятся на аппаратѣ другой станціи, хотя то, что лежитъ между ними и несетъ ихъ, является событіями совершенно имъ чуждыми. Но гораздо глубже лежащимъ затрудненіемъ является то обстоятельство, что такимъ образомъ произведенныя во мнѣ ощущенія (*Vorgänge*) въ то же время—не мои, что я ихъ мыслю историческими, хотя представляю ихъ себѣ я, что такимъ образомъ это мои представленія, хотя я мыслю ихъ, какъ представленія другого.

Недостаточно также и того, если, желая познать другого, мы воспроизводимъ его душевныя движенія и при этомъ говоримъ: но не я, а тотъ чувствуетъ это. Ибо, во-первыхъ, согласно съ предположеніемъ, я въ сущности ощущаю это, и положеніе это не можетъ быть высказано *вдобавокъ* къ содержанію, такъ какъ тогда оба оставались бы изолированными другъ отъ друга, но оно должно проникнуть въ это содержаніе и соучествовать ему непосредственно, какъ показатель (*Exponent*) его. Это ощущеніе того, чего я собственно не ощущаю, это воспроизведеніе субъективности, которая возможна опять-таки только въ субъектѣ, но которая въ то же время объективна по отношенію къ нему — это загадка историческаго познаванія, для разрѣшенія которой наши логическія и психологическія категоріи оказываются орудіями еще слишкомъ грубыми. Конечно, въ этомъ познаваніи содержится и то и другое: исполненіе самимъ изслѣдуемаго (*fraglichen*) акта и сознаніе, что онъ произошелъ у другого; но это—лишь послѣдующее разложеніе его на элементы, о которыхъ, какъ таковыхъ, самъ историческій процессъ познанія не проявляетъ никакого сознанія. Здѣсь нѣтъ рѣчи о послѣдующемъ соединеніи составныхъ частей, которыя раньше существовали раздѣльно, такъ же, какъ и въ наблюденіи внѣшняго міра ощущеніе чувства и сознаніе пространства (*Raumanschauung*) не существуютъ раздѣльно, а

затѣмъ ужъ соединяются вмѣстѣ. Проектированіе представленія и чувства на историческую личность есть особенный актъ, необходимымъ условіемъ котораго всегда является то обстоятельство, чтобы и изслѣдуемая психическія движенія испыталъ въ моей субъективной жизни. Однако, будучи воспроизводимы въ видѣ представленій другого, они претерпѣваютъ нѣкоторое психическое измѣненіе, которое отвлекаетъ (*abhebt*) ихъ отъ собственнаго субъективнаго переживанія познающею личностью такъ же, какъ они отвлечены и отъ переживанія познаваемой личностью. Такимъ образомъ, если оба послѣднія даже качественно (*generell*) совершенно одинаковы, если даже любовь и ненависть, мысли и желанія, радость и страданія, какъ личныя явленія въ душѣ познающаго совершенно тѣ же, что были въ душѣ познаваемаго, то все же не это непосредственно одинаковое составляетъ историческое познаніе, но процессъ представленія, измѣненный путемъ проектированія на другого. Точно то же мы видимъ и въ отношеніи мысли къ матеріи: если бы дѣйствительно трансцендентный субстратъ души и внѣшняго міра и былъ бы одинъ и тотъ же, то все же это не означало бы, что представленія, которыя она себѣ дѣлаетъ о немъ, въ дѣйствительности тѣ же, что и сущность (*Ansich*) міра, или что они представляютъ непосредственное отраженіе его; напротивъ, познаніе міра пребывало бы всегда въ особенныхъ формахъ опыта, независимо отъ тождества субстратовъ, граничащихъ съ нимъ съ обѣихъ сторонъ, если бы даже тождество это одно и давало бы возможность создавать представленія вообще. Совершенно аналогично съ этимъ и въ историческомъ изслѣдованіи психологическое тождество между познающимъ и познаваемымъ создаетъ возможность познанія вообще, но само по себѣ еще не обозначаетъ, что представленіе, проектированное изъ субъекта, обладаетъ одинаковымъ содержаніемъ съ поставленнымъ на очередь субъективнымъ явленіемъ въ исторической личности.

Я не буду разсматривать болѣе подробно эту мета-

морфозу, которая происходит съ первичнымъ содержаніемъ души, когда оно объективируетъ и когда вмѣстѣ съ нимъ познается другая личность, но, предположивъ ее, подчеркнуто тождество психологическаго содержанія между субъектомъ и субъектомъ историческаго познаванія, которое (тождество) потребно для послѣдняго. Если бы историческія событія возможно было понимать только путемъ предположенія (*Unterlegung*) такихъ психическихъ актовъ, которые отстоятъ слишкомъ далеко отъ таковыхъ же, происходящихъ въ душѣ наблюдателя, то ихъ и въ дѣйствительности не понимали бы, и описаніе ихъ производило бы такъ же мало впечатлѣнія на нашу душу, какъ рѣчь на незнакомомъ намъ языкѣ.

Историкъ поэтому прежде всего дѣлаетъ предпосылку, что его душа можетъ возстановить въ себѣ психическія состоянія его личностей, т. е., что существуетъ какая-то—хотя бы самая отдаленная—аналогія между его и ихъ установленными дѣйствіями: что сознательная подкладка, которую имѣютъ или имѣли бы у него подобныя поступки, существовала и у нихъ. Ранке выражаетъ желаніе быть въ состояніи погасить свое *я*, чтобы видѣть вещи такими, какими онѣ были *an sich*; но исполненіе этого желанія не дало бы ему достигнутьжелаемаго успѣха. Погасни *я*, и ничего бы не осталось, благодаря чему можно было бы познать *не-я*. Примѣсь своего *я* не является несовершенствомъ, котораго должно избѣгать идеальное познаніе; оно можетъ ограничить лишь извѣстныя стороны этого *я*; желать же погашенія своего *я* вообще—логическое противорѣчіе, и не потому только, что оно въ концѣ концовъ является носителемъ представленія вообще—въ этомъ отношеніи и Ранке ограничилъ свое выраженіе—но и потому еще, что его специфическое содержаніе является необходимо посредствующимъ звеномъ (*Durchgangspunkt*) всякаго пониманія другихъ. Это сочувствіе (*Mitfühlen*) мотивамъ дѣйствующихъ лицъ, всему ихъ существу въ его цѣломъ и каждой частной подробности его, котораго пе-

редаются намъ лишь фрагментарныя проявленія; это перенесеніе себя во все многоразличіе громадной системы силъ, изъ которыхъ каждая можетъ быть понята лишь тогда, когда ее отражаютъ на себѣ—это и есть настоящій смыслъ требованія, чтобы историкъ былъ непременно художникомъ. Обыкновенное толкованіе (*Auffassung*), будто требованіе это вступаетъ въ права лишь по окончаніи изслѣдованія фактовъ и лишь по отношенію къ изложенію для читателя, — крайне не-вѣрно; вѣдь въ изложеніи художникомъ долженъ быть и физикъ, и филологъ, и юристъ, словомъ, каждый ученый, который пишетъ для другихъ, особенно для большихъ круговъ читателей. Уже въ то время, какъ историкъ взвѣшиваетъ, оформляетъ и приводитъ факты въ такой порядокъ, чтобы они давали связную картину психологическаго теченія, дѣятельность его приближается къ дѣятельности поэта, различаясь по свободѣ, которую послѣдняя имѣетъ въ изображеніи повѣствуемаго, лишь въ степени. Вѣдь и поэтъ послѣ того, какъ онъ изберетъ извѣстный характеръ, послѣ того какъ обстоятельства поставятъ его дѣйствующихъ лицъ въ извѣстное направленіе, не свободенъ уже; всѣ событія, которыя онъ создаетъ, ограничены извѣстной широтой въ своемъ отклоненіи отъ средняго психологическаго наблюденія надъ подобными людьми и случаями. Если процессъ поэтическаго творчества, который, исходя изъ свободнаго творчества, долженъ дальнѣйшее изображеніе до конца произведенія сдерживать въ границахъ извѣстныхъ законовъ совершенія событій, если процессъ этотъ подходитъ къ эпиграфу: „Первый шагъ—свободенъ, у второго мы рабы“, то исторія лишь переворачиваетъ этотъ эпиграфъ наизуворотъ. При первомъ, при фактическомъ матеріалѣ, съ котораго начинается работа,—она связана; въ связываніи же его въ цѣлое историческаго хода—она свободна, т. е. предоставлена въ вѣдѣніе функционированія субъективныхъ категорій и образамъ въ душѣ историка. То, что Шопенгауеръ говоритъ о сущности эстетической дѣятельности, имен-

но: что интеллектъ оставляетъ въ собственномъ своемъ я особенности свои (Befangenheit), чтобы вполнѣ слиться съ объектомъ, отъ котораго теперь его ужъ не отдѣляетъ никакая двойственность существа, но которое безъ остатка отражается въ немъ — это фактически — оставивъ въ сторонѣ метафизическое одѣяніе — мы можемъ считать рѣшающимъ и для историка, даже для всякаго, кто занимается какимъ-либо историческимъ познаниемъ. Ибо всякое изображеніе, всякое пониманіе психологическаго объекта означаетъ, что понимающій испытываетъ то же душевное движеніе, въ изученіе котораго онъ погружается и каковымъ онъ — поскольку его я состоитъ изъ тогдашнихъ представленій — въ данную минуту *является* *).

*) Особенно затруднительнымъ для историка является то обстоятельство, что онъ можетъ получить цѣльный образъ личности лишь изъ ея отдѣльныхъ проявленій, а эти частности онъ можетъ правильно взвѣсить и сгруппировать лишь благодаря цѣльному образу личности, лежащему въ самой основѣ его изображенія. Этотъ логическій кругъ, какъ и многіе подобные, на практикѣ разрѣшается тѣмъ, что другъ друга предполагающіе моменты развиваются, взаимно другъ на друга влияя, и постепенно. Конечно, абсолютно вѣрное познаніе характера и всѣхъ наклонностей личности могутъ получиться лишь на основаніи вѣрной оцѣнки ея проявленій и наоборотъ; поэтому, такъ какъ дѣло идетъ о безусловной вѣрности и полнотѣ обоого рода познаній, то нельзя было бы добиться ни того, ни другого. Но такъ какъ одно и другое получается лишь по частямъ, такъ какъ въ обоихъ происходитъ постепенный ростъ догадки и требующаго изслѣдованія предположенія до точности, то твердо установленный пунктъ на одной сторонѣ служитъ для фиксированія подобнаго же пункта на другой, а связь его съ дальнѣйшими вновь подтверждаетъ первый. Конечно, кое-гдѣ приходится начинать съ чисто догматическаго или гипотетическаго положенія, и пригодность послѣдовавшихъ изъ этого выводовъ можетъ рѣшить, насколько вѣрно само основаніе; въ изслѣдованіи духовной жизни не только фундаментъ поддерживаетъ постройку, но и постройка фундаментъ. Отношеніе цѣлаго къ части, которое повсюду задаетъ методикѣ познаванія самыя головоломныя загадки, выказываетъ свои трудности и тамъ, гдѣ дѣло идетъ о цѣломъ или единичномъ какого-либо индивида. То же затрудненіе встрѣчается и по отношенію къ познанію сущности и наклонности цѣлыхъ народовъ и группъ, цѣлыхъ періодовъ времени и даже отдѣльныхъ событій. Одною изъ хитроумнѣй-

Вообще дѣло въ теоріи познанія заключается не въ томъ, что историкъ понимаетъ историческую личность, потому что онъ походить на нее—это вѣдь не нужно доказать—но въ томъ, что онъ предполагаетъ свое сходство съ ней, потому что хочетъ ее понять и иначе этого сдѣлать не можетъ. Здѣсь то-же отношеніе, какое Кантъ установилъ для познаванія природы: мы не потому познаемъ дѣйствительность, что мышленіе и бытіе тождественны, но наоборотъ, они тождественны потому, что мы ихъ познаемъ, т. е. потому, что нашъ разумъ вкладываетъ свои формы познанія въ бытіе, потому что онъ создаетъ его въ своемъ представленіи согласно тѣмъ законамъ, которые ему необходимы были въ цѣляхъ наблюденія. Историкъ отбрасываетъ, какъ неправдоподобныя и невѣрныя, тѣ изъ передаваемыхъ ему дѣяній, которыя свидѣтельствуютъ о такой психической подкладкѣ, которой невозможно возстановить, если вдуматься въ прежде предпосланное психическое состояніе личности, и которая такимъ образомъ противорѣчитъ логикѣ психическихъ фактовъ. Отличіе отъ отказа передавать факты въ виду внѣшняго физическаго неправдоподобія здѣсь очевидно лишь въ степени и притомъ лишь на столько, на сколько физическіе законы природы намъ точнѣе извѣстны, чѣмъ законы психическіе.

Для воспроизведенія душевныхъ явленій историку необходимо имѣть въ виду двѣ вещи. Впервыхъ, естественныя, присущія душѣ его силы и категоріи, область вліянія которыхъ и составляетъ все то (*Umfang dessen*),

шихъ задачъ теоріи познанія является задача—сдѣлать сознательнымъ фактически примѣняемый способъ этого взаимодействія и показать на единичныхъ примѣрахъ: какъ наше историческое пониманіе сначала занимается частностями, которыя безъ цѣльной картины двусмысленны, даже безсмысленны; каковы типическія измѣненія, которыя приносятъ помутно въ пониманіе частностей принятая на пробу общая тенденція; когда познанія, направленные на частности и на цѣлое, уложатся другъ на друга пластами—въ какомъ отношеніи становятся шире эти пласты, чѣмъ выше ведется вся постройка и т. д.

что можетъ быть вообще понято и прочувствовано его сознаниѣмъ. Въ вторыхъ, фактическія наблюденія, которыя и составляютъ содержаніе этихъ силъ (*Vermögen*) и формъ и показываютъ ему, какія мысли и чувства, воплощеніе которыхъ вообще возможно въ душѣ его, осуществляютъ вокругъ него въ воодушевленномъ мірѣ. Критика теоріи познанія должна различать и то и другое другъ отъ друга. Въдѣ историкъ можетъ отбросить, какъ невозможные, нѣкоторые факты, а другіе сопоставить другъ съ другомъ лишь въ извѣстномъ порядкѣ, потому что психическіе процессы, которые иначе онъ долженъ былъ бы допустить, ему непонятны, т. е. не могутъ быть воспроизведены имъ самимъ. Само собою разумѣется, что здѣсь дѣло идетъ не объ отдѣльныхъ мысляхъ или импульсахъ, а о связи между ними, о выступленіи въ дѣйствіе одного подъ условіемъ, что другой уже принятъ нами. Съ другой стороны онъ можетъ внутренне допустить такія психическія явленія и опредѣленные комбинаціи ихъ, которыя, повидимому, подтверждаютъ преданіе, но долженъ будетъ ихъ измѣнить, потому что жизненный опытъ показываетъ ему, что подобнаго рода дѣла создаются въ фантазіи, но не случаются въ дѣйствительности. Здѣсь-то и находитъ философія исторіи объекты своего изслѣдованія въ тѣхъ вліяніяхъ, которымъ подлежатъ съ обѣихъ сторонъ историческія картины и которыя обыкновенно замѣчаются въ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ, въ которыхъ они ужъ слишкомъ далеко переступаютъ за предѣлы въ среднемъ допустимаго субъективизма. Много имѣется подъ рукою примѣровъ различія не только въ историческомъ изложеніи, но и въ установленіи фактовъ изъ жизни, скажемъ, Цесаря, Григорія VII или Мирабо, смотря потому, на сколько широкій или ограниченной натурой является историкъ; не мало и такихъ, которыя происходятъ благодаря различію въ кругѣ наблюденій историка: смотря потому, въ узкихъ-ли, мелко-буржуазныхъ отношеніяхъ, или въ широкомъ общеніи съ міромъ, въ связанномъ-ли политически или въ

свободномъ общежитіи собиралъ онъ свои воззрѣнія на жизнь. Это мы знаемъ въ сущности потому, что мы можемъ себѣ представить это и не особенно вглядываясь въ дѣло, да еще и потому, что нѣсколько разительныхъ примѣровъ сдѣлали невозможнымъ не усматривать этого. Научное познаніе этого явленія требовало изслѣдованія возможно большаго числа случаевъ, даже такихъ, въ которыхъ, повидимому, субъективизмъ совершенно исчезаетъ — изслѣдованія, для котораго потребна та тонкая сила анализа (*Spürkraft*), которая достигла въ классической филологіи такихъ блестящихъ успѣховъ.

Субъективные предразсудки и субъективная окраска въ отдѣльности, конечно, исправимы. Въ тотъ моментъ, когда доказываешь ихъ и ихъ психологическое происхожденіе, можно и отдѣлаться отъ нихъ. Но обыкновенно забываютъ при этомъ, что, если и выбросишь этотъ шлакъ, все же не получишь золота, что новое познаніе будетъ, конечно, свободно отъ этого опредѣленнаго субъективнаго предположенія, но далеко не отъ всякаго вообще. Исправляютъ одну редакцію, но исправляютъ ее другою. Не только предпосылки познания вообще, *intellectus ipse* въ самыхъ общихъ формахъ его, должны быть приняты прежде всякаго особаго содержанія, взятаго изъ наблюденія, такъ какъ, если-бы въ интересахъ чисто-объективной истины отдѣлаться отъ нихъ, то нельзя было бы вообще создавать себѣ представлений; но вѣдь и эти въ общемъ данныя формы существуютъ опять-таки въ отдѣльныхъ умахъ, а поэтому и въ индивидуальной окраскѣ и модификаціи, такъ что этотъ индивидуальный духъ въ своей совокупной тенденціи и въ своемъ логическомъ настроеніи характера представляетъ въ своемъ временномъ осуществленіи въ нѣкоторомъ родѣ апріорное положеніе для всеобщаго *arguere*. Эти общія формы, какъ мы ихъ себѣ систематически представляемъ, имѣютъ лишь значеніе общихъ понятій, которыя въ дѣйствительности — здѣсь въ дѣйствительномъ познаниі — не находятся таковыми, а вы-

ступаютъ всегда съ нѣкоторымъ специфическимъ отличіемъ, которое, конечно, можно устранить, но лишь тѣмъ, что на его мѣсто ставятъ другое. То, что мы понимаемъ подъ единствомъ и развитіемъ характера, соотвѣтствіемъ (*Zusammengehörigkeit*) цѣли и средства, психологической причинной связью, — все это представляется каждому оперирующему этими понятіями человеку не въ абстрактной, а въ личной формѣ и производитъ свои дѣйствія на историческій матеріалъ не въ видѣ логическихъ категорій — это недостижимый идеалъ познаванія, — а въ видѣ психологической силы, которая принадлежитъ личности совмѣстно со всѣмъ ея опытомъ, инстинктами и чувствами. Подобно тому, какъ ни одинъ человекъ не есть человекъ вообще, а состоитъ лишь изъ общихъ всѣмъ людямъ качествъ, такъ и никакое познаніе не есть познаніе вообще, а состоитъ въ приложеніи общихъ апріорныхъ формъ мысли. Можно, конечно, путемъ абстракціи и отвлеченія специфическихъ различій создать себѣ человека вообще, но какъ только мы захотимъ имѣть дѣйствительнаго человека, мы сейчасъ-же должны опять привнести сюда кое-что психическое индивидуальное — да это специфическое только и можно себѣ наглядно представить въ такомъ одѣяніи; — точно таково-же отношеніе между апріорной формой мышленія и реальнымъ ея воплощеніемъ *).

*) Здѣсь идетъ рѣчь о своеобразномъ и въ своеобразіи своемъ не легко понимаемомъ апріорномъ положеніи. Если мы допускаемъ таковое въ теоріи познанія, то мы подъ этимъ разумѣемъ опредѣленные по содержанію и поддающіяся фиксировкѣ по объему представленія, которыя затѣмъ по окончаніи наблюденія всегда оказываются тождественными; такъ что всеобщность и необходимость апріорнаго положенія является существеннымъ его признакомъ. Но здѣсь рѣчь идетъ объ апріорномъ положеніи, содержаніе котораго не обще, а индивидуально, и въ которомъ нѣтъ ничего общаго и необходимаго, кромѣ развѣ того, что мѣсто познанія вообще заполнилось-бы и опредѣлилось-бы какимъ-либо апріорнымъ положеніемъ; какос-же изъ безчисленнаго количества возможныхъ содержимыхъ (*Erfüllungen*) должно быть внесено въ него какъ разъ въ данномъ намъ случаѣ, — это дѣло вполне неопредѣленное и случайное. Вопросъ, который имѣлъ такое вѣр-

Въ изображеніи историческаго матеріала по внутреннему и внѣшнему наблюденію историка играетъ роль одна несоизмѣримая величина, которая сильно затрудняетъ теоретически-познавательное изслѣдованіе.

Дѣло въ томъ, что мы можемъ, не смотря на все, воспроизвести психическія явленія у другихъ лицъ и притомъ съ полнымъ сознаниемъ ихъ совершенной справедливости, хотя-бы мы ихъ не наблюдали ни у себя, ни у другихъ. Говорить, что это лишь простое измѣненіе формы реального наблюденія—весьма не основательно. Во-первыхъ, граница между формою и матеріей въ этомъ смыслѣ была бы весьма произвольной и означала бы скорѣе не дѣйствительное различіе, а простую номенклатуру, созданную лишь впоследствии; ужъ не говоря о томъ, что произвольное образованіе формы—не меньшая загадка, чѣмъ такое-же образованіе матеріи; а затѣмъ все еще оставался-бы вопросъ, почему это одна форма, въ которую мы вносимъ изнутри другое данное намъ опытное содержаніе, обладаетъ такой субъективною достовѣрностью своей возможности и дѣйствительности, а другая, для нашей фантазіи

ное значеніе для Кантовой критики: можетъ-ли апріорное въ познаваніи само быть познано а priori, этотъ вопросъ для даннаго случая находить свое разрѣшеніе; именно, его необходимость вообще (generelle) устанавливается а priori; а priori достигается познаніе того, что логическія категоріи вступаютъ въ дѣйствіе лишь съ окраскою и тономъ цѣльной индивидуальности; но спеціальное содержаніе этого а priori апріорнаго совершенно измѣнчиво и можетъ устанавливаться лишь для каждаго частнаго случая. То обстоятельство, что психологически - историческое познаніе уступаетъ больше мѣста индивидуальному а priori, чѣмъ познаніе внѣшней природы, объясняется тѣмъ, что относительно категорій расположенія (Anordnung) и сужденія, по очень понятнымъ причинамъ нельзя достигнуть такого единогласія среди всѣхъ индивидовъ, какое имѣется относительно категорій внѣшняго міра. Въ послѣднихъ индивидуальность въ тонѣ логическихъ категорій не имѣетъ значенія, потому что различія индивидуальныя въ этомъ смыслѣ—лишь временныя, хотя и очень замѣтныя для различныхъ большихъ историко-культурныхъ періодовъ.—Логическое и психологическое могло здѣсь сростись въ одно цѣлое, расчленять которое не было повода.

столь-же возможная и не болѣе, чѣмъ та, уклоняющаяся отъ эмпирическаго подтвержденія, такого чувства съ собой не приносить. Самый поразительный и могучій (unausgesprochen) даръ такого рода обыкновенно называютъ геніальностью: геній, кажется, изъ самого себя черпаетъ такія познанія, какія человѣкъ не геніальный можетъ получить только изъ опыта. Самыя тайныя побужденія представляются ему во внутренно связанной, убѣдительной картинѣ духовныхъ явленій, соединенія мыслей и страстей историческихъ личностей, примѣровъ какового уже давнымъ давно не было и нѣтъ; его фантазія, соединяя самое отдаленное, разъясняя самое чудесное, располагаетъ притомъ такимъ матеріаломъ, какового его опытъ не можетъ дать ему въ распоряженіе. Довольствоваться полной необъяснимостью этой психологически-исторической геніальности, ненадежно ужъ потому, что вопросъ поставленъ не о двухъ-трехъ высочайшихъ геніяхъ; между ними и обыденными людьми имѣется безчисленное количество посредствующихъ явленій; послѣднія-то довольно часто проявляютъ значительныя наклонности къ кажущемуся надъ эмпирическимъ геніальному изображенію иначе чуждыхъ имъ душевныхъ волненій. Это тѣмъ ближе подходитъ сюда, что вѣдь и историческій геній можетъ выражать свои выводы лишь на словахъ, которые могутъ лишь возбуждать въ другихъ и облегчать психическіе процессы, о которыхъ идетъ рѣчь, но воспроизведеніе ихъ все-же предоставляетъ имъ. Чтобы въ этой крупной области пониманія не испытанныхъ душевныхъ движеній, не видѣть чуда, мы можемъ разсматривать подобное пониманіе, какъ переходъ въ сознательное состояніе (Bewusstwerden) унаслѣдованныхъ и находящихся въ потенціи (latenter) душевныхъ склонностей. Поколѣнія древнѣйшія передали по наслѣдству въ какой-либо формѣ своимъ потомкамъ органическія измѣненія, которыя необъяснимымъ пока образомъ были связаны съ ихъ душевными движеніями; но неизмѣримое множество, малая величина и противоположность отдѣльныхъ частей этого

наслѣдства не даютъ имъ вообще доходить до яснаго сознанія. Геніемъ мы называемъ того человѣка, въ которомъ эти дары такъ благопріятно установлены, что воспроизведеніе происходитъ легко, при малѣйшемъ возбужденіи и достигаетъ до полнаго сознанія. Психическіе процессы, которые лежали крайне далеко отъ его индивидуальнаго опыта, происходятъ въ немъ, потому что они отложились въ его организмъ въ видѣ вѣкотораго рода воспоминаній и при томъ, по исключенію, отложились такъ, что безчисленные противныя теченія и затемнѣнія, проистекающія изъ того-же источника, не изымаютъ ихъ изъ сферы сознанія. Поэтому понятны намъ и случайныя геніальныя вспышки вообще не геніальныхъ людей и то, что они вообще могутъ слѣдовать за открытымъ геніемъ пониманіемъ; ясное выраженіе и возбужденіе родственныхъ группъ психологически помогаетъ лежащей и въ нихъ наслѣдственности дойти до сознанія. Такимъ образомъ мистическое ученіе Платона, по которому всякое изученіе есть лишь воспоминаніе, — получаетъ вполне реальное значеніе. Если мы представляемъ себѣ давно, ужъ сошедшихъ со сцены людей со всѣмъ разнообразіемъ самыхъ тайныхъ ихъ побужденій, если изъ фрагментарныхъ фактовъ мы провидимъ ихъ характеръ, который образовался подъ вліяніемъ намъ совершенно чуждыхъ никогда нами не виданныхъ отношеній, то очевидно было бы напрасно объяснять эту способность опытомъ индивидуальной жизни; такъ же, какъ цѣлесообразность инстинктивныхъ движеній или направленіе и справедливость нравственныхъ импульсовъ нельзя выводить изъ этого источника. Какъ тѣло наше заключаетъ въ себѣ приобрѣтенія тысячелѣтняго развитія и какъ въ нашихъ простыхъ органахъ сохраняются еще слѣды прежнихъ эпохъ, такъ и духъ нашъ, какъ то показываетъ самое простое воспоминаніе, содержитъ въ себѣ результаты и слѣды прошедшихъ психическихъ процессовъ различныхъ ступеней развитія нашего рода. И вся мѣра пониманія нашего, даже нашихъ современниковъ, которые

сильно отклоняются отъ образа мыслей и чувствъ нашихъ, можетъ происходить отъ того, что родовая наслѣдственность наша кромѣ нашего особаго характера содержитъ еще слѣды характеровъ другихъ предковъ и такимъ образомъ дѣлаетъ возможнымъ пониманіе, т. е. воплощеніе подобныхъ имъ психическихъ процессовъ. Геніальный знатокъ людей—лишь счастливый въ этомъ отношеніи наслѣдникъ рода, а геніальный историкъ лишь высшая степень того-же. Ибо историческое пониманіе отличается лишь степенью отъ пониманія современныхъ людей и отношеній. И послѣдніе представляются намъ внѣшними явленіями, далеко не полными и съ точки зрѣнія чувственной эмпирии, каждый другой человѣкъ является для насъ автоматомъ, каждое его слово простымъ звукомъ, въ который мы должны вложить душу изъ собственнаго я. Только количественно отличается процессъ историческаго познаванія отъ процесса пониманія, который совершается въ насъ при внѣшнемъ видѣ такихъ образовъ; процессъ историческаго познаванія имѣетъ дѣло лишь съ еще менѣе полнымъ и связнымъ матеріаломъ, съ еще менѣе точными указаніями, съ еще большей игрой конъюнктуры и еще большей необходимостью ея. Если-бы однако намъ пришлось въ виду всего этого ссылаться на смутныя унаслѣдованія, которыя намъ разъясняютъ даже и не пережитое нами, то различіе между вообще употребительными предпосылками, которыя мы переносили на событія для ихъ пониманія, и только личнымъ толкованіемъ провести было-бы крайне трудно. Если геніальное да и всякое иное пониманіе историческаго хода собыій проистекаетъ изъ подобнаго источника, то средства нашего познанія вполнѣ тѣмъ самымъ отказываются расчленять до конца эти предпосылки и доводить ихъ въ свою очередь до ихъ источниковъ; въ такихъ случаяхъ должно довольствоваться фактическимъ ихъ установленіемъ и регистраціею ихъ.

Если психологическое воспроизведеніе обычнаго историческаго содержанія идетъ впередъ съ относитель-

ной вѣрностью и при всеобщемъ одобреніи, то это происходитъ оттого, что здѣсь дѣло идетъ объ интересахъ и движеніяхъ цѣлыхъ группъ, и они-то и составляютъ основу и цѣль для дѣяній отдѣльныхъ историческихъ личностей. А эти движенія гораздо болѣе просты и менѣе двусмысленны, чѣмъ индивидуальныя отношенія. Въ большихъ массахъ дѣло идетъ всегда о первичныхъ основахъ существованія, объ общихъ, крупныхъ и грубыхъ интересахъ, сойтись на которыхъ можетъ много людей, и надъ которыми уже подымается болѣе тонкая и трудная индивидуализація душевныхъ движеній. Совокупность людей не можетъ намѣренно скрыть своихъ желаній и мыслей, что для отдѣльной личности возможно; не дѣлаетъ она этого и ненамѣренно, но наоборотъ, документируетъ свои стремленія, свои психическія акціи и реакціи на столько ясно, на сколько вообще проявленія простыхъ, всей массѣ, какъ цѣлому, присущихъ влеченій ясны сравнительно съ проявленіемъ влеченій, лично дифференцированныхъ. И поэтому-то, даже психическія основы историческихъ движеній каждому легко понятны; тѣмъ вѣроятнѣе, что болѣе низкіе и примитивные, а слѣдовательно болѣе долгое время переходящіе по наслѣдству, интересы находятся въ каждомъ индивидѣ, тѣмъ вѣроятнѣе, что ему удастся ихъ воспроизведеніе. Тамъ, гдѣ выступаютъ на сцену вопросы чисто индивидуальныя, тамъ различіе индивидуальностей не рѣдко препятствуетъ воспроизведенію ихъ, т. е. пониманію; но то, чего хотятъ цѣлыя группы и чего по отношенію къ нимъ хочетъ отдѣльный индивидъ, это весьма вѣроятно имѣется налицо въ каждомъ индивидѣ, а потому и поддается возбужденію. Поэтому и скрывается въ историческомъ познаваніи субъективизмъ и индивидуальность переживанія чувства, что мы скорѣе допускаемъ по отношенію къ происшествіямъ въ жизни отдѣльной личности. Дѣлая своимъ объектомъ соціально-психическіе процессы, переживая эти ощущенія, мы не имѣемъ представленія о томъ, что мы руководствуемся нашимъ субъективнымъ міромъ

и случайными его внутренними наблюдениями; мы полагаемъ, что представленія наши крайне объективны. А между тѣмъ это объективное здѣсь, какъ и вездѣ,—весьма обще-субъективное и содержитъ въ себѣ лишь такія ощущенія, которыя потому только кажутся стоящими внѣ сферы личнаго, что ни одна личность не можетъ избѣжать ихъ. Но въ сущности и тѣ ощущенія, которыя создаютъ соціальныя движенія (необходимое подчиненіе и возвышеніе въ группѣ, соединеніе для общихъ цѣлей или распаденіе изъ-за индивидуальной пользы, подъемъ и измѣненіе, благодаря религіознымъ и политическимъ идеямъ),—могутъ быть обсуждаемы, даже констатируемы лишь путемъ личнаго переживанія ощущеній. Даже то, что, какъ намъ кажется, мы можемъ прямо хватать руками, мы въ сущности можемъ охватить лишь душой.

Различіе апріорныхъ положеній, посредствомъ которыхъ мы обсуждаемъ и приводимъ въ порядокъ историческіе факты, собственно въ совершенно другомъ пунктѣ выступаетъ въ силу этого въ видѣ весьма поразительнаго явленія: это бываетъ тогда, когда въ изложеніи руководятся опредѣленнымъ по содержанію предубѣжденіемъ. Самымъ крайнимъ случаемъ является впередъ установленная тенденція, которая указываетъ изслѣдованію цѣль, которой оно должно достигнуть, и въ тотъ моментъ, какъ достигнетъ ея, выдаетъ ее или признаетъ вѣрной и законченной—какъ разъ, какъ, напримѣръ, признаютъ изслѣдованіе вѣрнымъ тогда, когда оно удовлетворяетъ закону причинности. Если мы здѣсь не будемъ говорить о вполнѣ или полу-сознательной фальсификаціи изъ-за практическихъ личныхъ или партійныхъ цѣлей, то все-же остается широкое поле для тенденціозныхъ апріорныхъ положеній, о трудности избѣгнуть которыхъ мы говорили въ примѣчаніи къ стр. 24. Даны нѣкоторыя частныя данныя о личности или періодѣ; изъ этого составляется картина ихъ цѣлаго и внутренняго ихъ характера; новыя данныя могутъ теперь легко сойти за апокрифъ, если они не

подходить подъ эту уже установленную нами картину, или будутъ измѣняемы до тѣхъ поръ, пока не придутъ въ согласіе съ ней. Обыкновенное убѣжденіе легко можетъ съ этой стороны получить поддержку въ интересахъ настроенія пишущаго; если, напримѣръ, отъ извѣстныхъ моментовъ получилось впечатлѣніе величественнаго или крайне нравственнаго характера, то уже становится личнымъ интересомъ, чтобы предпосылки для пониманія каждаго будущаго факта велись въ опредѣленномъ направленіи. Психологическое значеніе перваго впечатлѣнія сказывается и здѣсь. Какъ первыя убѣжденія въ жизни находятъ духовное поприще еще свободнымъ и могутъ не однократно, съ ничѣмъ незадерживаемою силою, укрѣпляться на столько, что рѣшаютъ относительно того, принять-ли или отвергнуть всякое слѣдующее,—такъ и въ отношеніи къ отдѣльной области и задачѣ познания повторяется то-же самое. Сужденіе, полученное изъ перваго феномена, совершенно безпристрастно, по отношенію ко второму становится уже предубѣжденіемъ, и каждое вновь попадающее сюда явленіе находитъ уже готовое направленіе въ воззрѣніи и сужденіи, каковымъ направленіемъ оно часто безо всякаго сопротивленія выбрасывается за бортъ, либо по крайней мѣрѣ вынуждается идти на компромиссъ.—Легко видѣть, что здѣсь передъ нами двойная задача: съ одной стороны передъ нами субъективная сторона со своею силою инерціи мышленія, которая стремится удержать его въ разѣ принятомъ направленіи, съ ея субъективнымъ предубѣжденіемъ, которое дѣлаетъ старое апріорное положеніе мѣрою для новаго; съ другой стороны мы видимъ объективную сторону: въ личностяхъ и событіяхъ предполагается единство и постоянство, а такое предположеніе, повидимому, и дѣлаетъ возможной и оправдываетъ эту субъективно психологическую тенденцію. Вопросъ объ участіи объекта и субъекта въ познаніи, вопросъ, который Кантъ неправильно (*ungebührlich*) ограничилъ самыми общими отношеніями, вопросъ, присущій неизмѣнно

всѣмъ мыслительнымъ процессамъ, встаетъ и относительно этихъ специфическихъ проявленій (Vorgänge) познаванія, которыя руководятся даже очень сложными началами. Это характерное логическое единство индивидуальных и группъ, очевидно, принадлежитъ къ числу ап-риорныхъ предпосылокъ cadaго историческаго изслѣдованія *). Но это единство не нѣчто формальное, не общая схема, по которой можно впередъ опредѣлить отношеніе его эмпирическаго содержанія.

Глубокое заблужденіе лежитъ въ томъ мнѣніи, что изъ единства человѣческой личности можно вывести необходимое ея отношеніе къ извѣстнымъ нормамъ и выводамъ. Скорѣе наоборотъ, мы наблюдаемъ извѣстный

*) Путемъ своеобразнаго примѣненія этого предположеннаго единства получается изображеніе проявленій цѣлыхъ группъ. Обыкновенно бываютъ слышны отдѣльные голоса, и видны отдѣльные случаи, которые извѣстны точно, но если они находятся въ кругахъ соединенныхъ инымъ способомъ познанными интересами и связями, то они считаются проявленіями цѣлыхъ круговъ. Подобно тому, какъ и объ индивидѣ намъ извѣстны лишь отдѣльныя проявленія его существа, но онъ описываютъ намъ всю его личность, такъ и отдѣльные симптомы, исходящіе изъ среды группы, распространяются на столько, что считаются опредѣленно характеризованнымъ душевнымъ движеніемъ всей группы. Я выбираю на удачу мѣста изъ „Римской Исторіи“ Момзена: „Гнѣбныя восклицанія раздалися во всей Италіи“, II, 145. Марій выказалъ себя „полководцемъ, который не давалъ *солдату* воли и все-же держалъ его въ добромъ расположеніи духа и въ то-же время пріобрѣталъ любовь его товарищескими отношеніями“, II, 192. Аристократія—„не дала себѣ ни малѣйшаго труда скрыть свою озабоченность и свой гнѣвъ“, III, 190. „Партіи возликовали“, III, 193. И изъ „Культуры временъ возрожденія“ Буркгардта: „Съ возбуждающей ужасъ наивностью признаетъ Флоренція свою гвельфскую симпатію къ французамъ“, I, 89. „Въ страшные моменты пробуждается тамъ и сямъ жаръ средневѣковаго покаянія, и испуганный народъ бичеваніемъ и громкими воплями о милосердіи хочетъ смягчить небеса“, II, 232. Въ то время, какъ единство характерологическаго развитія изъ отдѣльныхъ данныхъ моментовъ строить полную послѣдовательность, здѣсь то-же мы видимъ относительно одновременности. Какъ тамъ индивидуальная душа, здѣсь, такъ сказать, социальная душа предполагается на столько единой, что непосредственно, но фрагментарно данное допускаетъ заключеніе о такомъ-же свойствѣ того, что не дано.

порядокъ и послѣдовательность въ развитіи психическихъ явленій, проникающую ихъ, — а единство личности — не что иное, какъ названіе для фактическаго, а не чисто логически построеннаго (*equivende*) сопряженія ихъ. Подъ этимъ единствомъ вообще разумѣютъ то, что поступки и представленія человѣка такъ построены, что мы понимаемъ ихъ, какъ внѣшніе наносы количественно простого и неизмѣннаго духовнаго существа. Но такъ какъ это чистое *x*, о которомъ мы больше ничего сказать не можемъ, то единство существа обозначаетъ, что мы можемъ сводить другъ на друга и объяснять одно изъ другого представленія людей. Такимъ образомъ необходимы такія начала, господство которыхъ представляетъ намъ единство личности, которое непосредственно принято быть не можетъ. Если мы, поэтому, единство личности видимъ въ томъ, что этотъ человѣкъ, жизнь котораго омрачена тяжкимъ несчастіемъ, и во всемъ внѣ его лежащемъ мірѣ видитъ лишь страданія и диссонансы, если мы говоримъ, что это то же влеченіе, вслѣдствіе котораго онъ, быть можетъ, все время боится для себя новаго несчастія и портитъ жизнь своимъ ближнимъ, то мы знаемъ тѣ психологическія правила, помощью которыхъ мы одно изъ этихъ событій можемъ генетически свести на другое. Синтезы эти не потому понятны, что они обладаютъ единствомъ (*einheitlich sind*), но потому мы придаемъ имъ значеніе единства, что они понятны; а понятными они кажутся потому лишь, что мы привыкли видѣть ихъ. Поэтому, единство личности ничуть не нарушается тѣмъ, если наряду съ собственнымъ страданіемъ оказывается стремленіе сдѣлать другихъ счастливыми, или, если на ряду съ нимъ проявляется, какъ-бы въ видѣ воздаянія, теоретическій оптимизмъ, какъ то часто бываетъ съ индивидами физически несчастными. Единство личности кажется намъ ничуть не нарушеннымъ у скупого и тогда, когда онъ не выпускаетъ изъ рукъ пріобрѣтеннаго даже въ виду какого угодно будущаго успѣха, такъ же какъ и тогда, если онъ швыряетъ его полными пригоршнями,

какъ только надѣется получить за это ростовщическій процентъ. Такимъ образомъ, явленія сами-по-себѣ (an und für sich) и судя по своему содержанію, не даютъ еще рѣшенія относительно того, составляютъ ли они единство; рѣшается же это тѣмъ, можно-ли открыть между ними какую-либо причинную связь на основаніи какихъ-либо извѣстныхъ правилъ.

Такъ, возьмемъ съ одной стороны тождественность въ содержаніи поступковъ какого-либо индивида, съ другой—ихъ извѣстное различіе, когда на нихъ отражается вліяніе внѣшнихъ обстоятельствъ. Это указываетъ на неизмѣнность внутренняго ядра, и даже измѣненіе въ немъ входитъ въ содержаніе образа единой личности, если только принимать во вниманіе различные возрасты ея. Заключение, которое дѣлается въ виду извѣстнаго даннаго образа дѣйствій извѣстной личности, о возможности и невозможности другого образа дѣйствій съ ея стороны, никогда не является непосредственно логическимъ, но зависитъ всегда отъ реального психологическаго наблюденія, которое входитъ въ него, какъ большая посылка. Нужно только указать, какое вліяніе на построеніе хода исторіи, на оцѣнку отдѣльных фактовъ, на законченность преданія и на критику его производитъ этотъ фактъ и распространеніе его на группы и періоды. Важнѣйшей задачей философіи исторіи является установленіе тѣхъ отдѣльных нормъ, которыя мы на основаніи „единства“ характеровъ дѣлаемъ критеріемъ преданія и основаніемъ (Wehikeln) изложенія; то пространство (Latitüde), въ предѣлахъ котораго мы считаемъ все еще возможными отклоняющіеся отъ единства этого поступки; тѣ эволюціи и измѣненія, которыя мы считаемъ самими собою разумѣющимися, вытекающими изъ внутренняго начала личности, и тѣ, объясненія которыхъ мы, какъ мы думаемъ, должны искать во внѣшнихъ обстоятельствахъ. Безъ сомнѣнія, имѣются опредѣленные регуляторы такого рода, которыми и руководятся (verfahren wird), которые молчаливо предполагаются историкомъ и читателемъ, но сознательнаго

констатированія которыхъ еще нѣтъ. И еще болѣе глубокая задача открывается тогда, когда мы въ виду вышеупомянутой двойственности мотивировки для предположенія единства историческихъ субъектовъ предложимъ вопросъ: насколько объективный психологическій опытъ и насколько субъективная склонность къ облегченію мышленія и упрощенію познанія участвуетъ (*mitwirkt*) въ образованіи историческихъ картинъ, — образованіи, которое на основаніи первыхъ данныхъ фактовъ создаетъ (*entwirft*) схему дальнѣйшаго хода и такимъ образомъ ограничиваетъ величину характерологическаго отклоненія отъ установленнаго въ началѣ. Когда дѣло идетъ о самихъ общихъ предположеніяхъ, путемъ которыхъ мы вливаемъ въ форму матеріалъ познанія: о математическихъ аксіомахъ, самыхъ простыхъ (*primärsten*) представленіяхъ о матеріи и силѣ, о законѣ причинности, о логическихъ основныхъ положеніяхъ, — тогда на вопросъ этотъ можно дать весьма простые отвѣты. Идеализмъ безъ дальнихъ разсужденій будетъ выводить подобныя предположенія изъ субъекта и отвергнетъ всякое участіе объекта и опыта въ ихъ появленіи. Эмпирический реалистъ, наоборотъ, именно для этихъ самыхъ основныхъ представленій будетъ утверждать необходимость безусловнаго согласія съ объектомъ и обоснованія ихъ на постоянномъ опытѣ. Такого рѣшительнаго принципиальнаго раздѣленія въ нашемъ вопросѣ быть не можетъ. Уже качественное сходство души изслѣдующей и изслѣдуемой дѣлаетъ вѣроятнымъ, что во второй встрѣчается копія съ болѣе общихъ тенденцій первой, и потому принятіе ихъ вполне оправдываются, и что результатъ изслѣдованія будетъ опредѣляемъ обѣими сторонами въ одинаковомъ смыслѣ. Реалистъ долженъ согласиться, что довольно часто и, уже безъ особой критики, довольно замѣтно субъективныя предположенія и афоризмы (*maximen*), способствующие приведенію къ единству и упрощенію мышленія, рѣшаютъ вопросъ объ историческомъ образованіи (*Formung*); съ другой стороны, принявъ даже во вниманіе (*eingräumend*) всѣ самыя

широкія психологическія вліяння, все-же не стануть отрицать, что, если даже и отречься отъ всякаго ранѣе приобрѣтеннаго монистическаго взгляда, — то сама дѣйствительность не мало даетъ подтвержденій въ пользу его; да и вообще, чѣмъ выше и сложнѣе тѣ области, въ которыя мы вступаемъ, тѣмъ неисполнимѣе становится быстро и рѣшительно различить ихъ апріорныя и апостеріорныя составныя части. Одной изъ величайшихъ задачъ философіи истории заключается въ установленіи грани между ними и особенно предѣловъ ихъ взаимодѣйствія, въ установленіи того, насколько субъективный и эмпирический факторъ участвуетъ въ ростѣ упомянутаго представленія о единствѣ въ человѣкѣ, событіяхъ, группахъ и историческихъ періодахъ.

Всѣ эти положенія можно свести въ одно: психологія является апріорной предпосылкой исторической науки. Задача теоріи познанія по отношенію къ послѣдней заключается въ томъ, чтобы установить правила, по которымъ, на основаніи внѣшнихъ документовъ и преданій, можно было-бы дѣлать заключенія о психическихъ явленіяхъ и которыя давали-бы достаточно основаній для установленія „понятной“ связи между ними.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Объ историческихъ законахъ.

Propositiones ex phaenomenis per inductionem collectae, non obstantibus contrariis hypothesebus, pro veris aut accurate aut quam proxime haberi debent, donec alia occurrerint phaenomena, per quae aut accuratiores reddantur aut exceptionibus obnoxiae.

Ньютонъ.

Говорятъ, что задача философіи исторіи заключается въ томъ, чтобы найти историческіе законы; на первый взгладъ—странныя это требованія! Что сказали бы по поводу того, если бы въ обязанность изслѣдователю въ какой-либо другой наукѣ, въ физикѣ, астрономіи, психологіи, въ сравнительномъ языковѣдѣніи ставилась-бы лишь обработка (Beschaffung) спеціального матеріала, а установленіе законовъ переносили бы на обязанности философа? Попытка разъяснить эту странность ведетъ насъ къ изслѣдованію самаго понятія историческаго закона. Закономъ событій вообще можно, не рискуя встрѣтить возраженій, назвать положеніе, согласно которому совершеніе извѣстныхъ фактовъ безусловно, т. е. всегда и вездѣ — имѣетъ своимъ слѣдствіемъ совершеніе нѣкоторыхъ другихъ. Эта послѣдовательность внѣшнимъ образомъ не проявляется совершенно ясно, если на

томъ же мѣстѣ и въ то же время встрѣчаются другія еще событія. Важно то, что эти первые факты сами идутъ къ этому результату и что, дѣйствуя одновременно съ какими-либо другими, превращаютъ ихъ въ слѣдствіе свое, изъ котораго ясно видно всегда, каково было ихъ участіе въ этомъ. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ назвать закономъ также и познаніе направленія и величины той силы, которая освобождается изъ данной комбинаціи двухъ міровыхъ элементовъ и видимое слѣдствіе котораго находится въ зависимости отъ силъ, направленныхъ въ ту же или другую сторону, силъ, съ которыми она имѣетъ тождественную сущность. Въ дѣйствительности, въ каждомъ пунктѣ міра дѣйствуютъ силы весьма различнаго происхожденія и направленія. Насколько онѣ другъ отъ друга независимы, т. е. насколько онѣ порождаютъ особыя слѣдствія по особому закону,—видно изъ того, находится ли каждое частичное слѣдствіе, которое мы считаемъ возможнымъ выдѣлить особо, и въ другихъ комплексахъ и даетъ-ли оно, будучи поставлено въ совершенно различныя комбинаціи, каждый разъ тотъ же результатъ. Такъ, если мы видимъ, что состояніе A переходитъ въ состояніе B , то это слѣдствіе намъ можетъ казаться связью, основанною на законѣ; теперь, предположимъ, что мы опредѣлили, что A состоитъ изъ a, b, c , а B изъ α, β, γ . Что a имѣло своимъ слѣдствіемъ α , мы познаемъ изъ того, что рассматриваемъ B' , слѣдствіе A' , при чемъ A' состоитъ изъ a, d, e , а B' изъ α, δ, ϵ . Если мы пойдемъ по этому пути познания дальше, разлагая также a и α на ихъ составныя части, отношенія которыхъ подчинены особымъ законамъ, то мы должны въ концѣ концовъ прійти къ элементамъ всякаго событія, т. е. къ законамъ, управляющимъ отношеніями мельчайшихъ частицъ, взаимодействіе которыхъ опредѣляетъ на поверхности явленій сложные факты.

О законѣ событія въ собственномъ смыслѣ слова говорить можно лишь тогда, когда установлены слѣдствія этихъ послѣднихъ элементовъ. Конечно, само собою ра-

зумѣется, что если B произошло разъ изъ A , оно должно проистекать изъ него и при каждомъ абсолютно тождественномъ повтореніи A ; по стольку мы и можемъ говорить о существованіи закона, по которому A является причиною B ; при этомъ подъ A разумѣется совокупность всѣхъ вплоть до самаго (an die Schwelle) B ведущихъ, вліяніемъ своимъ создающихъ его обстоятельствъ, а никакъ не обычное, ослабленное понятіе причины,—понятіе, заключающее въ себѣ лишь положительную и прямую причину (Anstoss) B , не касающееся безчисленныхъ на ряду съ ней и между ними лежащихъ обстоятельствъ, по которымъ оно проходитъ и естественность, даже болѣе, положительную неизбѣжность которыхъ оно обыкновенно заслоняетъ. Однако, малѣйшее измѣненіе факторовъ, изъ коихъ состоитъ A , дѣлаетъ познаніе это ничтожнымъ (hinfällig) и лишеннымъ всякаго значенія. Если $A (= abc)$ и $B (= \alpha\beta\gamma)$ познаны нами лишь въ ихъ цѣломъ, то познаніе это не допускаетъ ни малѣйшаго заключенія о состояніи (Verhalten) B , какъ только α , примѣрно, перейдетъ въ α' ; лишь когда мы знаемъ, что частное слѣдствіе α вытекло изъ a , β изъ b и γ изъ c , — лишь тогда можемъ мы точнѣе опредѣлить (näher kommen) измѣненіе въ B , потому что мы знаемъ, что части его β и γ остаются неизмѣнными и отношеніе измѣненнаго B къ прежнему опредѣляется лишь измѣненіемъ α . Пока мы знаемъ лишь общія слѣдствія въ ихъ совокупности (Kollektivwirkungen), мы являемся полными невѣждами относительно каждаго новаго сложнаго факта касательно ихъ причинной связи; пусть онъ и въ очень многихъ точкахъ совпадаетъ съ прежде установленнымъ, но достаточно малѣйшаго отклоненія, чтобы всякое опредѣленіе его слѣдствія, стало иллюзорнымъ, такъ какъ мы, за неимѣніемъ познаній (Auflösung) о частныхъ причинахъ и слѣдствіяхъ, не можемъ знать, какую часть ранѣе наблюдавагося слѣдствія измѣнить перемѣна въ причинѣ. Событія, сцѣпленіе которыхъ по историческимъ законамъ мы изслѣдуемъ, состоятъ изъ столькихъ частей (Beiträge), что

точное повтореніе производящаго на другомъ мѣстѣ и въ другое время мы смѣло можемъ считать невозможнымъ. Но такъ какъ законъ, выводимый изъ наблюденія этого производящаго и слѣдствій его, имѣетъ силу лишь на случай вполне тождественнаго повторенія, и мы, за отсутствіемъ познанія элементарныхъ частныхъ причинъ, не знаемъ того фактора, измѣненіе котораго позволяетъ намъ это болѣе позднее событіе считать функціей болѣе ранняго: то законъ этотъ является закономъ *in partibus infidelium*; онъ исчерпалъ свое значеніе въ приложеніи къ этому единственному случаю и не находитъ себѣ приложенія ни къ чему болѣе.

Если незнаніе силъ отдѣльныхъ частей, составляющихъ историческое событіе, уже при наблюденіи ихъ простого сосуществованія препятствуетъ установленію чреватаго слѣдствіями историческаго закона, то гораздо еще труднѣе становится вывести таковой, если разсматривать индивидуальныя силы и событія, какъ *причины*, которыя производятъ впервые событіе, проявляющееся на поверхности и признанное составною частью (*Glied*) закона. Мы слышимъ, напримѣръ, что признають закономъ слѣдующее. Исторія каждаго политическаго цѣлаго начинается-де духовною и гражданскою свободою немногихъ, затѣмъ она движется поступательно къ свободѣ все бѣльшаго числа и наконецъ всѣхъ; достигнувъ этого апогея, образованіе, свобода и власть возвращаются-де вновь къ немногимъ и единичнымъ личностямъ. Однако, это первоначальное ограниченіе состоянія счастья и свободы немногими индивидами, очевидно, не есть достаточная причина того, что оно затѣмъ распространяется на большее количество лицъ, а это распространеніе не является опять-таки достаточной причиной перехода его на всѣхъ. Далѣе, тотъ фактъ, что всѣ владѣютъ имъ, не развиваетъ изъ себя реальной силы, ограничивающей его немногими. Или намъ называютъ другой законъ историческаго развитія. Нація и индивиды должны-де прожить дѣтство, юность, періодъ зрѣлости и старость, и въ духовномъ отноше-

ниі этому-де соотвѣтствуютъ эпохи умозрѣнія, вѣры, разума и духовнаго паденія. Очевидно, и здѣсь не указаны дѣйствительныя силы, переносящія одинъ періодъ въ другой. Если какая-либо нація въ извѣстную эпоху религіозна (gläubig), то мы благодаря этому вовсе еще не понимаемъ той необходимой связи, которая переводитъ ее въ эпоху разумнаго изслѣдованія. Юность народа вовсе еще не достаточная причина, по которой онъ позже достигаетъ періода зрѣлости. Даже болѣе, если признать даже, что обыкновенно наблюдается такъ называемый рядъ состояній, то и это не значитъ еще, что открыта ихъ внутренняя и причинная связь, т. е. ихъ законъ; здѣсь установлена лишь доселѣ правильная послѣдовательность феноменовъ. Въ обоихъ примѣрахъ сложныя состоянія, явное слѣдствіе очень многихъ единичныхъ движеній и силъ, — описываются въ ихъ временной послѣдовательности; то, что одно изъ нихъ переходитъ въ другое, является результатомъ дѣйствія очень многихъ спеціальныхъ законовъ, но вовсе не есть еще само законъ. Здѣсь мы видимъ то же, какъ и въ выраженіи закона: виды живыхъ существъ измѣняются такимъ образомъ, что органы ихъ становятся въ отношеніе все большаго приспособленія къ жизненнымъ условіямъ. Если и предположить, что это въ дѣйствительности происходитъ безъ всякаго исключенія, то все же это будетъ лишь слѣдствіемъ безчисленнаго множества отдѣльныхъ взаимодействій (Wirkungen) между организмами и окружающей ихъ средой, каковыя дѣйствія подлежатъ особымъ законамъ—каждое въ отдѣльности. Положеніе это указываетъ лишь на результатъ (Erfolg) правильно взаимодействующихъ законовъ, это положеніе не обосновывающее, а обоснованное. Временныя отношенія столь сложныхъ явленій нельзя называть законами, если только законъ долженъ обозначать причину, которая дѣйствуетъ въ единичномъ явленіи. Поэтому даже и такъ называемые Кеплеровы законы не являются законами природы въ точномъ смыслѣ этого слова. Нельзя признать никакой силы

природы, которая направлялась лишь въ эту сторону, содержаніе которой состояло бы лишь въ томъ, что радіусъ векторъ планетъ въ одинаковые промежутки времени описываетъ одинаковыя окружности (Flächen); что онѣ движутся такимъ образомъ—это правда и является слѣдствіемъ тѣхъ законовъ, которые находятъ условія для своего дѣйствія въ извѣстномъ прежде существовавшемъ состояніи матеріи; но это не есть содержаніе самого закона. Таковымъ является скорѣе Ньютоновъ законъ тяготѣнія. Благодаря ему познается первичная, на солнце и планеты дѣйствительно дѣйствующая сила, форма которой въ приложеніи къ нашей планетной системѣ относительно случайна. Конечно, въ предѣлахъ послѣдней движенія, которыя описываютъ законы Кеплера, совершаются вполне законмѣрно, какъ вполне законмѣрно и то, что А встрѣчаетъ В на улицѣ. Однако, въ силу этого не признаютъ вѣдь закона природы, который опредѣлилъ эту встрѣчу; законмѣрность ея объясняется движеніями, совершающимися подъ явленіемъ встрѣчи, психологическими и фізіологическими импульсами и атомными явленіями, сплетеніе которыхъ повело къ этому слѣдствію. Но *то*, что они переплелись опять-таки законмѣрно не въ томъ смыслѣ, въ какомъ законмѣрны они сами. Конечно, когда свобода и высшій образъ жизни отъ меньшинства переходитъ ко всѣмъ и затѣмъ снова отъ нихъ переходитъ къ меньшинству; или когда за эпохою умозрѣнія слѣдуетъ вѣкъ вѣры, а за нимъ вѣкъ изслѣдованія—конечно, это явленіе законмѣрное. Но мы не можемъ предположить особаго закона, который предписываетъ отдѣльнымъ событіямъ, слѣдствіемъ которыхъ и являются эти переходы, сойтись такъ, чтобъ породить именно такой результатъ совокупнаго ихъ дѣйствія. И жизнь—явленіе законмѣрное, но закона жизни нѣтъ, *какъ* нѣтъ и *потому что* нѣтъ особенной на нее направленной жизненной силы. Даже болѣе, жизнь есть слѣдствіе первичныхъ явленій, для которыхъ только и имѣются законы природы. Разъ даны условія для этихъ

явленій, жизнь порождается, такъ сказать, сама собою. Приведу, наконецъ, самый простой примѣръ. Пальма въ ростѣ своемъ принимаетъ другую форму, чѣмъ какое-либо иное дерево, и притомъ несомнѣнно растеть по опредѣленному закону. Несмотря на это никто не станетъ утверждать, что въ природѣ имѣются особенные законы для роста пальмы. Такъ и историческій матеріалъ развивается закономѣрно въ опредѣленные, отъ всякаго иного мірового содержанія различающіяся формы, и все же мы не имѣемъ права говорить объ особыхъ законахъ исторической эволюціи. Нѣтъ никакого высшаго закона жизни, исторіи, — стоящаго выше низшихъ законовъ, управляющихъ движеніями отдѣльныхъ элементовъ, такъ, что каждый изъ послѣднихъ подлежитъ двойному законодательству — подобно члену союзаго государства; это былъ бы полнѣйшій антропоморфизмъ. Единственно реальными являются движенія мельчайшихъ частицъ и тѣ законы, которые ими управляютъ; когда мы связываемъ сумму этихъ движеній въ одно событіе, то для него нельзя выставить особаго закона, такъ какъ именно благодаря этимъ первичнымъ законамъ и только благодаря имъ получаетъ достаточное разъясненіе и сведеніе къ производящей его силѣ всякое вообще совершающееся движеніе.

Между тѣмъ именно болѣе глубокое размышленіе надъ этимъ измѣняетъ направленіе этой мысли. Послѣдовательную смѣну вышеупомянутыхъ эпохъ историческихъ состояній мы можемъ, даже въ случаѣ повсемѣстнаго безо всякаго исключенія наблюденія ихъ, считать простымъ фактомъ, но никакъ не содержаніемъ собственно на нихъ направленаго закона. Но когда взаимоотношенія простѣйшихъ частицъ происходятъ благодаря силамъ, управляемымъ непосредственно дѣйствующими законами, то и это въ сущности не что иное какъ одинъ только фактъ. И обратная пропорціональность силы притяженія частицъ матеріи къ квадрату разстояній въ концѣ концовъ обозначаетъ лишь наблюденіе

сосуществованія и послѣдовательности въ отношеніяхъ по мѣсту; если же мы станемъ ихъ называть причиной, тогда какъ Кеплеровы законы будутъ для насъ лишь относительно случайными фактами, то, повидимому, мы различіе по степени возводимъ въ различіе абсолютное. Послѣднее основаніе этого затрудненія лежитъ въ томъ, что мы силу, дѣйствительно производящую міровыя движенія, силу, выясненіе которой, — правильно или нѣтъ все равно, — является нашей потребностью, никакъ выяснить не можемъ. Мы все время остаемся при дѣйствительныхъ движеніяхъ и можемъ сводить болѣе сложные на болѣе простыя, не достигая этимъ однако того, чтобы послѣднія лучше первыхъ открывали намъ дѣйствительную силу историческаго явленія (Geschehens). Сложное событіе является для насъ яснымъ на столько, насколько оно разлагается на явленія (Geschehen) въ области своихъ факторовъ; но и къ послѣднимъ приложимо положеніе Юма, что видимая дѣйствительность показываетъ намъ лишь послѣдовательность въ совершеніи (das Folgen), но не окончательный результатъ (Erfolgen). Сила, которая одно изъ событій переноситъ въ другое, всегда подразумѣвается и, въ смыслѣ чисто логическомъ, ничуть не противорѣчитъ тому, чтобы ее считать (hypostasieren) такъ же и общую связью между двумя историческими эпохами, какъ между двумя взаимно отталкивающимися атомами (zwei Atomrepulsionen). Дѣло въ томъ, что если бы даже самыя элементарныя движенія и знаніе формъ ихъ могли бы доставить намъ достаточное объясненіе міровыхъ событій (Weltgeschehens), и тогда мы лишены были бы возможности объяснить себѣ ихъ, потому что мы никогда не можемъ знать, удался-ли дѣйствительно анализъ до самаго конца. Сущности абсолютно простыя, на которыя вліяютъ міровыя силы и слагаютъ всякое дальнѣйшее событіе, для насъ недоступны. Химическій атомъ потенциально разложимъ и далѣе еще, и лишь для цѣлей химика считается атомомъ, потому что дальнѣйшее его разложеніе не интересуется его. Какъ часто инныя сущ-

ности принимались за послѣднія составныя части, ихъ движенія за непосредственныя общія проявленія простыхъ реальныхъ силъ, пока не оказывалось, что и здѣсь рѣчь идетъ о производныхъ (Resultanten) нѣсколькихъ силъ, объ образованіяхъ очень многихъ болѣе простыхъ элементовъ. Вышеустановленное различіе между прямымъ случаемъ закона, выражающаго причину событія, и относительно случайнымъ результатомъ и явленіемъ, въ каковое выливается этотъ законъ при субстанціи, опредѣляемой и другими еще обстоятельствами, различіе это, конечно, вполне логично, но въ дѣйствительности его надо всегда указывать лишь съ приблизительной точностью. Если мы видѣли, что Кеплеровы законы имѣли значеніе не законовъ природы въ собственномъ смыслѣ слова, но лишь, такъ сказать, историческихъ фактовъ, тогда какъ Ньютонъ законъ раскрывалъ дѣйствительную, законную и первичную причину ихъ, то различіе это и по отношенію къ послѣднему также лишь относительно, такъ какъ мы не можемъ знать, не окажется ли въ одинъ прекрасный день притяженіе матеріи слѣдствіемъ стеченія различнаго рода условій и силъ. Тогда причина явленій тяготѣнія лежала бы не въ дѣйствиіи особаго закона, а въ томъ, что случайныя обстоятельства времени и мѣста дали возможность нѣсколькимъ законамъ дѣйствовать и перейти въ это видимое слѣдствіе ¹⁾. Ду-

¹⁾ Я прибавлю сюда еще слѣдующее разсужденіе. Обычная предопредѣленность міровыхъ событій, — то, что, какъ говорятъ, все происходитъ такъ, какъ должно происходить и что абсолютный разумъ могъ бы высчитать каждое вообще наступающее движеніе для всѣхъ временъ — имѣетъ три предпосылки, которыя сами опять-таки не подходятъ подъ эту опредѣленность. Во-первыхъ, самый фактъ существованія законовъ природы. Никакой законъ не опредѣляетъ, что должны быть законы и притомъ — если только дѣло не идетъ о чемъ-то сложномъ — эти опредѣленные законы; мы не можемъ доказать неизбѣжности ихъ, не вступая въ ложный кругъ; ибо ихъ можно доказать лишь на основаніи опредѣляющаго ихъ закона, для чего мы должны впередъ уже предположить то, о существованіи чего поставленъ вопросъ. Лишь когда

ализмъ между повѣствовательной наукой и наукой о законахъ, дуализмъ, который давалъ поводъ къ столькимъ конфликтамъ по вопросу о компетенціи, здѣсь во всякомъ случаѣ затронуть нами. Съ точки зрѣнія логическаго пониманія, между обѣими имѣется громаднѣйшее различіе, какое только возможно вообще въ области знанія. Законы явленія не имѣютъ абсолютно ничего общаго съ ихъ дѣйствительностью; они сохраняютъ свое значеніе безразлично, одинъ ли разъ или миллионы разъ происходилъ случай, ими описываемый. Безусловное, не допускающее никакихъ исключеній утвержденіе ихъ: *если А существуетъ, должно быть и В*, — возмѣщается полною ихъ неспособностью опредѣлить, имѣется ли А.

имѣются законы природы, мы можемъ что-либо доказать на ихъ основаніи; а поэтому доказать существованіе ихъ самихъ мы не можемъ. Это очень походить на гражданскіе законы: они то же сами не суть ничто легальное, а легальны лишь поступки, совершающіеся при предположеніи ихъ существованія. Далѣе, существованіе субстанціи точно также должно считаться фактомъ: доказать необходимости ея мы не можемъ. *Если* только существуетъ міръ, то въ силу реальныхъ и логическихъ законовъ должно въ немъ происходить то-то и то-то; но *то, что* онъ вообще существуетъ, не подлежитъ такому „должно“, и мы можемъ вообще мысленно отбросить все бытіе его, не столкнувшись ни съ какой законной необходимостью его. Но этихъ обоихъ предположеній: бытія вообще и дѣйствующаго закона для движеній его еще не достаточно, чтобы понять жизнь (Spiel) міра. Каждый законъ природы можетъ выражать лишь то, что данная форма матеріи переходитъ въ другую; такимъ образомъ онъ предполагаетъ уже образованіе опредѣленной формы и, въ случаѣ исполнѣ недифференцированной субстанціи, простого бытія, онъ виталь бы въ воздухѣ безъ всякой точки опоры. Такимъ образомъ, чтобы вообще возможно было дѣйствіе законовъ природы, должна быть уже дана извѣстная дифференціація матеріи, первая форма ея, каковая форма согласно этому сама не можетъ быть результатомъ ихъ дѣйствія. Первое состояніе матеріи, до котораго мы дошли, отступая назадъ подъ руководствомъ законовъ природы, столь же мало опредѣляется съ необходимостью законовъ природы, какъ и существованіе матеріи и самихъ законовъ природы. Это первичное (ursprüngliche) состояніе порождаетъ причину того, что въ данномъ пунктѣ находитъ себѣ приложеніе одинъ законъ природы, а не какой-либо другой; такъ какъ онъ самъ абсолютно случаенъ, то и въ дальнѣйшемъ развитіи міра онъ производитъ то,

Даже и при совершеннѣйшемъ знаніи всѣхъ законовъ природы нельзя изъ него извлечь ни малѣйшаго познанія относительно хотя бы одного какого-либо реального (wirklichen) ихъ отношенія, если только кромѣ этого не данъ еще фактъ, отъ котораго можно слѣдовать далѣе при помощи этихъ законовъ. Законъ — характеристико идеальнаго, нѣтъ моста, который велъ бы отъ него къ реальной (greifbaren) дѣйствительности, кото-

что мы называемъ въ немъ относительно случайнымъ—столкновение дѣйствій нѣсколькихъ законовъ, такимъ образомъ, что закономѣрно вычисленіе одного рода событія не ведетъ само по себѣ къ выступленію второго, съ которымъ онъ скорѣе составляетъ производную, не вытекающую ни изъ одного изъ обоихъ въ отдѣльности. То, что уже впередъ имѣется извѣстное разнообразіе формы, которое, будучи захвачено дѣятельностью законовъ природы и развиваемо ими далѣе, дѣлаетъ возможнымъ осложненія и измѣненія ихъ проявленій,—это просто случайность. Случайности нельзя удалить изъ нашей картины міра, потому что начало ея было случайно, а все позднѣйшее есть лишь развитіе этого перваго состоянія, развитіе, которое лишь *при предположеніи именно этого* становится уже не случайнымъ. На этомъ и покоится различіе въ теоріи познанія между простыми и сложными явленіями. Отъ современнаго простаго явленія ведетъ насъ наша потребность въ разясненіи къ прямо предшествовавшему ему, изъ котораго производитъ его законъ природы, простая и, на сколько возможно извѣстная сила природы; познаніе находитъ, такъ сказать, первую станцію, на которой оно можетъ остановиться, непосредственно за проблемой. По отношенію къ сложному явленію оно можетъ поступать такимъ же образомъ лишь по стольку, поскольку оно разлагаетъ на простѣйшія явленія и съ каждымъ изъ нихъ поступаетъ, какъ съ даннымъ. Но вопросъ, какъ сошлись они вмѣстѣ, откуда взялась форма общности, въ которую сплелись эти нити и которой нельзя объяснить изъ cadaго въ отдѣльности—этотъ вопросъ указываетъ непосредственно на то первичное состояніе міровыхъ зачатковъ, въ которомъ ихъ со-вмѣстное бытіе было дано, какъ фактъ, на первую форму, благодаря которой состояніе каждой частицы матеріи было захвачено и развиваемо далѣе приложимымъ къ нему закономъ природы. Соединеніе въ одно цѣлое простаго заключаетъ въ себѣ тайну, которая необъяснима, подобно движенію простой частицы, потенциальными силами предыдущаго момента; ибо для разясненія его намъ вѣчно придется ссылаться лишь на простое, которое заключаетъ все необходимое для этого, исключая какъ разъ то, по поводу чего у насъ здѣсь и поставленъ вопросъ.

рая, напротивъ, должна быть поставлена, особеннымъ актомъ внѣ его. И такъ, насколько историческая наука занимается изображеніемъ того, что дѣйствительно произошло, пока она является просто наукою о дѣйствительности,—она вступаетъ въ самое острое, какое только возможно, противорѣчіе со всякою наукою о законахъ. Какъ разъ тотъ единственный опредѣленный во времени и мѣстѣ случай, который составляетъ ея содержаніе, для послѣдней безразличенъ. Во всякомъ случаѣ дѣло cadaго отдѣльнаго лица такъ опредѣлить понятіе науки, чтобы оно было приложимо исключительно къ познанію законовъ и затѣмъ утверждать, что исторія—не наука до тѣхъ поръ, пока она не дойдетъ до законовъ историческихъ явленій. Это—просто вопросъ терминологіи, которому напрасно (unbillig) придаютъ такое значеніе. Рѣшающимъ въ вопросѣ о цѣнности истиннаго познанія является лишь тотъ интересъ, который съ нимъ связанъ. Пусть оно вполнѣ удовлетворяетъ составленному напередъ понятію о наукѣ, но все же имъ не будутъ заниматься, если оно само по себѣ не окажется цѣннымъ; если же оно будетъ таковымъ, то, наоборотъ, совершенно безразлично, къ какой формальной категоріи понятій оно относится. Въ дѣйствительности и происходитъ такая оцѣнка историческаго, какъ таковаго. Познаніе фактовъ, изъ коихъ оно состоитъ, и интересуется насъ; намъ кажется весьма важнымъ познакомиться съ отдѣльными лицами и отдѣльными событіями, по которымъ проходило развитіе нашего рода, и этотъ интересъ совершенно самостоятеленъ и равенъ интересу къ познанію законовъ, которые дѣлаютъ намъ доступнымъ лишь пониманіе возможности событій и связь ихъ инымъ путемъ установленной реальности, а никакъ не ихъ самихъ. Такимъ образомъ, если даже оставаться при такомъ полномъ логическомъ различіи въ цѣляхъ исторической науки и науки о законахъ, то все же это не даетъ повода критикѣ познанія считать переходъ первой въ послѣднюю абсолютнымъ научнымъ идеаломъ, такъ какъ и абсолютное

завершеніе науки о законахъ одно не поможетъ намъ ничуть познать то, что дѣйствительно происходитъ или произошло на свѣтѣ.

Но на практикѣ имѣется для примиренія этихъ двухъ вышеуказанныхъ нами тенденцій, еще и другой путь, кромѣ этого раздѣленія ихъ правъ, которое получается при ихъ абсолютномъ воплощеніи. Вѣдь еще до достиженія такого раздѣленія совершается непрерывный переходъ просто фактическихъ познаній въ законы. Въ индуктивномъ методѣ мы прежде всего встрѣчаемъ ряды простыхъ фактовъ, въ которыхъ перекрещиваются, скрывая другъ друга, простыя взаимоотношенія силъ согласно законамъ; измѣняя условія, мы приближаемся къ познанію реальныхъ элементовъ, относительно которыхъ мы можемъ быть увѣрены, что разъ констатированное ихъ слѣдствіе, — такъ какъ оно обозначаетъ вещественный результатъ, — будетъ встрѣчаться всюду и всегда. Этой увѣренности нѣтъ до тѣхъ поръ, пока мы видимъ лишь, какъ слѣдуютъ другъ за другомъ сложныя состоянія. Но по нимъ, принимая методъ варіированія и выдѣленія, мы узнаемъ постепенно эти простые элементы; однако, у насъ нѣтъ абсолютнаго критерія того, достижима-ли эта цѣль, и путь изслѣдованія, направленный къ этой цѣли, безконеченъ. Поэтому въ реальномъ изслѣдованіи такого безусловнаго различія между наукой о законахъ и фактическимъ историческимъ знаніемъ не существуетъ; мы не можемъ никогда знать, не окажется ли отношеніе двухъ элементовъ, признаваемое нами закономъ, независимо отъ времени и мѣста и безразлично, часто-ли и какъ часто оно воплощается въ дѣйствительности, — не окажется-ли это отношеніе, въ концѣ концовъ, простымъ описаніемъ исторической дѣйствительности, случайно часто повторявшимся единичнымъ фактомъ; онъ, конечно, *ceteris paribus* все повторялся-бы, но онъ не выяснилъ-бы намъ силы, которая и при измѣнившихся реальныхъ условіяхъ давала-бы возможность считать конечный членъ ряда событій функціей начальнаго члена.

Но эта непрерывность въ теоріи познанія, непрерыв-

ность между фактомъ и закономъ течетъ лишь въ одномъ направленіи, и мы не можемъ ни объ одномъ законѣ знать навѣрное, имѣетъ ли онъ то абсолютное значеніе, которое его, какъ законъ, отличаетъ отъ простой послѣдовательности фактовъ; но мы можемъ, конечно, быть увѣрены относительно извѣстныхъ послѣдовательностей фактовъ, что онѣ — не законы въ точномъ смыслѣ этого слова. Поэтому сомнѣній нашихъ по вопросу о понятіи историческаго закона нельзя устранить тѣмъ соображеніемъ, что и законы въ строжайшемъ смыслѣ слова могутъ быть разложены на случайныя лишь комбинаціи. Ибо то, что для послѣднихъ является лишь возможностью, для первыхъ дѣло вполне неизбѣжное (*Gewissheit*). Историческія явленія во всякомъ случаѣ суть результаты стеченія многихъ условій, а потому ни въ какомъ случаѣ ихъ нельзя выводить изъ какого-либо одного закона природы. Конечно, недостаточность человѣческаго знанія, которое безчисленное количество разъ должно смотрѣть на относительное такъ, какъ будто это абсолютное, ведетъ къ тому, что мы смотримъ на простѣйшую форму движенія, до которой дошелъ въ данный моментъ анализъ, какъ на реальный основной типъ движеній вообще, и на его законъ, какъ на выраженіе дѣйствія первоначальной силы; такимъ образомъ, путемъ сведенія болѣе сложныхъ явленій къ этому, мы можемъ разрѣшить задачу причиннаго познания — причемъ мы должны были бы въ то же время считать возможнымъ, что и это простѣйшее когда-либо окажется сложнымъ и такимъ образомъ то, что доселѣ считалось производящимъ моментомъ, окажется простымъ проявленіемъ глубже лежащихъ силъ, въ свою очередь дающихъ достаточное разъясненіе явленія послѣдовательности. Но отъ законовъ, подлежащихъ этой возможности, лишь какъ возможности доисторическихъ законовъ, почти необозримое разстояніе. И хотя мы теперь принципиально знаемъ, что результатъ въ собственномъ смыслѣ и сила его скрыты отъ насъ и мы обречены наблюдать лишь простую послѣдовательность, но

для цѣлей нашего познаванія остается въ силѣ эмпирическое различіе между причиннымъ и просто временнымъ отношеніемъ. Пусть граница между обоими весьма неустойчива, но во всякомъ случаѣ она должна лежать внѣ самаго сложнаго и вообще наблюдаемаго событія; а въ этомъ-то и состоитъ человѣческая исторія.

Если не обратить на это вниманія, то весьма легко поддастся соблазну, ведущему къ заблужденіямъ. Если мы говоримъ, что одно сложное (umfassend) историческое событіе является причиной другого, т. е. что оно закономѣрно породило его, то это значитъ, что частичныя силы, проявленіемъ которыхъ и является первое, развились далѣе такъ, что породили второе. Но тѣ же послѣдовательныя явленія могутъ произойти изъ весьма различныхъ группъ причинъ. Дѣйствительныя силы исторіи намъ доступны всегда лишь благодаря заключенію отъ слѣдствія къ причинѣ и поэтому заключаютъ въ себѣ всю сомнительность таковаго. Поэтому возможно, что два совершенно одинаково проявляющіяся состоянія или событія породятъ совершенно различныя слѣдствія; даже болѣе, два явленія въ своемъ развитіи могутъ проходить очень много ступеней совершенно параллельно, такъ что и послѣдующія, причинно ими опредѣляемыя, также должны необходимо считаться параллельными,—и все-же на опредѣленномъ пунктѣ они отклоняются другъ отъ друга и тѣмъ указываютъ на то, что дѣйствующія силы прилагаются ни къ явленіямъ въ ихъ цѣломъ, а къ элементамъ, лежащимъ глубже ихъ. Поэтому на основаніи того, что сложные явленія часто вытекаютъ одно изъ другого, нельзя еще заключать, что ихъ связываетъ законъ, содержаніе котораго и есть порожденіе одного изъ другого. Такимъ образомъ, если-бы даже и было констатировано, что во многихъ случаяхъ за автократіей слѣдуетъ олигархія, за нею демократія, а за тѣмъ опять монархія, то это ничуть не доказывало-бы, что новый рядъ развитій, въ послѣдовательности первыхъ членовъ совпадающій съ прежними, и дальше долженъ итти съ нимъ параллельно. Подобное

утверждение может опираться лишь на крайне плохо понятое и поверхностное понимание (Deutung) закона причинности. Такое положение дѣла подходит къ такому факту, когда два ученія, исходящія изъ совершенно различныхъ первыхъ положеній (Prämissen) могутъ все-же въ точности сойтись въ какой-нибудь части своихъ выводовъ, различіе же оснований, давшихъ здѣсь однажды одинаковыя слѣдствія, скажется опять въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи въ новыхъ различіяхъ. Такъ, Гёте, исходя изъ принциповъ своего ученія о цвѣтахъ, совершенно послѣдовательно дошелъ до цѣлаго ряда оптическихъ феноменовъ, на которые онъ опирался, какъ на доказательство правильности своихъ основныхъ положеній такъ-же точно, какъ то дѣлали Ньютоніанцы въ пользу своихъ; такъ, на основаніи Птолемеевой міровой системы можно было совершенно правильно высчитать нѣкоторыя астрономическія явленія и т. д. И все-же то, что изъ двухъ совершенно тождественныхъ явленій, совершающихся въ два различные момента, должны проистечь различныя слѣдствія, противорѣчитъ, повидимому, закону причинности. Откуда произошло это равенство,—это кажется безразличнымъ, такъ какъ въ дѣйствительности очень различныя причины могутъ имѣть одинаковыя слѣдствія; но одинаковыя причины могутъ имѣть лишь одинаковыя слѣдствія. Первичныя силы, повидимому, исчезли въ тотъ моментъ, когда онѣ породили сложныя слѣдствія; если послѣднія въ свою очередь дѣйствуютъ далѣе и если, согласно нашему предположенію, онѣ совершенно одинаковы, то и слѣдствія ихъ должны быть одинаковы. Какими бы изъ безчисленныхъ комбинацій толчковъ, переходящихъ въ одинаковыя производныя, ни была приведена въ движеніе масса, — дальнѣйшее движеніе ея опредѣляется единственно тѣми силами, которыя разъ введены въ нее; а у нихъ нѣтъ Янусова лица, благодаря которому они могутъ, сойдя съ точки достигнутаго ими равенства, за ними лежащее различіе въ происхожденіи опять проявить въ различіи будущаго своего дѣйствія. Если дѣй-

ствительно совершилось условіе, предполагаемое этимъ историческимъ закономъ: если дѣйствительно состояніе олигархіи у народа *A* совершенно то же, что и у *B*, то оно заключаетъ въ себѣ равенство всѣхъ потенціальныхъ силъ и сложившихся отношеній, которыя прямо согласно закону причинности должны вылиться у *B* въ то же слѣдствіе, которое наблюдалось у *A*.

Эта значительная трудность, съ которой приходится считаться, если отрицать существованіе историческихъ законовъ, и въ силу которой, повидимому, приходится, несмотря ни на что, неизбѣжно признать ихъ существованіе, эта трудность, кажется мнѣ, надлежало ограничиваться благодаря слѣдующимъ двумъ соображеніямъ. Прежде всего приходится признать, что, разъ дѣйствительно осуществилось предположеніе полнѣйшаго равенства состояній, то никто не можетъ отказаться отъ вывода одинаковыхъ слѣдствій. Но противъ этого я не могу довольствоваться обычно употребляемымъ весьма слабымъ возраженіемъ, заключающимся въ слѣдующемъ: два историческія состоянія никогда вѣдь не бываютъ вполне одинаковыми и, если говорятъ о повтореніи такого состоянія, то рѣчь можетъ здѣсь идти лишь о подобіи частичномъ, и во всякомъ случаѣ весьма модифицированномъ. Я къ этому вернусь еще, а теперь лучше обращаю вниманіе на другое затрудненіе, встречающееся при предположеніи послѣдовательнаго подобія историческихъ событій. Дѣло въ томъ, что всякая человѣческая исторія есть лишь отрывокъ изъ всей міровой жизни, а потому дальнѣйшее развитіе каждой фазы его зависитъ отъ безчисленнаго количества обстоятельствъ, потенціальныхъ силъ которыхъ вовсе не находятся исключительно въ этой фазѣ, какъ фазѣ, ограниченной понятіемъ исторіи; въ виду этого силъ этихъ нельзя вычислить на основаніи ея. Исторія человечества—не замкнутая глава, лишь начало и конецъ которой подпадаетъ вліянію космическихъ силъ и находится въ связи съ ними; она развивается путемъ продолжительнаго эндосмоза и экзосмоза съ ними и испы-

тываєть вліяніє силъ ихъ, источники котораго (вліянія) лежать и развиваются внѣ ея, а потому и не могутъ быть вычислены на основаніи даже самаго точнаго знанія бывшаго доселѣ хода історіи. Какъ нельзя опредѣлить будущаго поведенія человѣка лишь по прошедшему его, потому что кромѣ потенціальныхъ силъ, которыя внѣдрены въ него въ каждый данный моментъ этимъ прошедшимъ, на него будетъ вліять еще и безчисленное количество другихъ силъ, которыя измѣняютъ направленіє и интенсивность прежнихъ; какъ внутри индивида психическія явленія не составляютъ замкнутой причинной цѣпи, потому что извнѣ привходящія ощущенія разрываютъ ихъ непрерывную связь и вносятъ новые по теперешнему состоянію не поддающієся вычисленію элементы духовной жизни; также нельзя и жизнь человѣчества считать самому себѣ довлѣющимъ развитіємъ, болѣе раннія стадіи котораго заключали въ себѣ всѣ зародыши, изъ которыхъ, путемъ чисто внутренней причинной связи, развивается все позднѣйшее. Вліянія, идущія отъ группы силъ, совершенно чуждыхъ всему доселѣ происходившему, прерываютъ присущее ему развитіє, а потому равенство условій, которое должно-бы быть и въ будущемъ, выливается въ совершенно неожиданное разлічіє результатовъ.

Лишь въ томъ случаѣ, если-бы історія человѣческая была дѣйствительно історією вселенной, лишь тогда состояніє каждаго даннаго момента заключало-бы въ себѣ достаточныя условія для проявленія ближайшаго за нимъ и слѣдующаго за этимъ состояній, лишь тогда можно было бы не ждать отклоняющихъ вліяній извнѣ. То, что давно признано, напримѣръ, по отношенію къ історіи искусства: что історіи искусства, такъ сказать, и быть не можетъ, т. е. что нѣтъ такой історіи, которая въ области искусства выводила бы одно явленіє изъ другого, такъ какъ политическія, соціальныя, релігіозныя и проч. отношенія опредѣляютъ также ближайшія явленія и сами не могутъ быть напередъ вычислены на основаніи прошлыхъ явленій въ области ис-

куства, — это имѣетъ такое же значеніе и для всей исторіи въ ея цѣломъ. Поэтому историческіе законы были бы возможны лишь въ томъ случаѣ, если-бы космическіе факторы, привходящіе въ данныя доселѣ историческія состоянія и вліяющіе на ихъ развитіе, были бы постоянны и поэтому, такъ сказать, проникали бы въ обѣ части равенства съ одинаковою силою и потому для вывода одной изъ другой послѣднихъ не приходилось бы принимать въ расчетъ; или, если бы содержаніемъ ихъ были всѣ состоянія всего міра въ ихъ совокупности, а не одни весьма измѣнчивые отрывки ихъ. Судьбы вселенной въ ихъ прошломъ безусловно замкнуты, всякое вмѣшательство во вселенную, вмѣшательство, приводящее въ дѣйствіе силу, не имѣющую въ ней самой достаточныхъ для себя основаній, должно быть отклоняемо; напротивъ, при обычномъ взаимодействіи всѣхъ космическихъ элементовъ, какой либо отдѣльный рядъ событій—который по субъективнымъ категоріямъ отграниченъ, изолированъ и даже обладаетъ кажущеюся самостоятельностью—такой рядъ не содержитъ въ себѣ достаточныхъ условій для дальнѣйшихъ судебъ своихъ, но всегда долженъ быть готовъ ко всякаго рода вмѣшательству, которое по отношенію къ нему является, какъ-бы *deus ex machina*, а это для отдѣльной человѣческой судьбы, отдѣльныя фазы которой мы связываемъ въ единичное и цѣльное теченіе, имѣетъ значенія не болѣе, чѣмъ для судебъ отдѣльнаго народа или человѣчества вообще. Лишь съ гораздо большимъ трудомъ можно другую точку зрѣнія изъ формы простого намека, въ каковой она встрѣчалась въ предыдущемъ, привести въ принципіальную ясность и, основываясь на ней, показать, что, вопреки закону причинности, изъ одинаковыхъ историческихъ условій могутъ проистекать различныя дальнѣйшія развитія. Мы уже видѣли, что, разъ дано какое-либо состояніе, его реальныя слѣдствія развиваются во всякомъ случаѣ съ абсолютной и недвусмысленной необходимостью, безразлично, хотя бы предыдущія движенія, которыя дали ему

необходимы для этого потенциальныя силы, и были различны. Однако, тѣ состоянія, причинную связь которыхъ обыкновенно выражаютъ историческіе законы, не являются дѣйствительными частями развитія, такими, по которымъ развитіе это проходитъ какъ по необходимымъ стадіямъ, порождающимъ со своей стороны потенциальныя силы для будущаго. Они скорѣе — лишь проявленія и абстракціи дѣйствующихъ силъ; будущее состояніе развивается такимъ образомъ не изъ нихъ, а изъ этихъ послѣднихъ. И если благодаря субъективному фактору, съ которымъ соединяются реальныя силы, чтобы путемъ отраженія создать въ немъ содержаніе историческихъ законовъ, если, благодаря этому фактору и его измѣчивости, очень различныя дѣйствительныя явленія могутъ представлять одинаковую картину для познанія, то отсюда слѣдуетъ, что видимыя слѣдствія одинаковыхъ состояній на самомъ дѣлѣ могутъ быть крайне различны. Ибо сила, порождающая эти слѣдствія, лежитъ не въ нихъ, а въ тѣхъ реальностяхъ, которыя высказываютъ свое различіе въ различіи дальнѣйшихъ своихъ слѣдствій, послѣ того какъ онѣ, случайно соединившись съ факторомъ, лежащимъ внѣ ихъ, нѣкоторое время (Streckeweit) казались одинаковыми; имъ нѣтъ дѣла до того, что они на какомъ-либо пунктѣ своего пути возбуждаютъ въ наблюдающемъ духѣ одинаковаго рода проявленія, которыя принимались за дѣйствующія причины и этимъ вызываютъ ложную претензію на одинаковость дальнѣйшаго развитія.

Повидимому, мы, упоминая объ этой трудности, направляемъ наши удары не только противъ исторической, но и противъ всякой вообще причинной зависимости. Познаніе того, что все въ мірѣ имѣетъ характеръ лишь простаго явленія, дѣлаетъ почти невыносимымъ объективное порожденіе реальности другою реальностью, какъ того требуетъ законъ причинности. Вѣдь, если цѣлый послѣдовательный рядъ возможныхъ опытовъ состоитъ изъ представленій, изъ коихъ каждое, какъ то можно въ крайнемъ случаѣ допустить, въ свою оче-

редъ является слѣдствіемъ или символомъ абсолютной, но невѣдомой реальности, то представленія эти все-же не порождаютъ другъ друга, т. е. между ними нѣтъ никакой реальной причинной связи, а это просто послѣдовательный рядъ, въ которомъ каждый членъ совершенно не зависимъ отъ членовъ предшествующихъ ему въ этомъ ряду, изолированъ отъ нихъ, опредѣляется чѣмъ-то другимъ. А такъ какъ представленія эти—единственное, что мы знаемъ и имѣемъ, то объективная и дѣйствительная причинная связь намъ вообще недоступна. Явленіе B , слѣдующее за явленіемъ A ,—есть психическій рефлексъ реальности β и происходитъ отъ стеченія его съ субъективнымъ факторомъ, а не отъ A . Это A также произошло изъ психическаго фактора и реальности α . Вслѣдствіе этого рядъ AB лишь тогда могъ-бы, по крайней мѣрѣ сойти за дѣйствительный причинный рядъ, если-бы субъективность, возбужденія которой и представляютъ собою при посредствѣ α и β , A и B , ко всѣмъ случаямъ относилась вполне одинаково и такъ именно, чтобы каждому α соответствовало лишь A , а не что-либо другое, каждому β лишь B ; тогда это былъ-бы постоянный факторъ, и если-бы и тогда нельзя было бы вычислить α и β въ ихъ *an sich*, то все-же можно было-бы быть увѣреннымъ, что всякій разъ существуетъ α , когда мы имѣемъ A и т. д. Индукція, опирающаяся на многія наблюденія ряда AB , тогда оправдывала-бы выраженіе, что B всегда слѣдуетъ за A . А это собственно лишь другое выраженіе для реальной причинности, потому что весь возможный и практически интересующій насъ смыслъ можетъ быть лишь тотъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, когда является A , должно непременно быть и слѣдствіе B .

Теперь помянутыя предпосылки въ отношеніи къ познанію внѣшней природы приблизительно исполнились. Не обманываясь слишкомъ часто фактами, предположимъ, что нашъ психическій организмъ относится весьма однообразно, соблюдая въ точности степени, къ тѣмъ

возбужденіямъ, результатомъ которыхъ являются внѣшнія умственные представленія; мы должны тогда въ общемъ признать вѣрнымъ выраженіе, что ощущенія суть, если и не познанія, то символы абсолютныхъ реальностей. А дальнѣйшія психическія измѣненія, которыя допускаютъ группировку въ категоріи, завершеніе и объясненіе внѣшнихъ событій, какъ только они предприняты лишь для установленія пространственно-динамическихъ вещественныхъ отношеній, на столько оставляютъ первичный матеріалъ безъ измѣненія, что здѣсь можно дѣйствительно считать психическую субъективность постояннымъ факторомъ и на основаніи извѣстнаго числа наблюдений, того, что *B* слѣдуетъ послѣ *A*, утверждать, что *A*—причина *B*, т. е. что послѣднее всегда будетъ слѣдовать за первымъ. Уже по отношенію къ отдѣльнымъ историческимъ фактамъ дѣло оказывается совершенно инымъ, и субъективный факторъ получаетъ преобладающее значеніе. Въ первой главѣ мы указали на важное значеніе, которое имѣетъ въ исторической наукѣ оцѣнка (*Deutung*). Если бы мы не вкладывали во внѣшнее событіе смысла, во внѣшнее дѣяніе намѣренія, во внѣшнее опредѣленіе чувствованія,—то не было бы вовсе исторіи: лишь толкованіе придаетъ ей значеніе. Значитъ, въ процессѣ, въ которомъ объективное событіе становится представленіемъ, субъективная дѣятельность играетъ большую опредѣляющую роль, чѣмъ въ отношеніи къ внѣшней природѣ, явленія которой принимаются въ томъ видѣ, какъ они проявляются; они, подобно первымъ, не возводятся, такъ сказать, еще во вторую степень, при чемъ во время этого явленія индивидуальныя духовныя различія должны проявляться въ усиленной мѣрѣ. Такимъ образомъ по отношенію къ историческимъ событіямъ увеличивается вѣроятность того, что объективно различное вызоветъ одинаковыя субъективныя явленія—и обратно—между тѣмъ какъ дальнѣйшее развитіе объективныхъ событій можетъ случайно еще разъ проявить въ болѣе сильной степени ихъ сущность,

отклоняющуюся отъ ихъ проявленія, и такимъ образомъ вытекающія отсюда явленія представляются видимыми различными слѣдствіями одинаковыхъ причинъ. Ибо—и на это слѣдуетъ обратить особенное вниманіе—духъ—не зеркало, въ которомъ, безразлично вогнутое-ли оно и выпуклое, различіе образовъ всегда находится въ точной, законами преломленія опредѣленной, пропорціональности къ различію въ объектахъ. Онъ отражаетъ различное различно не въ той мѣрѣ, въ какой оно само различно, но относится особенно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ ужъ не о непосредственныхъ ощущеніяхъ, къ каждому объекту особеннымъ образомъ и часто такъ, что различія въ отношеніи познающихъ функцій внутри одного индивида, какъ разъ совпадаютъ съ соотвѣствующими различіями нѣсколькихъ индивидовъ. Не описывая подробно этого, не вызывающаго никакого сомнѣнія, факта, я упомяну лишь, что и высшія духовныя функціи обладаютъ тою особенностью, которую въ чувствахъ—здѣсь, конечно, опять-таки (*neuestens*) съ ограниченіями—назвали специфической энергіей: т. е. душевный эффектъ впечатлѣнія зависитъ отъ органа, который его воспринимаетъ, такъ что возбужденія совершенно различнаго происхожденія, попадая на одинъ органъ, вызываютъ совершенно одинаковыя представленія и наоборотъ, тождественное возбужденіе, смотря по различію въ воспринимающемъ органѣ, вызываетъ совершенно различныя проявленія въ сознаніи. Если это порождаетъ уже нѣкоторыя трудности въ чувственной части нашего познанія, въ которой уже впередъ допущена субъективность ощущеній, и вовсе не требуется, чтобы они дѣйствительно отражали свои причины,—то эта спецификація энергіи становится тѣмъ болѣе сомнительной тамъ, гдѣ заключительное представленіе должно быть вѣрною картиною возбуждающаго ее явленія. Мы требуемъ, отъ историческаго познаванія, чтобы субъективно психологическое явленіе въ познающемъ отражало объективно психологическое явленіе въ исторической личности. Если-же здѣсь специфическая энер-

гія дѣйствуетъ такъ, что притекающее извнѣ раздраженіе возбуждаетъ извѣстныя находящіяся въ душѣ группы представленій или психическія силы, къ которымъ оно случайно попадетъ въ отношенія, такъ что какъ разъ вытекаютъ специфическія для нея представленія, которыя зависятъ отъ характера возбужденнаго, а не отъ характера раздраженія: то ясно отсюда, какъ легко различнаго рода объективныя явленія могутъ вызвать одинаковое явленіе, порождая въ другой разъ, попавъ на другіе психическіе органы, совершенно другія реакція въ представленіи, т. е. другія познанія. Въ познаніи внѣшней природы мы можемъ освободиться отъ тѣхъ затрудненій, которыя порождаются въ дѣлѣ открытія реальной причинной связи вещей ихъ характеромъ простой феноменальности, просто оставивъ безъ вниманія лежащую въ ихъ основѣ и вызывающую ихъ вещь *an sich*, такъ какъ все равно она никогда не можетъ попасть въ предѣлы нашего кругозора; въ практическомъ естествовѣдѣніи мы справедливо рассматриваемъ явленія, какъ вещи *an sich*, а ихъ зависимости такъ, какъ будто здѣсь имѣется дѣйствительная и производительная причинная зависимость. Изъ исторической науки подобная группировка познавательнаго матеріала исключена. Внѣшнія историческія событія не составляютъ ряда, въ которомъ одно явленіе можно считать причиной, порождающей слѣдующее за нимъ: послѣднее вытекаетъ изъ дальнѣйшаго развитія психическихъ причинъ, которыя породили уже и первое. Эти психическія причины не даны намъ непосредственно, но воспроизводятся лишь въ познающемъ (*auffassend*) ихъ интеллектѣ и при томъ такимъ образомъ, который, въ сравненіи съ представленіемъ чувственныхъ данныхъ, можно назвать совершенно произвольнымъ (*freibildend*). Отсюда ясно, что по нашему изображенію историческаго событія или части историческаго ряда нельзя познать въ отдѣльности силы, вызывающія къ жизни непосредственно за нимъ слѣдующій образъ. Я напому здѣсь въ качествѣ разительнаго примѣра того, какъ изъ

совершенно различныхъ, но подлежащихъ еще открытію силъ, проистекають одинаковыя явленія, напомнимъ о совершенно одинаковыхъ поступкахъ, вытекающихъ изъ совершенно отличнаго образа мыслей, особенно-же напомнимъ о томъ, что социальныя учрежденія въ извѣстныхъ областяхъ принуждаютъ и безнравственно двигаться въ тѣхъ-же формахъ, что и нравственное; другія-же области еще не такъ развиты и потому при первомъ удобномъ случаѣ проявляется здѣсь совершенно другое выраженіе образа мыслей, хотя нравственное остается и здѣсь, какъ и въ первомъ случаѣ, въ томъ-же отношеніи. Поэтому вѣроятность того, что одинаково проявляющіяся историческія картины проистекають изъ очень различныхъ комбинацій причинъ, гораздо больше, чѣмъ относительно явленій внѣшней природы, и наблюдаемый рядъ такихъ образовъ долженъ поэтому давать меньше возможности, чѣмъ при изслѣдованіи природы, устанавливать законы, т. е. настаивать на непрерывномъ повтореніи этого слѣдствія.

Большинство этихъ критическихъ замѣчаній (Bedenken) относительно возможности историческихъ законовъ, яснѣе всего получаютъ свою силу въ вопросѣ о такъ называемыхъ статистическихъ законахъ. Здѣсь легко увидѣть, что законы, по которымъ совершаются массовыя явленія, не выражаютъ дѣйствительныхъ силъ ихъ движеній, но являются лишь совокупностью отдѣльныхъ движеній, изъ коихъ каждое направляется совершенно другими, единственно реальными силами. Если между 10,000 ежегодными смертными случаями оказывается опредѣленное количество самоубійствъ, то, конечно, повтореніе этого числового отношенія въ каждомъ слѣдующемъ году, разъ только предположить, что соотвѣтственное социальное цѣлое остается безъ измѣненія, есть лишь простое слѣдствіе закона причинности; точно такъ-же, какъ и повтореніе историческихъ слѣдствій лежитъ совершенно внѣ всякаго сомнѣнія, если только историческая причина дѣйствительно повторится безо всякаго измѣненія. Здѣсь по-

этому вовсе не нужно ни исторических, ни статистических *законовъ*, а нужно лишь простое констатированіе фактовъ; такъ какъ мы увѣрены въ повтореніи ихъ уже въ абсолютномъ смыслѣ слова въ виду тождественныхъ обстоятельствъ на основаніи закона причинности, то оказывается столько *законовъ*, сколько имѣется слѣдствій разныхъ событій. Каждое наблюдаемое нами самоубійство есть результатъ *соціальныхъ и психологическихъ силъ*, т. е. *законовъ*, управляющихъ ими; а то, что въ итогъ ихъ получается столько-то, — это ужъ результатъ дѣйствія этихъ *законовъ* на данный матеріалъ и потому не можетъ быть само *закономъ*. Если извѣстное количественное отношеніе повторяется извѣстное время непрерывно, то это показываетъ лишь, что условія для вступленія въ силу этихъ *законовъ* существуютъ и далѣе; такимъ образомъ это фактъ, но не причина его. Очевидно также, что для отдѣльнаго самоубійцы вовсе не важно, покушается ли на самоубійство на ряду съ нимъ столько-то другихъ еще, и между тѣми *законами* природы, изъ реальныхъ дѣйствій которыхъ вытекаетъ его поступокъ, нѣтъ, повидимому, того, что между 10,000 смертными случаями происходитъ столько-то самоубійствъ. Сложеніе случаевъ — синтезисъ, предпринимаемый наблюдателемъ; то, что оно даетъ этотъ результатъ, конечно, обосновано объективно, но лишь потому, что каждый изъ факторовъ этого объективенъ, но желать обратно вывести изъ необходимой опредѣленности результата, таковую же для его факторовъ, значитъ попасть въ ложный кругъ и заниматься нѣкотораго рода мистической телеологіей *). Эта подстановка заднимъ числомъ резуль-

*) Противъ этого наблюденія могутъ возразить, что, конечно, для каждаго отдѣльнаго изъ количества *n* самоубійцъ безразлично и является вполне случайнымъ тотъ фактъ, находятся-ли на ряду съ нимъ еще *n-1* другихъ и что законъ: на 10.000 смертныхъ случаевъ приходится *n* самоубійствъ постольку и не выражаетъ никакой опредѣляющей силы; но для цѣлаго, членами котораго являются *n* самоубійцъ, число это ни въ коемъ случаѣ не случайно, но все это число истекаетъ такъ же необходимо

тата—какъ вещественно объективнаго, такъ и феноменологически-субъективнаго на мѣсто причины—типическая ошибка мысли, безъ которой большинства „историческихъ законовъ“ вовсе не было-бы. Мы видимъ, напримѣръ, что движущимъ факторомъ во всемирной исторіи считаютъ законъ дифференціаціи. Совокупность формъ дѣятельности, потребныхъ для поддержанія жизни, въ первобытныя эпохи производилась каждою отдѣльною личностью, и прогрессъ состоитъ въ томъ, что все болѣе и болѣе вступаетъ въ силу раздѣленіе труда, и каждый взаимнѣ разнообразія въ дѣятельности занимается лишь одною, все болѣе спеціа-

(stringent) изъ отношеній соціальной группы, какъ самоубійство одного индивида изъ индивидуальныхъ, порождающихъ это обстоятельство. Какъ только будемъ смотрѣть на занимающее насъ общество, какъ на цѣльное образованіе, то тотъ фактъ, что оказывается и самоубійць, является общимъ, самому себѣ довлѣющимъ, послѣдовательнымъ явленіемъ, которое можно считать закономъ, который дѣйствуетъ такъ, что при констатированіи п—г самоубійць на 10.000—р смертныхъ случаевъ можно съ относительною увѣренностью предположить, что окажется еще г самоубійць, когда цифра смертныхъ случаевъ дойдетъ до 10000. Случайность, характеромъ которой, повидимому, обладаетъ статистическій „законъ“ по отношенію къ единичному, какъ такому, исчезаетъ, какъ только мы это единичное можемъ разсматривать въ качествѣ члена совокупнаго цѣлаго. Въ этомъ направленіи, которое, какъ я покажу, имѣетъ лишь совершенно внѣшнее сходство съ разсужденіемъ, именуемымъ закономъ большого числа, мнѣ кажется достойнымъ вниманія одинъ моментъ. Именно можно было-бы предположить, что соціальное общежитіе 10000 человекъ создало такое положеніе, которое, предполагая далѣе сообразное съ опытомъ характерологическое дифференцированіе индивидовъ, повело въ дѣйствительности и изъ нихъ къ самоубійству. Слѣдовательно, здѣсь необходимы такіа, здѣсь лишь въ общихъ чертахъ очерченныя, два предположенія: 1. Человѣческое общежитіе порождаетъ, вслѣдствіе различія въ первоначальныхъ преимуществахъ въ силѣ, умѣ, случайности положенія и т. д., отношенія конкуренціи, порабощенія, отреченія отъ желаемаго; и слѣдствія эти появляются въ разныхъ размѣрахъ, судя по величинѣ соціального цѣлаго. 2. Между столькими-то людьми оказывается столько то холериковъ, сангвиниковъ, флегматиковъ и т. д. Соединеніе этихъ обоихъ эмпирическихъ фактовъ порождаетъ въ результатѣ то, что въ соціальномъ цѣ-

лизирующей; утонченность чувственной жизни, уравнение интересовъ, объективированіе воли и мысли съ одной стороны, уничтоженіе насильственной социализаціи и образованіе союзовъ со всерастущою цѣлесообразностью съ другой—все это измѣненія, которыя можно подвести подъ понятіе дифференціаціи. Но то, что порождаетъ эти отдѣльныя измѣненія, это отдѣльныя особенныя силы, необходимое или случайное ихъ соединеніе, силы—вызванныя къ дѣятельности ревностью или геніальностью, силы, результаты которыхъ лишь въ послѣдствіи были собраны воедино въ понятіи „дифференціація“. Дифференціація это то, что получается послѣ того, какъ всѣ эти силы дѣйствовали уже, и мы не можемъ ее считать сложной силой, стоящей надъ ними

ломъ опредѣленной величины опредѣленное количество индивидовъ направляется на самоубійство. Законъ большихъ чиселъ говоритъ: различіе вліяній, которыя опредѣляютъ положеніе каждаго индивида въ отдѣльности въ жизненныхъ условіяхъ, здѣсь нами разсматриваемыхъ, для наблюдателя сглаживается, когда онъ принимаетъ въ расчетъ большое число индивидовъ, въ данномъ случаѣ 10.000; дѣло простой вѣроятности, что если въ слѣдующей группѣ въ 10.000 человекъ и найдется, можетъ быть, нѣкоторое количество весьма крайнихъ явленій на одной сторонѣ, то между прочими, разсматриваемыми нами, найдется столько-же крайнихъ на противоположной сторонѣ, такъ что снова возстанетъ средняя величина. Значитъ дѣло идетъ здѣсь о чисто субъективной и феноменологической нормѣ наблюденія подъ условіемъ непосредственнаго отказа отъ познанія реальныхъ силъ, создающихъ это количественное отношеніе. Если мы, напротивъ, будемъ смотрѣть на социальное цѣлое, какъ это мы и дѣлали, не только, какъ на совокупность индивидовъ, различія которыхъ въ общемъ счетѣ взаимно уничтожаются, но какъ на единицу, внутреннія отношенія которыхъ развиваютъ свои силы пропорціонально количеству участниковъ,—тогда кажется, что реальное и причинное отношеніе между этимъ количествомъ людей, къ которому въ предыдущемъ случаѣ прилагался законъ большихъ чиселъ, и количествомъ правильныхъ изслѣдуемыхъ событій находятся въ этой единицѣ. Если мы будемъ смотрѣть на число 10.000 не какъ на простую совокупность столькихъ-то отдѣльныхъ существъ, но какъ на социальную сущность, связанную внутренно, которая, какъ таковая, обладаетъ особыми качествами,—тогда положеніе: на 10000 человекъ приходится п самоубійцъ, можетъ приблизиться къ смыслу дѣйствительнаго закона.

всѣми, считать ее общимъ источникомъ силы, лишь частицы которой благодаря случайности положеній вызываются въ различно проявляющейся дѣйствительности.

Другой примѣръ: Если всматриваться въ прошлое развитія какого-либо народа, то часть этого развитія кажется юностью его, и мы называемъ нѣкоторые событія, извѣстный темпъ и темпераментъ въ поступкахъ, большую любовь къ приобрѣтенію, чѣмъ къ владѣнію, образованіе потенциальныхъ силъ, которыя достигаютъ явнаго (*offener*) развитія лишь въ болѣе позднее время—это мы и называемъ его юностью. Позднѣйшія явленія походятъ болѣе по виду своему на періодъ зрѣлости, еще болѣе позднія—на старость. На этомъ основаніи высказывается „историческій законъ“, по которому каждый народъ проходитъ ступени юности, возмужалости и старости, и отдѣльные явленія объясняются силою и дѣйствительностью (*Gültigkeit*) этого закона. При этомъ упускаютъ изъ виду, что эти изслѣдуемые отдѣльные явленія лишь въ совокупности своей представляютъ картину различныхъ возрастовъ. Гдѣ та „юность“, которая предшествовала отдѣльнымъ событіямъ, какъ причина ихъ и по внутренней необходимости превратилась въ періодъ возмужалости, который затѣмъ въ свою очередь породилъ изъ себя другія событія? Общее впечатлѣніе, производимое послѣдствіями безчисленнаго количества отдѣльныхъ побудительныхъ силъ и обстоятельствъ, неправильно считается причиною ихъ. Народъ теперь молодъ, потому что онъ содержитъ такія-то и такія-то потенциальныя силы, развиваетъ другія и притомъ по особымъ, каждое отдѣльное дѣйствіе опредѣляющимъ, законамъ: но не обратно, не потому все это происходитъ съ нимъ, что онъ молодъ. Это превратное пониманіе дѣйствительныхъ отношеній—наслѣдственный грѣхъ нашего мышленія, переживаніе прежней телеологіи, которая на томъ основаніи, что въ человѣческихъ сознательныхъ, направленныхъ къ извѣстной цѣли дѣйствіяхъ, болѣе позднее состояніе дѣйствительно является причиною, поскольку оно переходитъ въ форму цѣли,—

на этомъ основаніи воображала, что и въ безсознательномъ событіи результатъ является причиной, гдѣ-то предшествующей своему собственному воплощенію и реализованію средства своего воплощенія. И опять приходится вернуться къ классическому примѣру жизненной силы. Питаніе нервовъ и мускуловъ, работа сердца, пищевареніе, словомъ, всѣ безчисленные отдѣльныя явленія въ нашемъ тѣлѣ не потому происходятъ, что мы живемъ, а, наоборотъ, мы живемъ потому, что всѣ эти явленія вызваны къ жизни, каждое особыми силами и обстоятельствами и взаимодействіемъ мельчайшихъ частицъ.) Они соединяются, лишь производя тотъ цѣльный эффектъ, который мы называемъ жизнью, а вовсе не такъ происходитъ дѣло, что эффектъ этотъ, какъ цѣлое, существуетъ сначала и изъ себя ужъ развиваетъ эти отдѣльныя явленія, какъ то происходитъ судя по всему, что мы знаемъ, лишь въ цѣлесообразныхъ дѣйствіяхъ человѣка. И если юность переходитъ въ періодъ возмужалости, то это не является превращеніемъ одного особаго состоянія въ другое; а, напротивъ, отдѣльные ряды развитія, представляющіе относительно отдѣльныя части народной жизни, продолжаютъ развиваться, безразлично, проводить-ли наблюдатель по нимъ поперечную линію и считаетъ-ли все лежащее по сю сторону ея юностью, все-же лежащее по ту сторону—возмужалостью, или нѣтъ. Этимъ отнюдь и никоимъ образомъ не познаются силы, производящія переходъ отдѣльныхъ состояній въ другія. Желаніе понять историческое развитіе изъ той необходимости, съ какою за юностью слѣдуетъ періодъ зрѣлости и т. д. — есть не что иное, какъ полнѣйшій самообманъ. Юность не развиваетъ изъ себя всего этого; напротивъ, эти явленія въ ихъ совокупности являются слѣдствіями отдѣльныхъ вліяній и комбинацій силъ, которыя однако такъ-же мало происходятъ изъ юности, какъ таковой, какъ нужда человѣка, несчастливо спекулировавшаго, не является слѣдствіемъ прежняго его богатства. Когда же говорятъ, что юность и старость обозначаютъ здѣсь не

абстрактныя, витающія надъ вещами и ими руководящія понятія, а комплексы отдѣльныхъ состояній, изъ коихъ одно эмпирически слѣдуетъ за другимъ, то этимъ не только вводятъ сюда ранѣе трактованныя нами затрудненія въ пониманіи причинной зависимости комплексовъ, но и уничтожаютъ всякую возможность объясненія отдѣльнаго событія на основаніи этого историческаго закона. Ибо превращенія цѣлаго, происходящаго лишь благодаря стеченію различныхъ частей, не могутъ никакъ объяснить превращеній этихъ именно частей. Какъ только философъ исторіи поддается на столько номиналистической тенденціи, что матеріаль его законовъ будетъ состоять изъ комплексовъ реальностей, а не изъ дѣйствительныхъ единствъ *), которыя, находясь гдѣ-либо внѣ эмпирическихъ частныхъ (Einzelheiten), опредѣляютъ для послѣднихъ пути: то въ этотъ моментъ онъ отказывается во всемъ законъ дать дѣйствующую причину фактическаго отдѣльнаго событія. Историческій законъ во всякомъ случаѣ остается послѣдующимъ (nachhinkende) выраженіемъ для фактовъ, каждый изъ которыхъ должно объяснить столкновеніемъ психологическихъ, фізіологическихъ и физическихъ законовъ, проявится ли таковое въ признаніи того, что интересующія насъ понятія суть не что иное, какъ совокупность фактовъ, или прикроется метафизически утвержденіемъ, что отдѣльныя эволюціи основываются на самой себѣ довлѣющей необходимости появленія этихъ понятій, — все равно.

*) Въ этотъ рядъ соображеній о томъ, что лишь простые и послѣдніе элементы исторіи даютъ намъ законъ ихъ отношеній, я преднамѣренно не вводилъ никакого опредѣленія того, что-же это за простые элементы. Для принципиальнаго вывода, который намъ здѣсь и нуженъ, безразлично, думаютъ-ли здѣсь придавать значеніе индивидуальному человѣку, какъ цѣлому, какъ „историческому атому“, или его отдѣльнымъ представленіямъ, или, говоря материалистически, молекуламъ его тѣла, въ акціяхъ и реакціяхъ которыхъ протекаетъ его исторія; или думаютъ, какъ то дѣлаетъ социологическая метафизика, открыть — простые факторы историческихъ явленій въ содержаніи народнаго духа.

Вся та недостаточность исторических законовъ проявляется тогда, если ихъ опѣнивать по идеалу познаванія; но иначе дѣло обстоитъ, если принимать во вниманіе вообще несовершенства познаванія и спросить себя, не можетъ-ли то, что не является абсолютнымъ познаніемъ, быть относительною ступенью къ таковому. Съ одной стороны познаніе законовъ, управляющихъ движеніями мельчайшихъ частицъ, законовъ, которые одни только и могутъ дать намъ возможность познать дѣйствующія силы историческихъ событій; съ другой стороны проникновеніе въ спеціальное образованіе мірового содержанія, изъ какового можно, предполагая упомянутые выше законы, понять всякое событіе,—это лишь цѣли, достиженіе которыхъ безконечно далеко отъ насъ. Хотя общее для насъ и происходитъ лишь изъ представленія частнаго, но ходъ научнаго познанія таковъ, что мы сначала выставляемъ совершенно общія нормы, многообъемлющія основныя положенія, и затѣмъ идетъ долгій процессъ дифференціаціи, который только и ставитъ на разрѣшеніе задачи о частичныхъ явленіяхъ. Широкими понятіями и общими размышленіями начинается научное мышленіе; оно становится уже лишь на столько, на сколько дѣлается болѣе точнымъ; посредствомъ немногихъ высшихъ представленій хочетъ оно обнять совокупность бытія и, лишь послѣ безчисленныхъ попытокъ и блужданій въ высотахъ абстракціи, берется оно за анализъ сложныхъ понятій и явленій и прослѣживаетъ отдѣльныя нити той ткани, которую раньше надѣялось оно разобрать въ ея цѣломъ, не зная ея строенія. Какая-либо форма событія, наблюдаемая на поверхности явленій, возвышается до степени всеобщаго закона, пока не познаютъ случайности стеченія его факторовъ, и тогда форма послѣднихъ считается дѣйствительно общимъ закономъ до тѣхъ поръ, пока, какъ это довольно часто бываетъ, и здѣсь не повторится тотъ-же процессъ. Вообще путь отъ философскаго къ точному познанію вещей проходитъ черезъ эти этапные пункты. Метафизическое размышленіе вы-

хватываетъ какое-либо явленіе, которое, видитъ оно, нѣсколько разъ повторяется, и дѣлаетъ его мѣриломъ всѣхъ вещей. И оно прилагаетъ это мѣрило непосредственно къ сложнымъ отношеніямъ эмпирическаго; его матеріалъ—самыя сложныя явленія; большею частью оно довольствуется общимъ впечатлѣніемъ, которое производитъ на насъ совмѣстное дѣйствіе реальныхъ факторовъ и которое поверхностное сознаніе считаетъ общимъ основнымъ событіемъ; оно обыкновенно презрительно относится къ тому, чтобы эти явленія сами разложить на ихъ составныя части. Доказательства и приложенія, которыя находили метафизическія основныя положенія отъ Гераклита и Элеатовъ до Гегеля и Гартмана, относятся къ сложнымъ, лежащимъ на поверхности, явленіямъ, изъ которыхъ извлекаются принципіальныя положенія, и которыя должны ихъ разъяснить. Такимъ образомъ философія есть промежуточная наука, болѣе общія понятія и нормы которой помогаютъ намъ ориентироваться въ явленіяхъ лишь до тѣхъ поръ, пока анализъ ихъ не поможетъ намъ познать реальные ихъ элементы и не дастъ возможности точно проникнуть въ силы, дѣйствующія подъ ними. Именно потому, что оно даетъ наиболѣе общее, оно наиболѣе и удаляется отъ той увѣренности, которая находится въ наблюденіи единичнаго. Если философскому мышленію приписывали особую глубину сравнительно съ мышленіемъ, направленнымъ на единичное, то это можно признать вѣрнымъ въ смыслѣ извѣстнаго субъективнаго качества мышленія; со стороны-же объекта мнѣніе, будто философское мышленіе глубже проникаетъ въ него, чѣмъ эмпирическое, рѣшительно невѣрно. Кантъ, котораго, навѣрное, нельзя упрекать въ принципіальномъ приниженіи даже тѣхъ метафизическихъ ученій, которыя онъ оспариваетъ, не только энергично отвергаетъ требованіе отъ философіи проникнуть въ трансцендентную сущность (innere) природы, но продолжаетъ еще: „Въ сущность природы—въ единственно допустимомъ смыслѣ этого—проникаетъ наблюденіе и расчлененіе явленій“. Глубже этого не

может проникнуть и философия, и лишь отраженіемъ — соблазнительно близкимъ къ физическимъ аналогіямъ — является то, что именно высочайшія абстракціи, полученные изъ сложнѣйшихъ явленій, изъ впечатлѣній исходящихъ отъ внѣшняго соприкосновенія съ вещами, каковыя впечатлѣнія разлагать учить лишь эмпирическая наука; что именно они кажутся глубочайшимъ первоисточникомъ дѣйствительности, лежащимъ наиболѣе далеко отъ внѣшней поверхности этихъ вещей. Изъ этой сущности философіи становится яснымъ предъявляемое къ ней требованіе, чтобы она была доступной и безъ особаго спеціальнаго образованія; ясною становится продуктивность, ей присущая, и безъ такого образованія. Изъ этого вытекаетъ и болѣе глубокое право выводить философское спекулятивное мышленіе (*Speculation*) изъ художественнаго инстинкта и приписывать результатамъ его цѣнность и сущность эстетическихъ дѣйствій — ибо и произведеніе искусства охватываетъ лишь впечатлѣніе, лишь внѣшность явленій и путемъ извѣстнаго синтеза и обобщенія ихъ непосредственной и нерасчлененной феноменальности получаетъ значеніе таинственнаго проникновенія въ сущность вещей.

Поэтому-то и мысль, выраженная въ словахъ Шиллера: „лишь черезъ ворота (*Morgenthor*) красоты ты попадаешь въ страну познанія“ — эстетическое представленіе вещей, къ которому приближается метафизическое представленіе, есть антиципація реалистическаго познания; она даетъ абрисъ явленія, отъ котораго ведетъ путемъ постепенно утончаемаго наблюденія и расчлененія къ познанію внутреннихъ силъ вещей. Метафизика вовсе не содержитъ абсолютно — не эмпирическое знаніе; она скорѣе вся лишь результатъ очень общаго наблюденія и опыта. Однимъ изъ удивительнѣйшихъ парадоксовъ исторіи духа, однимъ изъ интереснѣйшихъ доказательствъ слѣпоты даже наибольшей проникательности является то, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о познаніи самого себя, именно та самая наука, которая поставила себѣ въ особую задачу мышленіе, методику,

раздѣленіе опыта и апріорнаго, эта наука находится въ такомъ крайнемъ колебаніи относительно происхожденія собственнаго своего содержанія, которое она считаетъ результатомъ спекулятивныхъ и раціональныхъ дедукцій, тогда какъ въ дѣйствительности оно состоитъ лишь изъ весьма общихъ эмпирическихъ впечатлѣній *). Метафизическія системы содержатъ обыкновенно неясный хаосъ изъ логически-раціональныхъ дедукцій и сырой, необработанной эмпирии. Несчастное раздѣленіе между эмпирическимъ и абсолютнымъ познаваніемъ, формальное спѣшеніе положеній надъ основнымъ предположеніемъ, съ ложностью котораго все должно рушиться, казалось, оставляло ей абсолютную истину или абсолютное заблужденіе, и такимъ образомъ, благодаря этому страшному самоослѣпленію по вопросу объ эмпирическомъ ея происхожденіи, неизмѣримо затруднила она себѣ путь къ постепенному совершенствованію. Философію можно назвать самой неметодической наукой, хотя или, быть можетъ, потому, что она самая систематическая наука; она рѣдко смотрѣлась сама въ зеркало *ῥῆσθι σαυτὸν*, которое она держитъ передъ другими науками.

*) Я напому нѣкоторыя психологическія основанія, которыя могутъ дать поводъ къ такому самообману. Болѣе абстрактныя и общія качества и судьбы вещей потому именно и кажутся мало подлежащими опыту, что послѣдній въ своей дѣйствительной жизненности наполняетъ сознаніе прежде всего своими прямо чувственными и индивидуальными сторонами, тогда какъ болѣе общее, родовое и абстрактное лишь въпослѣдствіи достигаетъ рефлектирующаго сознанія; часто лишь тогда, когда конкретный опытъ уже снова покинулъ его, такъ что по отношенію къ нему общія стороны (*Allgemeinheiten*) познаванія кажутся носящими, за предѣлами опыта лежащій и отъ него независимый, характеръ. То-же самое достигается и тѣмъ, что отдѣльные случаи, въ которыхъ проявляется наблюдаемое правило, благодаря своей массѣ и различію, взаимно парализуются для сознанія. Наконецъ вкладъ, доставляемый отдѣльнымъ опытомъ въ очень общую норму, крайне малъ; хотя благодаря психологическому суммированію очень многихъ такихъ вкладовъ и дается возможность составить такую норму, но въ дѣйствительности не извѣстенъ ни одинъ отдѣльный опытъ, изъ котораго можно было бы непосредственно вывести метафизическое положеніе.

Какъ опрометчиво поступаетъ философія, считая послѣднимъ заключеніемъ мудрости впечатлѣнія и общія наблюденія надъ сложными проявленіями вещей, такъ же опрометчивъ и тотъ эмпиризмъ, который изъ-за ложнаго значенія, которое философское мышленіе любитъ приписывать своимъ результатамъ, отрицаетъ за ними вообще всякое значеніе. Если даже согласиться, что точныя науки должны смѣнить философію, то все же она имѣетъ право жительства въ тѣхъ пунктахъ, до которыхъ онѣ еще не дошли. Философское размышленіе играетъ роль Іоанна Крестителя: она дѣлаетъ предположенія и даетъ абрисы того, что исполняетъ другой. Космическія явленія такъ пестры, спутаны, они движутся въ тысячахъ различныхъ колебаній и скрещиваній, такъ что первое ориентированіе въ нихъ не можетъ воспослѣдовать инымъ путемъ, какъ тѣмъ, что какой-либо фактъ, наблюдаемый многократно—въ непосредственной или интерпретированной дѣствительности, ставится въ центръ міра, какъ источникъ вещей, или ихъ обычная связь, или отношеніе міра физическаго къ духовному, или какъ зависимость отъ непознаваемой силы, и затѣмъ стараются свести къ нему всю совокупность явленій. Пусть это возможно лишь со многими обходами и ломкою, но все-же такимъ образомъ получаешь самую первую руководящую нить, чтобы не заблудиться въ путаницѣ явленій. Метафизика имѣетъ то формальное достоинство, что стремится создать полную картину міра, основываясь на всепроникающихъ основныхъ положеніяхъ, достоинство, совершенно независимое отъ матеріальныхъ ошибокъ въ ея содержаніи, которое проявляется не только при условіи существованія вѣчныхъ колебаній и противорѣчивости въ этомъ содержаніи, но и тогда, когда вообще совершенно иной, а не философскій образъ мышленія заполняетъ наши побужденія къ познанію. Въ ней впервые зародилось (*lebendig geworden*) предположеніе, что міръ вообще есть связанное цѣлое и, какъ таковое, можетъ быть постигнуть; что вся совокупность (*Umfang*) его явленій,

большую часть которыхъ мы не знаемъ, все же соизмѣрима съ нашими понятіями и можетъ безъ остатка быть постигнута, — словомъ, одно изъ самыхъ важныхъ, для высшихъ функцій интеллекта необходимыхъ предположеній, которое затѣмъ лишь могло перейти въ конкретное изученіе явленій. Какъ бы ни было ошибочно это предположеніе, оно было носителемъ такой мысли, которая, вѣроятно, никогда-бы не появилась, если бы приходилось ждать положительно безошибочнаго содержанія. Такимъ образомъ, философія есть антиципация реалистическаго познанія, интеллектуальное представление (Ergreifen) міра со всѣми его изгибами и выпуклостями, которое, въ виду того, что духъ нашъ ужъ разъ направленъ въ эту сторону, должно предшествовать познаванію его отдѣльныхъ, дѣйствительно дѣятельныхъ силъ. Отъ нерасчлененныхъ феноменовъ, которые, благодаря поверхностнымъ и односторонне замѣчаемымъ подобіямъ, сводятся къ одному изъ нихъ, какъ къ ихъ субстанціи и закону, постепенное дифференцированіе ведетъ къ познанію элементовъ и первичныхъ силъ, дѣйствующихъ между ними, силъ, на которыхъ только и покоится закономерность міра. Эта судьба развитія нашего познанія міра въ его цѣломъ повторяется и по отношенію къ отдѣльнымъ областямъ его. Космическая метафизика переходитъ въ метафизику частей Космоса и, притомъ съ такимъ-же правомъ, пока отношенія такой части представляютъ для нашей познавательной способности тѣ-же положительные и отрицательныя условія, какія представляетъ и міровое цѣлое. Я полагаю, что такъ называемые историческіе законы такимъ-же образомъ являются антиципацией точнаго познанія историческихъ событій, какъ метафизическія представленія являются таковой для міровыхъ событій вообще. Столь-же обманчивые, если полагать, что помощью ихъ достигаешь вершины историческаго познанія, они очень полезны для него, какъ точки исхода или промежуточные этапные пункты. Законы, выражающіе реальныя отношенія атомовъ, изъ которыхъ сла-

гается историческая жизнь, намъ покуда неизвѣстны, а потому мы и держимся, такъ какъ духъ нашъ ищетъ твердыхъ точекъ зрѣнія въ потокѣ явленій, мы держимся за извѣстныя закономерности, проявляющіяся на поверхности; не спускаясь ниже ихъ, мы связываемъ явленія въ абстрактныя правила, которыя, конечно, ничего не объясняютъ въ болѣе глубокомъ смыслѣ слова, но все-же даютъ намъ возможность на первое время ориентироваться въ цѣломъ исторической жизни и путемъ постепенной дифференціаціи и все дальше проникающаго наблюденія и расчлененія явленій даютъ возможность приблизиться къ законамъ движенія элементовъ. Философскія размышленія создавали сначала предварительныя представленія о движеніи и взаимной связи космическихъ матеріальныхъ частицъ, о цѣлой лѣстницѣ органическихъ формъ и ихъ развитіи, о математической опредѣленности всякаго бытія и многое другое, которое затѣмъ точная наука переводила изъ формы предположенія и абстракціи изъ воспріятій, такъ сказать невооруженнымъ глазомъ, въ познаніе реальныхъ, но ниже поверхности явленій скрытыхъ силъ; соотвѣтственно этому и историческіе законы: о дифференціаціи и интеграціи группъ, о матеріальныхъ и духовныхъ импульсахъ ихъ движеній, о перемѣнахъ въ формахъ правленія; о приливѣ и отливѣ проявленій ихъ жизни — даютъ намъ предварительныя обобщенія типическихъ явленій, первую ориентировку въ массѣ отдѣльныхъ фактовъ; то-же, что было съ метафизикой, нужно предположить и о нихъ, именно что позднѣйшее познаніе дѣйствующихъ законовъ не совсѣмъ ихъ отринетъ, но на-ряду съ непогибающимъ формальнымъ значеніемъ ихъ, которымъ они обладаютъ въ качествѣ ориентированія и перваго окидыванія взоромъ массы событій, оставитъ за ними еще и значеніе частичной антиципаціи матеріальной истины. Здѣсь, такимъ образомъ и находится разъясненіе того поразительнаго явленія, о которомъ былъ поставленъ вопросъ въ началѣ этой главы; почему это установленіе зако-

новъ исторіи является дѣломъ философовъ,—оно заключается въ томъ, что возможные въ данное время историческіе законы такъ относятся къ реально дѣйствующимъ, подобнымъ законамъ природы, какъ философское познаваніе относится къ точному научному познаванію. Философскій способъ познанія есть предварительное изученіе, черезъ которое должно пройти развитіе всякой области познанія, переходная ступень между наблюдаемымъ сложнымъ единичнымъ фактомъ и построеніемъ его изъ законовъ, движущихъ его элементами; въ этой стадіи, на этой ступени находится нынѣ развитіе, идеальной цѣлью котораго является проникновеніе въ элементарныя отношенія простѣйшихъ частей, изъ коихъ слагается ходъ историческихъ событій. Съ этой точки зрѣнія становятся менѣе невыносимыми противорѣчія отдѣльных такъ называемыхъ историческихъ законовъ, такъ-же, какъ и метафизическіе принципы вовсе еще не теряютъ всякую цѣну, потому что одинъ утверждаетъ прямую противоположность другого. Обширность круга опытовъ, изъ котораго творитъ философская мысль, доставляетъ поощреніе и подтвержденіе самымъ разнообразнымъ основнымъ положеніямъ. Смѣна повидимому устойчиваго и устойчивость повидимому смѣняющагося, цѣлесообразный порядокъ и бессмысленная случайность хода міровыхъ событій, вліяніе субъективнаго и непреклонная опредѣленность природы—каждое изъ этихъ отличій при достаточной величинѣ поля наблюденія можно утверждать съ одинаковой увѣренностью и, на основаніи стремленія къ единству нашей природы, исключая прочее,—поставить въ центрѣ нашего міровоззрѣнія. Какъ только мы, съ нашими категориями, образовавшимися подъ впечатлѣніемъ событій дня, часто и подъ вліяніемъ ограниченаго опыта давно протекшихъ эпохъ, приступимъ къ совокупности явленій, сейчасъ-же и оказывается, что ея нельзя исчерпать одною изъ этихъ категорій, обрывочное и одностороннее образованіе нашихъ понятій производили то, что каждое изъ нихъ при приложеніи его къ міру

въ его совокупности должно быть дополняемо однимъ или и многими другими. Каждое изъ нихъ обладаетъ относительною правильностью, которую метафизическое мышленіе обращаетъ въ абсолютную. Но это вовсе не на столько-же бесполезно, на сколько ошибочно. Ибо, на сколько въ дѣйствительности простирается значеніе какого-либо принципа, узнается обыкновенно лишь послѣ попытки приложить его ко всѣмъ вообще встрѣчающимся случаямъ; самообманъ, считающій его конститутивнымъ закономъ, все же приноситъ тотъ реальный результатъ, что онъ прилагается нѣкоторымъ образомъ на пробу, какъ эвристическая максима, и такимъ путемъ устанавливается полный кругъ его приложимости. И съ этой точки зрѣнія простого руководства выясняется правильность другъ другу противоположныхъ нормъ. Если такимъ образомъ думаютъ, что путемъ ряда наблюденій нашли извѣстный законъ моральнаго прогресса въ исторіи, то очень правильно поступаютъ, когда изслѣдуютъ каждый періодъ въ этомъ отношеніи и смотрятъ, не откроетъ ли намъ этого закона анализъ и синтезъ явленій даже тамъ, гдѣ на первый взглядъ, казалось бы, проявляется какъ разъ противоположное. Столь-же правильно прилагается трудъ и къ доказательству того положенія, что моральнаго прогресса вообще не существуетъ и что научное изслѣдованіе кажущагося его проявленія доказываетъ совершенную неизмѣнность этического quantum'a. Между тѣмъ, какъ оба противоположныя положенія считаются каждое абсолютно вѣрнымъ, каждое изъ нихъ приходитъ къ предѣлу приложимости своей, которую ему уступаетъ другой, и такимъ образомъ выясняется относительная сила его значенія. Конечно, это не законы, потому что законъ не имѣетъ предѣла своей дѣйствительности. Но это—подготовленія къ законамъ, ибо путемъ познанія взаимнаго ограниченія противоположныхъ максимъ, находятъ высшую, которая даетъ возможность той или другой проявиться. Такъ, напримѣръ, можно бы считать высшимъ принципомъ принципъ сохраненія энергіи, который опре-

дѣляетъ отдѣльные положенія и представляетъ картину то неподвижной, то прогрессирующей нравственности. А если эта высшая норма приведетъ въ столкновеніе съ другою, идущею по другому направленію, если вновь будемъ мы отыскивать дальнѣйшій законъ, лишь мѣняющимися обстоятельствами, опредѣляемыми проявленіями котораго и являются воплощенія обѣихъ нормъ этихъ; то мы все ближе будемъ подходить къ тѣмъ высшимъ законамъ, которые опредѣляютъ движеніе простѣйшихъ частей и совокупностью которыхъ мы и можемъ только разъяснить дѣйствительный ходъ исторіи. Можно себѣ представить дѣйствительность такъ—это часто и случается,—какъ будто въ каждомъ пунктѣ ея встрѣчаются два противоположные абсолютные принципа, благодаря взаимному ограниченію которыхъ и опредѣляется содержаніе этого пункта; „законъ“ индивидуализаціи и законъ социализаціи, дѣйствіе слѣпой воли и дѣйствіе логической идеи, законъ постоянства и законъ теченія вещей,—каждый изъ законовъ и тенденцій, повидимому, приносить съ собою абсолютную силу, управляющую дѣйствительностью, силу, ограниченную, однако, противоположною и доведенною до компромисса. Но помимо вопроса о томъ, не обращены ли здѣсь относительные элементы дѣйствительности произвольно въ абсолютныя силы, чтобы затѣмъ изъ нихъ выводить опять дѣйствительность, даже помимо этого вопроса, познаніе дѣйствительности свелось-бы все на опредѣленіе *мѣры*, въ какой тотъ или другой законъ дѣйствуетъ въ отдѣльномъ случаѣ. Ибо утвержденіе, что оба они вообще дѣйствуютъ совмѣстно, оставляетъ еще слишкомъ много мѣста измѣненію вида единичнаго случая; даже содержаніе законовъ, рассматриваемое само по себѣ, не даетъ точки опоры для конструированія, точки взаимнаго ограниченія. Такимъ образомъ потребна высшая инстанція, которая опредѣляетъ ее,—а гдѣ же въ концѣ концовъ ей и быть, какъ не въ силахъ и отношеніяхъ отдѣльныхъ элементовъ, въ которыхъ тенденціи этихъ двухъ противоположностей впервые по-

лучаютъ свои относительныя величины и внѣ которыхъ онѣ являются простымъ предположеніемъ (*hypostasirung*)—подобно тому, какъ и законы въ юридическомъ смыслѣ лишь по столько реальныя силы, по сколько психологическія отношенія индивидовъ даютъ имъ дѣйствовать на себѣ, передаютъ и воплощаютъ ихъ.

Историческіе законы—законы спеціальныя, они выводятъ судьбы цѣлой области какой-либо единицы другъ изъ друга, отдѣляя эту область съ одной стороны отъ отдѣльныхъ элементовъ ея, съ другой отъ обширной космической среды. Повсюду, гдѣ прилагаютъ особую силу къ какому-либо комплексу, силу, подходящую къ нему, какъ къ комплексу, и различную отъ суммы силъ его элементовъ и гдѣ—что въ сущности является лишь другимъ выраженіемъ этого—движенія его подчиняютъ особенной и единичной силѣ, тамъ, можно быть увѣреннымъ въ томъ, находятся еще въ предварительной стадіи познанія. Ибо и здѣсь дѣйствуетъ эта общая норма психическаго и соціальнаго развитія: она исходитъ всюду изъ ограниченнаго, строго отдѣленнаго отъ окружающей среды образованія, которое соединяетъ свои составныя части въ тѣсную, нераздѣльную въ себѣ единицу; и она ведетъ съ одной стороны къ разрыву этого ограниченнаго комплекса и къ ассимилирующему распространенію его по кругу болѣе обширному и наиболѣе обширному, съ другой къ растущей дифференціаціи и самостоятельности его отдѣльныхъ составныхъ частей. Тенденція къ самой обширной общности и къ крайней единичности соединяются другъ съ другомъ и составляютъ совмѣстно дальнѣйшій шагъ за комплексы, изъ коихъ каждый заключаетъ въ себѣ извѣстное число отдѣльныхъ составныхъ частей, не соображаясь съ ихъ индивидуальностью и потому какъ цѣлое предъявляетъ претензію на индивидуальную особенность *). Подобную же норму развитія заключаетъ

*) Я изложилъ подробно это развитіе въ моихъ изслѣдованіяхъ о соціальной дифференціаціи. Глава 3.

въ себѣ и изслѣдуемый здѣсь процессъ познанія. Этотъ маленькій сегментъ мірового круга, человѣческая исторія заключаетъ въ себѣ большое количество отдѣльных элементовъ, которые она приносить въ своемъ обычномъ понятіи и требуетъ для себя особыхъ законовъ. Прогрессъ познания заключается лишь въ томъ, что съ одной стороны особенность и замкнутость этого комплекса уничтожается, что онъ понимается, какъ координированный съ другими членъ космоса и лишь согласно общимъ законамъ его, а не по какому-либо особому. Съ другой-же стороны каждый изъ его элементовъ изслѣдуется въ своихъ свойствахъ, описывается сила, покоющаяся или развивающаяся въ каждомъ особо, и такимъ образомъ цѣлое понимается, какъ сумма самихъ по себѣ понятыхъ частей. Очевидно здѣсь въ обѣ эти стороны простирается одно и то же движеніе. Ибо законы простѣйшихъ частей, выражающія такимъ образомъ первичныя и реальныя силы, и суть законы, господствующіе во всемъ Космосѣ въ его совокупности. Лишь относительно ихъ можно быть увѣреннымъ въ ихъ дѣйствительно всеобщемъ значеніи, въ которомъ согласно нашимъ прежнимъ выводамъ отказано формамъ движенія комплексовъ. Обѣ тенденціи — къ наиболѣе общему и къ простѣйшему — одинаково выходятъ за предѣлы предварительной ступени познанія, ступени, которая хочетъ разсматривать комплексъ, въ которомъ извѣстное число элементовъ подведено подъ одну общую точку зрѣнія, какъ цѣлое, управляемое своими особыми законами.

Своеобразное признаніе заключается въ весьма наивномъ выраженіи нѣкоторыхъ философовъ исторіи: каждый-де періодъ имѣетъ свои собственные законы. Очевидно подъ этимъ разумѣютъ не только то, что каждый періодъ представляетъ другія явленія и потому историческіе законы въ каждомъ находятъ другія возможности своего приложенія, подобно тому, какъ можно сказать, что процессъ пищеваренія имѣетъ другіе законы, чѣмъ телеграфированіе; это было бы понятно

само собою и значило бы лишь то, что одинъ періодъ нѣсколько иной, чѣмъ другой; ибо онъ иной лишь потому, что порожденъ другими слѣдствіями законовъ. Скорѣе оттънокъ мысли здѣсь тотъ, что даже одни и тѣ же условія въ различныя эпохи порождаются и проводятся далѣе различными законами. Представленіе, что не только вещи, подчиненныя законамъ, но и они сами подвержены переменамъ, не такъ рѣдко, какъ неясно; ибо не видно изъ этого, что послужило причиной этой перемены законовъ, почему какое-либо время должно представить другіе, чѣмъ болѣе позднее время; лишь тотъ фактъ, что имѣется позднѣйшее, и могло бы быть названо основаніемъ этого, но никто не могъ бы сказать, откуда явилась эта сила, у того времени, которое, отнимая законы и вещи, лишили всякаго содержанія и которое является совершенно пустой схемой. Если поэтому „законъ“ и дѣйствительно не имѣетъ другого, болѣе строгаго значенія, чѣмъ какое присуще и историческимъ законамъ, то это представленіе не лишено опоры въ существѣ ихъ.

Ибо, если въ общемъ всякій данный историческимъ бытіемъ историческій законъ перестаетъ гдѣ-либо дѣйствовать, чтобы уступить мѣсто другому; если, напримеръ, вмѣсто многократно доказаннаго постоянства съ какого-либо пункта начинаетъ управлять явленіями законъ противорѣчія, безъ того, чтобы въ нихъ самихъ можно было открыть специфическое различіе, дѣлающее невозможнымъ дальнѣйшее дѣйствіе первыхъ законовъ; то эти измѣненія въ режимѣ съ одинаковымъ правомъ можно бы перенести съ сосуществованія элементовъ исторіи на послѣдовательность ея періодовъ. Обоюдное ограниченіе противоположныхъ положеній могло бы быть столь же хорошо временнымъ, какъ и вещественнымъ. Въ обоихъ случаяхъ одинаково ясно, что это не законы, дѣйствіе которыхъ должно проявляться въ каждомъ пунктѣ времени и мѣста, который воплощаетъ условія ихъ, но сложныя явленія, которыя, смотря по сочетанію слагаемыхъ ихъ, то такъ, то ина-

че проявляются и, не объясняя ничего, сами еще нуждаются въ объясненіяхъ. Относительная цѣнность историческихъ законовъ остается, впрочемъ, и въ томъ случаѣ, если признать ихъ измѣненія во времени; и здѣсь они оказываются ориентирующими абстрактными обобщеніями явленій, каждое изъ которыхъ вполне допускается изслѣдовать, какъ регулятивный принципъ, но настолько, на сколько это допускаютъ факты, и такимъ образомъ они дѣйствительно рѣзко очерчиваютъ границы, отдѣляющія періоды другъ отъ друга; именно признаніе, что историческіе законы царятъ не абсолютно, а во временномъ ограниченіи, это признаніе показываетъ, что они тогда—и *лишь* тогда—совершенно ложны, когда они догматически утверждаютъ, что они совершенно вѣрны.

ГЛАВА ТРЕТЯ.

О смыслѣ исторіи.

„Du kommst nicht in's Ideenland!“
So bin ich doch am Ufer bekannt.
Wer die Inseln nicht zu erobern glaubt,
Dem ist Ankerwerfen doch wohl erlaubt.

Goethe.

„Ты не можешь проникнуть въ страну идей!
Но все-же я знаю ея берега.
И тому, кто не думаетъ выйти на острова,
Дозволительно все-же бросить якорь.

Гёте.

Благодаря весьма понятному смѣшенію, котораго трудно избѣжать, въ изслѣдованіяхъ по философіи исторіи сливаются воедино вопросъ о законахъ историческаго процесса съ вопросомъ о смыслѣ и значеніи его. И какъ всюду, гдѣ приводятся къ внѣшнему единству вещи, никакой между собою связи не имѣющія, и здѣсь происходитъ соединеніе, такъ сказать „второго сорта“, т. е. худшія стороны одной части ухудшаютъ и другую, тогда какъ лучшія стороны послѣдней первой не сообщаются; и тамъ, гдѣ каждый изъ обоихъ элементовъ заключаетъ моменты различной цѣнности, тамъ поочередно и происходитъ это. Историческіе законы могутъ, конечно, содержать въ себѣ нѣкоторое приближеніе къ истинѣ, они лежатъ на томъ пути, по которому принципиально возможно дойти до реально доказуемыхъ силъ историческаго процесса; но

они все еще находятся безконечно далеко отъ этой цѣли, и каждый изъ нихъ, разъ онъ выставляется дѣйствительнымъ закономъ, долженъ быть прямо отвергнутъ. Но о смыслѣ исторіи съ точки зрѣнія теоріи познанія должно сказать обратное. Его толкованій нельзя отвергать, потому что они вообще находятся внѣ области доказуемаго; то, на что они указываютъ, лежитъ за явленіями и обладаетъ устойчивостью вѣры, которую можно поколебать лишь ссылкой на явленія и основныя положенія, доказательную силу, которыхъ она и отрицаетъ. Этимъ попыткамъ объяснить всю исторію въ ея цѣломъ уже впередъ присуща неприкосновенная область, въ которой философія является не только переходной стадіей и не должна бояться или надѣяться быть замѣненной болѣе точнымъ знаніемъ; но именно поэтому-то онѣ и лишены возможности когда либо стать точнымъ знаніемъ. Въ этомъ смыслѣ онѣ абсолютно несовершенны, тогда какъ историческіе законы несовершенны лишь относительно. Въ той области, въ которой онѣ находятся, онѣ и теперь уже могутъ достигнуть извѣстнаго совершенства, но сама-то область разъ навсегда стала за предѣлами науки въ собственномъ смыслѣ слова; историческіе законы, напротивъ, находятся въ предѣлахъ ея, но являются вполнѣ несовершенными первыми стадіями въ дѣлѣ достиженія цѣлей, къ которымъ при посредствѣ ихъ стремятся. Такъ какъ философія исторіи трудилась безъ разбора и надъ тѣмъ, и надъ другимъ, то она заслужила рѣшительное порицаніе и за абсолютное несовершенство попытокъ объяснить смыслъ исторіи, и за относительное несовершенство историческихъ законовъ. Мнѣ теперь нужно лучше обосновать указанное выше различіе между ними обоими.

Если бы и всѣ историческіе факты были намъ извѣстны безо всякаго пробѣла и безошибочно и если-бы притомъ намъ были открыты всѣ законы, которые управляютъ всякимъ матеріальнымъ атомомъ и всякимъ представленіемъ въ ихъ отношеніи ко всѣмъ другимъ, то

все-же очевидно, этимъ не былъ-бы еще совершенно разрѣшенъ цѣлый рядъ задачъ, которыя можно поставить себѣ по отношенію къ исторіи. Все еще оставался-бы открытымъ вопросъ, является ли исторія твореніемъ божественнаго направляющаго духа или она порождаетъ силы своего развитія изъ самой себя; какова цѣль, которую преслѣдуетъ этотъ духъ или присущее ей (исторіи) теченіе, которое не высылаетъ изслѣдователя за предѣлы свои, и вообще имѣется-ли такая цѣль или нѣтъ; въ чемъ-же кроется цѣнность всей этой борьбы и познанія ея; представляетъ-ли собою сумма историческихъ движеній замкнутую, самой себѣ довлѣющую единицу, или съ одной стороны каждая стадія и каждый мельчайшій элементъ ея имѣетъ самъ по себѣ смыслъ и значеніе, или съ другой стороны совокупность ихъ представляетъ осмысленное цѣлое вообще лишь въ связи съ космическими движеніями. Все это—обстоятельства, по поводу которыхъ познаніе исторической дѣйствительности даетъ, конечно, матеріаль для постановки вопроса, но не для рѣшенія его.

Вопросы этого рода, которые ускользаютъ отъ научныхъ методовъ доказательства, признанныхъ въ прочихъ случаяхъ связующимъ элементомъ, группируются, по моему, въ двѣ категоріи, изъ коихъ послѣдняя опять таки составляется изъ трехъ другихъ. Можно съ одной стороны ставить вопросъ о той абсолютной реальности, которая находится за всякой исторіей, какъ вообще вещь въ себѣ находится за всякимъ явленіемъ; здѣсь идетъ при этомъ дѣло о возможности или невозможности бытія, которое, по крайней мѣрѣ, понимается стоящимъ за предѣлами ряда явленій; будетъ ли оно мыслиться въ пантеистическомъ единствѣ съ нимъ, или противопоставляться ему теистически или отрицаться материалистически—это ужъ болѣе матеріальное обстоятельство; формально этотъ рядъ метафизическихъ предположеній отличается тѣмъ, что предположенія эти высказываются объ отношеніи, существующемъ между исторіей въ ея цѣломъ и какимъ либо внѣ ея стоящимъ

принципомъ. Но во вторыхъ можно изслѣдовать специальное и единичное въ историческихъ событіяхъ по категоріямъ, которыя въ нихъ привнесены субъективно; здѣсь дѣло идетъ ужъ о толкованіяхъ (Beleuchtungen), касающихся имманентнаго содержанія исторіи, но исходящихъ лишь изъ размышленія наблюдающаго духа и ни въ чемъ не измѣняющихъ дѣйствительности этого содержанія. Здѣсь имѣются троякаго рода категоріи. Во первыхъ можно поставить вопросъ объ общихъ понятіяхъ, подъ которыя подходятъ историческія событія, будемъ-ли мы разсматривать ихъ, какъ внутренне связанное цѣлое, или мы должны будемъ довольствоваться тѣмъ, что познаемъ вполнѣ ихъ части, будемъ-ли мы ихъ нонимать съ точки зрѣнія отдѣльныхъ индивидуальных дѣятельныхъ силъ или, какъ развитіе вначалѣ общаго зародыша и проч. Все это оставляетъ неизмѣннымъ теченіе событій и его отдѣльныхъ законовъ, такъ что самыя различныя отвѣты на эти вопросы и самая различная оцѣнка ихъ содержанія могутъ имѣть мѣсто при вполнѣ тождественной исторической дѣйствительности. Эти гипотезы имѣютъ дѣло не съ чѣмъ-то, стоящимъ внѣ теченія исторической дѣйствительности, какъ-то дѣлаетъ предположеніе божественнаго направленія хода исторіи; онѣ присущи и ему, не измѣняя его точно такъ-же, какъ свѣтовой эфиръ пронизываетъ вѣсомыя тѣла, не производя никакого отклоненія въ движеніяхъ, которыя въ нихъ происходили бы и въ томъ случаѣ, если-бы его вовсе и не было.

Такъ, во вторыхъ, дѣло обстоитъ и съ выясненіемъ цѣли исторіи. Причинный рядъ, представляемый намъ ею, мы можемъ превратить въ телеологическій, при чемъ рядъ этотъ ничуть не измѣнится въ своемъ содержаніи. Реальные слѣдствія, которыя связываютъ одно состояніе съ другимъ, остаются на дѣлѣ и тогда, если мы какое-нибудь изъ нихъ признаемъ цѣлью, ради которой проявлялись предыдущія. Если, напримѣръ, для насъ конечною цѣлью всякой исторической сущности (Wesens) является образованіе индивидуальности, то все-же кри-

теріемъ достижимости или недостижимости этого является лишь то, что, какъ мы видимъ, достигнуто опытнымъ путемъ и реальныя силы, являющіяся причиной его, не будутъ ни больше, ни меньше и не направятся въ иную сторону, если мы ихъ примемъ къ тому-же за средства, такъ-же, какъ не составляетъ различія въ дѣлѣ установленія фактовъ то обстоятельство, будемъ-ли мы признавать разъ предположенную цѣль внутренней и въ нѣкоторомъ родѣ самой по себѣ воплощающейся въ дѣйствительности или признаемъ ее установленною божественною силою. Въдѣ взякая цѣль можетъ реализоваться лишь помощью цѣлаго механизма изъ средствъ; исключительно описаніе этого механизма одно и составляетъ задачу исторической науки. Та антиципація конечной стадіи, то отношеніе всякой предшествующей стадіи къ конечной, переносящееся черезъ всѣ промежуточные члены цѣпи, которое лежитъ въ основѣ телеологическаго воззрѣнія, лежитъ лишь въ мысли, которая приступаетъ къ фактамъ. Но и познаніе подпсихической природы въ ея чисто механическомъ характерѣ вовсе не измѣняется неизбѣжно тѣмъ, что мы приписываемъ ей цѣли. Когда мы стараемся установить механическіе пути (Mittel) органическаго развитія, для изслѣдованія которыхъ дарвинизмъ даетъ по крайней мѣрѣ первую точку опоры (Handhabe), то мы можемъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій признать весь этотъ ходъ аппаратомъ или результатомъ божественнаго установленія цѣли, не выводя каждый отдѣльный членъ его ни откуда, кромѣ какъ изъ потенціальныхъ силъ предшествующаго, силъ развившихся въ него по законамъ механизма. И даже тамъ, гдѣ практическія цѣли вызываютъ къ жизни познаніе вообще, какъ, напримѣръ, въ техническихъ наукахъ, и здѣсь то обстоятельство, что мы пользуемся практически результатами его, является лишь прибавкой къ тѣмъ, которыя содержатъ въ себѣ просто причинные процессы сами по себѣ (an und für sich); они показываютъ, что слѣдствіе *b* наступаетъ тогда, когда

дано условіе *a* и больше ничего. То, что мы *хотимъ b* что оно является цѣлью, можетъ въ качествѣ психологическаго мажорнаго тона сопровождать весь процессъ познанія, но результаты его матеріально ничуть не станутъ иными, чѣмъ, какими они были-бы, если-бы мы искали ихъ безъ этой цѣлевой точки зрѣнія.) И такимъ образомъ исторія представляетъ то-же теченіе, ту-же цѣлесообразность независимо оттого, какой изъ ея моментовъ мы подчеркнемъ, какъ такой, ради котораго существуютъ всѣ другіе. Для историческаго изслѣдованія безразлично, считать-ли индивидуализацію душъ или ихъ нивелировку, господство бога или антихриста, разумныя или волевыя формы—цѣлями, безъ которыхъ вообще не дѣйствовали бы тѣ силы, описаніе которыхъ такъ, какъ если-бы онѣ были самостоятельны, и составляетъ содержаніе точнаго изслѣдованія.

Не смотря на нѣкоторую родственность свою, это не совпадаетъ съ третьей группировкой по категоріямъ, предпринимаемою субъективнымъ духомъ въ историческомъ содержаніи, безъ отклоненія однако его дѣйствительности. Именно вообще тѣ цѣли, къ которымъ, какъ думаютъ, стремится теченіе міровыхъ событій, сами будутъ казаться чѣмъ-то цѣннымъ; не обращая вниманія на то, что исторія дѣйствительно порождаетъ эти состоянія, ихъ мыслятъ, какъ цѣнныя сами по себѣ, какъ такія, которыя *должны* быть порождены; они не только реализуются, но и стоитъ ихъ реализовать. Хотя опредѣленіе того, что и составляетъ цѣнность исторіи, совпадаетъ, слѣдовательно, большею частію съ тѣмъ, что называютъ цѣлью ея, соединеніе это ни въ коемъ случаѣ не необходимо. Можно съ большимъ удобствомъ предположить, что объективный ходъ міровыхъ событій направляется къ какой-либо цѣли, которую поставила ему имманентная или трансцендентная сила, и все же чувство того, что это и есть цѣнное, вытекаетъ не изъ этой цѣли, а изъ какого либо этапнаго пункта на этомъ пути. Чувство это можетъ проявляться въ безчисленныхъ пунктахъ исторіи, можетъ безчисленное количество разъ

говорить намъ, что изъ-за этого дѣянiя, изъ-за этого чувства, о которомъ мы слышимъ, дѣйствительно стоило привести въ движенiе весь аппаратъ исторiи со всѣми его страданiями и отрицательными достоинствами — въ то время, какъ мы убѣждены, что не изъ-за этихъ моментовъ, но изъ-за совершенно иныхъ, будущихъ или болѣе крупныхъ (umfassenderen) цѣлей, работаетъ механизмъ историческихъ средствъ. Мы далѣе прекрасно можемъ признать объективную цѣлесообразность хода исторiи и вмѣстѣ съ тѣмъ отказывать ему во всякой цѣнности, выражаясь, что мiръ, конечно, относительно хорошъ и цѣлесообразенъ, на сколько это только возможно, но что въ смыслѣ абсолютномъ онъ устроенъ крайне скверно и по цѣнности своей не превышаетъ нуля. Можно, наконецъ, отрицать всякую цѣлесообразность историческихъ фактовъ (Dinge) и все-же считать весьма цѣннымъ то обстоятельство, что существуетъ то или другое, или совокупность ихъ. Словомъ, оцѣнка находится въ случайномъ отношенiи къ постановкѣ цѣлей. Если и послѣдняя является уже категорiей субъективной, которая прилагается къ дѣйствительности историческаго процесса, то лишь первая заключаетъ въ себѣ субъективность высшей степени; по отношенiю къ ней телеологическое теченiе исторiи кажется чѣмъ-то объективнымъ.

Изъ этого вполне ясно, что между составными частями нашей мiровой картины, которыя мы именуемъ объективными, и тѣми, которыя мы называемъ субъективными, нѣтъ никакой абсолютной разницы, но между ними устанавливаются промежуточные ступени. Имѣются ступени субъективности въ познаванiи — и каждая ступень ея является въ то же время таковой и для объективности, каковая ступень соотвѣтствуетъ субъективной, взятой наоборотъ; — но ихъ нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что мысль, о которой идетъ рѣчь, представляетъ соединенiе извѣстной субъективной и какой-либо объективной составной части; она вполне единична и лишь послѣдующее сужденiе устанавливаетъ ее между

категоріями субъективнаго и объективнаго, каждой изъ которыхъ ея достаточно до извѣстной степени. Представленіе, что ходъ исторіи направляется къ извѣстной цѣли, что цѣль эта таинственнымъ для насъ и воображаемымъ лишь приблизительно, по аналогіи съ постановкою человѣческихъ цѣлей, дѣйствіемъ приводитъ въ движеніе механизмъ этого теченія, описаніе котораго есть дѣло исторической науки, — такое представленіе является конечно лишь придаткомъ къ послѣдней (исторической наукѣ) со стороны человѣческаго мышленія, придаткомъ, который по отношенію къ ней кажется субъективнымъ, но покоится однако на ея результатахъ и на основаніи ихъ считается пріемлемымъ или невѣроятнымъ. Цѣлевая точка зрѣнія дѣлаетъ, конечно, изъ исторіи нѣчто такое, чего въ ней нѣтъ, но не можетъ своевольно распоряжаться ею, а всегда разъ поставлена конечная цѣль, остается связанной съ фактами для доказательства и проведенія ея. Телеологическое воззрѣніе есть, такъ сказать, функція причиннаго. Въ смыслѣ теоріи познанія оно находится между объективнымъ и субъективнымъ содержаніемъ мышленія, въ категоріи правдоподобнаго, и чистый субъективизмъ его основной мысли обладаетъ объективною окраскою, по крайней мѣрѣ настолько, что его можно проэктировать на реальномъ теченіи событій *).

*) Своеобразное центральное положеніе цѣлевого понятія, связь его съ объективнымъ, внѣ котораго съ другой стороны оно стоитъ, создало вокругъ него нѣкоторую неясность; благодаря ей оно не только внѣдряется туда, гдѣ дѣло идетъ о реальномъ причинномъ процессѣ, и придаетъ тогда изслѣдованію свою окраску, но и наоборотъ часто думаютъ вслѣдствіе этого, что имѣютъ дѣло съ чисто причиннымъ сознаніемъ о вещахъ, не замѣчая того, что находятся подъ вліяніемъ (*bestimmt wird*) темныхъ телеологическихъ моментовъ. Весьма много значитъ въ этомъ случаѣ понятіе исторической необходимости. Согласно непосредственному смыслу его кажется, что при его посредствѣ доходитъ до причинъ, которыя породили какое-либо предшествующее событіе или состояніе; ибо необходимость обозначаетъ именно законмѣрную причинность; по этому и кажется, что въ тотъ моментъ, какъ какое-либо событіе назовутъ исторической необходимостью, исчер-

Точка зрѣнія цѣнности, напротивъ, подходитъ ближе къ абсолютному субъективизму. Она является чисто личнымъ рефлексомъ, внѣшняго событія опредѣленнымъ исключительно душевнымъ настроеніемъ, на которое попадаетъ оно, рефлексіей чувства такъ же, какъ другіе выводы смысла истории являются рефлексіями ума. Тотъ фактъ, что нѣчто чувствуется и притомъ нѣчто опредѣленное, какъ цѣнность, — этотъ фактъ и есть послѣдній и даже неподлежащій дальнѣйшему обоснованію фундаментъ всякой практической жизни и всякой этической оцѣнки. И если экономическая цѣнность предмета опредѣляется полезностью, рѣдкостью, количествомъ труда, сопротивленіемъ и проч., то это съ одной сторо-

пываютъ его дѣйствующее и достаточное основаніе. Но если при-
смотримъ поближе, то въ очень многихъ случаяхъ окажется, что необходимость приписывается событіямъ, по соображеніямъ телеологическимъ и моральнымъ. То, что рушатся царства, роль которыхъ по нашему представленію, которое мы составляемъ себѣ о цѣломъ и о смыслѣ истории, сыграна; что нечестивыя личности подвергаются карѣ и гибели; что въ историю вступаютъ новые факторы, которые въ свою очередь дѣлаютъ возможными болѣе высокія и полныя смысла формы: — все это называется исторической необходимостью; но необходимость эта лишь на столько относится къ этому, на сколько это является орудіемъ для болѣе поздняго состоянія. Если цѣль прогресса достигается, если проводятся извѣстные идеальныя основныя положенія (максимы), а история должна заключать въ себѣ опредѣленный смыслъ, то эти событія во всякомъ случаѣ необходимы, какъ средство; а чувственный тонъ, сопровождающій эту необходимость, извлекается изъ этого *terminus ad quem*, а не изъ *terminus a quo*. Здѣсь получается то-же, что и въ выраженіи, взятомъ изъ будничной жизни: то-то и то-то „должно было такъ случиться“. И въ этомъ выраженіи отнюдь не заключается всегда проникновенія въ производящіе моменты, реальная сила которыхъ наоборотъ очень часто неизвестна или не замѣчена; но такъ должно было случиться, потому что такъ совершался нравственный міровой порядокъ, потому что такъ проявлялось цѣлесообразное равновѣсіе вещей; это выраженіе какъ разъ таково-же, какъ и выраженіе объ исторической необходимости, выраженіе для удовлетворенія чувства, нравственнаго или иныя требованія котораго исполняетъ фактъ, о которомъ идетъ рѣчь. Въ обоихъ случаяхъ обыкновенно телеологическое удовлетвореніе переплетается теоретически — причиннымъ.

ны лишь внѣшнія предварительныя условія, ведущія, такъ сказать, до порога цѣнности; сама-же она остается чувствомъ, связаннымъ съ предметомъ и скорѣе отражается отъ предмета на эти условія, чѣмъ выясняется ими. Съ другой стороны они являются лишь средствомъ количественнаго опредѣленія цѣнности, тогда какъ качественный фактъ, что предметъ вообще обладаетъ цѣнностью, долженъ быть данъ независимо отъ нихъ. Для нравственной цѣнности эта невыводимость ея не изъ чего еще яснѣе. Гдѣ мы можемъ указать, что опредѣленный фактъ нравственно цѣненъ, тамъ это возможно лишь на столько, на сколько онъ оказывается посредствующимъ для другого, который въ свою очередь цѣненъ; всякая доказанная цѣнность — цѣнность производная; первоначальная же цѣнность, отъ которой всѣ прочія получаютъ это качество, можетъ быть лишь чувствуема и, по выраженію Канта является, „какъ-бы фактомъ“ („gleichsam ein Factum“). Въ этой части философіи исторіи дѣло идетъ о высшемъ пунктѣ, къ которому направлялась-бы исторія, если бы она направлялась не механическими законами и не какими либо иными сверхъчеловѣческими намѣреніями, а исключительно только точкою зрѣнія возможно высшаго развитія цѣнности—при этомъ, естественно, возможно эту точку зрѣнія впослѣдствіи считать согласно съ обѣими другими. Какимъ-же научнымъ правомъ обладаетъ этотъ кругъ вопросовъ объ абсолютномъ бытіи, проявленіе котораго и есть исторія, о понятіяхъ, охватывающихъ ее въ цѣломъ ея, о цѣляхъ и цѣностяхъ въ ней? Отвѣтъ на этотъ вопросъ должно давать лишь съ точки зрѣнія защиты (in Defensive zu halten). Ибо того, что во всѣхъ этихъ проблемахъ имѣется интересъ, по крайней мѣрѣ, какъ психологическій фактъ, что попытки ихъ рѣшенія отвѣчаютъ положительной потребности,—этого отрицать никто не станетъ. Такимъ образомъ критикѣ познанія остается по отношенію къ нимъ разсмотрѣть по существу лишь возраженія, которыя; на сколько я могу судить, бываютъ двухъ родовъ. Можно утверждать съ одной

стороны, что признаніе подобныхъ вопросовъ отклоняетъ или направляетъ на ложный путь реалистическое познаніе, съ другой стороны, что, если оно этого и не дѣлаетъ, то все-же сами вопросы эти либо пусты, либо полны противорѣчій, либо не имѣютъ никакого научнаго права гражданства, въ силу невозможности дать на нихъ точный отвѣтъ.

Первое опасеніе послѣ нашихъ вышеприведенныхъ выводовъ объ отношеніи точнаго познанія къ философскому кажется не имѣющимъ никакого значенія. Какъ фізіологическое изслѣдованіе ничуть не измѣняется мнѣніями о природѣ психическихъ процессовъ, согласно съ которыми и происходитъ изслѣдованіе тѣлеснаго коррелата; какъ даже мнѣнія о метафизической сущности тѣлеснаго ничуть не пресѣкаютъ ему пути—точно также и изслѣдованіе реальнаго хода исторіи зависитъ отъ толкованій смысла исторіи лишь въ томъ смыслѣ, что они являются извѣстной общей руководящей нитью, о которой у насъ будетъ рѣчь впереди. Зависимости *по содержанію* избѣжать тѣмъ легче, чѣмъ яснѣе выставляются эти метафизическія усилія, какъ особая, по собственнымъ законамъ управляемая область. И точное изслѣдованіе не всегда воздерживалось отъ примѣси метафизическихъ предположеній указаннаго рода, и философія исторіи, съ другой стороны, не всегда отказывалась отъ желанія конструировать факты изъ себя. Такъ и естествовѣдѣніе долгое время было въ достаточной мѣрѣ проникнуто трансцендентными предположеніями, и философія была довольно претенціозна и хотѣла измыслить содержаніе дѣйствительности. И тамъ, и здѣсь прогрессирующая дифференціація развиваетъ элементы до полнаго ихъ отдѣленія; и та, и другая могутъ лишь выиграть, если одной изъ нихъ дается область, заполнить которую она имѣетъ право, но внутри которой она и обязана оставаться. Этотъ процессъ дифференціаціи не препятствуетъ, конечно, тому, чтобы элементы, послѣ того какъ признаны ихъ различное направленіе и право ихъ на отдѣльное разсмотрѣніе (*Behandlung*) каждого

изъ нихъ, и этимъ отрѣзанъ путь для всякаго незаконнаго смѣшенія и самообмана, чтобы элементы эти снова вступали во взаимныя отношенія. Это кажется мнѣ достойнымъ вниманія въ одномъ отношеніи (Hinsicht). Если бы даже удалось удалить изъ содержанія историческаго изслѣдованія всякую надъ-эмпирическую предпосылку, если бы отдѣльные членъы его примыкали даже другъ къ другу безо всякой метафизической связи, то все же самый фактъ, что это цѣлое достойно изслѣдованія, заключалъ бы въ себѣ уже извѣстное понятіе о немъ, которое присоединяется извнѣ къ его простой фактичности и причинности. Чтобы вообще отнестись сознательно къ цѣлому, необходимо психологическое основаніе (Baugrund); и не трудно показать, что основаніе это опредѣляетъ не только формальный фактъ изслѣдованія, но устанавливаетъ извѣстныя предположенія и о содержаніи его, какъ ни мало можетъ оно измѣнить частности его. Именно, можно было бы спросить, не было ли бы изслѣдованіе объекта безсмысленно и лишено всякаго значенія, если бы объектъ изслѣдованія не имѣлъ ни смысла, ни значенія. Но — можно возразить намъ — познаніе предмета, т. е. наша интеллектуальная реакція на его существованіе, можетъ прекрасно обладать и смысломъ, и интересомъ, тогда какъ предметъ этотъ самъ по себѣ (an und für sich) и, такъ сказать, какъ субъектъ, не обладаетъ ни тѣмъ, ни другимъ. Познаніе внѣшней природы, повидимому, непосредственно и доказываетъ это. Цѣлесообразнаго смысла изслѣдованія ея мы не вкладываемъ вѣдь въ нее; она является механическимъ движеніемъ (Getriebe), въ которомъ объективно нѣтъ ничего такого, что можно было бы назвать цѣнностью или значеніемъ. Такъ можно было бы думать и объ исторіи, что смыслъ, который находятъ въ ея изслѣдованіи, не слѣдуетъ искать въ ея содержаніи. Но я думаю, что это въ обоихъ случаяхъ имѣетъ значеніе очень ограниченное. Оно имѣетъ значеніе вездѣ, гдѣ изслѣдованіе опредѣляется утилитарными основаніями. Что такое an und für sich предметъ, который

самъ или познаніе котораго мнѣ должны служить для практическихъ цѣлей, — настолько безразлично для меня; интересное въ немъ не онъ самъ, а то состояніе, которое онъ производитъ во мнѣ или въ моихъ обстоятельствахъ. Но тамъ, гдѣ познается что-либо изъ-за научнаго, идеальнаго интереса, тамъ отдѣльный предметъ, быть можетъ, и не порождаетъ сознанія объ особенномъ объективномъ смыслѣ его, но онъ все же не сталъ бы предметомъ изслѣдованія, если бы цѣлое, къ которому онъ принадлежитъ, не представлялось имѣющимъ какое-нибудь значеніе и не отражало бы на немъ смыслъ и цѣнность, которые и составляютъ общее условіе труда для познанія. Конечно, мы изслѣдуемъ законъ, управляющій отдѣльнымъ естественнымъ или историческимъ предметомъ, не изъ-за какого-либо особаго смысла, который послѣдній заключаетъ въ проявляющейся его дѣйствительности; но мы и вообще не интересовались бы ею, если бы она не была частью цѣлага природы или міра, цѣлаго, которому, какъ таковому, мы приписываемъ смыслъ, цѣнность и значеніе. Это темное, безсознательное предварительное условіе потому можетъ не проявляться особенно въ отдѣльномъ предметѣ или явленіи, что одинаково лежитъ въ основѣ всякаго отдѣльнаго предмета или явленія. Какъ разъ, чѣмъ чище и объективнѣе должны отпечатлѣться въ нашемъ представленіи вещи, тѣмъ труднѣе было бы понять смыслъ того, что мы переходящій рядъ данныхъ заставляемъ еще разъ проходить въ зеркалѣ интеллекта нашего, — если бы этому ряду не было присуще значеніе, переносящееся и на его отраженіе (*Nachbildung*) и переносящееся тѣмъ скорѣе, чѣмъ точнѣе и объективнѣе повторяется въ отраженіи первоначальная картина. Здѣсь, какъ и въ жизни нравственной, вслѣдствіе этого, единичная задача пріобрѣтаетъ такой личный интересъ, что только поэтому, только изъ-за дѣйствія, которое она проявляетъ на субъектѣ, за нее и берутся и ея объективная сущность во всякомъ другомъ, кромѣ этого, отношеніи кажется безразличной; какъ разъединены пред-

ставленіе и вещь въ себѣ, такимъ же разъединеннымъ оказывается нашъ интересъ къ дѣлу и его сущность и отношенія сами по себѣ; но болѣе глубокое проникновеніе показываетъ уже и въ этической жизни, что именно связь съ большимъ цѣлымъ и составляетъ значеніе поступка для этического порядка, внѣ насъ лежащаго, порядка отдѣльная часть котораго часто несетъ на себѣ печать (*zu Lehen trägt*) лишь субъективно-лично проявляющейся цѣнности.

Вмѣсто того, чтобы такъ наивно затушевывать это предположеніе научнаго цѣлаго, гораздо лучше признать его и такимъ образомъ проложить путь къ выясненію его содержанія и отношеній со стороны логической и психологической. При этомъ слѣдовало бы обратить особое вниманіе на то, что представленіе о важности исторіи вообще можетъ быть слѣдствіемъ лишь весьма высоко доведеннаго процесса абстракціи. Первоначально за внѣшними фактами исторіи могло признаваться совершенно опредѣленное значеніе, совершенно спеціальнѣйшій смыслъ, который порождая побужденіе къ интеллектуальному ихъ повторенію; патріотическіе, моральные и релігіозные трансцендетализмы довольно часто примѣшивались въ исторію, чтобы и имъ самимъ, и ихъ изслѣдованію придать смыслъ. Поэтому лишь въ качествѣ абстракціи и концентрации ея (*Verdichtung*) подымается болѣе тонкое ощущеніе того, что эта игра историческихъ силъ, это развитіе вверхъ и внизъ, это существованіе и эта послѣдовательность явленій сами по себѣ обладаютъ скрытымъ значеніемъ, которое не могло произойти изъ односторонняго или разнороднаго круга идей. Какъ дѣйствіе въ области искусства переходитъ въ тенденціозное искусство благодаря значенію самого предмета, такъ и эта важность, свойственная вообще исторіи, переходитъ въ спеціальнѣйшій, такъ сказать, матеріальный смыслъ, изъ-за котораго въ приведенныхъ примѣрахъ и предпринималось ея изслѣдованіе. Но какъ и та чисто вещная и формальная привлекательность прекраснаго въ концѣ концовъ исходитъ

изъ призыва къ смыслу, сопровождающему лишь внѣшнѣя его проявленія, не вплетенному непосредственно въ механизмъ ихъ; такъ точно дѣло обстоитъ и съ тѣмъ смысломъ, который, исходя вообще изъ природы или исторіи, передаетъ отдѣльной задачѣ право стать предметомъ изслѣдованія.

И это проявляется особенно въ явленіяхъ, которыя доказываютъ, что смыслъ исторіи вовсе не индефферентная подпочва, надъ которой частности исторіи скользятъ, всегда находясь въ одинаковомъ отношеніи къ ней. Если бы это было такъ, то каждое историческое событіе, каждое мгновеніе въ ходѣ исторіи, вызывало бы одинаковый интересъ и развивало бы одинаковое побужденіе къ изслѣдованію его. Но дѣло обстоитъ не такъ, и мы совершаемъ выборъ того, что достойно изученія. Въ то время, какъ съ точки зрѣнія чисто объективной, одинаковыя силы проходятъ черезъ каждый пунктъ историческаго бытія; въ то время, какъ въ дѣйствительности каждый изъ нихъ является условіемъ другого, наше побужденіе къ познанію не слѣдуетъ этой равномѣрности этого реальнаго отношенія. И въ точномъ изслѣдованіи одно кажется цѣннымъ, другое нѣтъ; оно подчеркиваетъ или оставляетъ въ пренебреженіи пункты, изъ простыхъ причинныхъ отношеній которыхъ не вытекаетъ такой разницы въ цѣнности *).

*) Реалистическое искусство представляетъ намъ весьма поучительную аналогію тому самообману, будто можно въ исторіи держаться чистой дѣйствительности, не опредѣляя ея пониманія и изложенія точками зрѣнія, внѣ ея лежащими. Если реакція противъ идеализма, который избирая для изложенія лишь прекрасныя и особо важныя части дѣйствительности, если эта реакція повела къ особому покровительству отвратительнаго и оставаемаго прежде въ пренебреженіи, какъ безразличное, — то и это очевидно не чисто объективный реализмъ, какимъ хотять его считать, а лишь перенесеніе центра тяжести интересовъ. Это лишь идеализмъ съ обратнымъ знакомъ, выборъ изъ дѣйствительности на основаніи другихъ критеріевъ, а вовсе не отказомъ выбора вообще. И здѣсь иначе не знали бы, какія же цѣли преслѣдуетъ эта вторичная дѣйствительность на полотнѣ или на сценѣ. Либо дѣйствительности самой по себѣ (an und für sich) приписывается значеніе, ле-

Но все-таки это различіе между зерномъ и шелухою переносится на объективное отношеніе историческихъ явленій. Когда докладчикъ или изслѣдователь передаетъ не все, что онъ вообще знаетъ, но умалчиваетъ о незначительномъ и безразличномъ предпочтительно передъ важнымъ, то онъ дѣлаетъ это въ убѣжденіе, что онъ копируетъ различіе, лежащее въ самихъ объектахъ. Въ раздѣленіи историческаго матеріала, въ приѣмахъ, которые примѣняются повѣствованіемъ въ различныхъ отдѣлахъ, въ мѣстѣ, которое дается отдѣльному событію на скѣлѣ между несущественнымъ и главнымъ, — во всемъ этомъ проявляется то, что простой причинный рядъ реального хода событій въ нашемъ представленіи переплетается съ другимъ подразумеваемымъ рядомъ, который расчленяетъ и интерпретируетъ первый согласно точкамъ зрѣнія смысла и цѣнности, разумнаго или этического значенія. Объективное обоснованіе такой группировки по оттѣнкамъ придаваемой явленіямъ важности (*die Schattierung der Betonung*) заключается, повиди-

жащее за предѣлами ея внѣшняго проявленія и приводящее къ повторенію этихъ интересовъ; либо копія (*Abbild*) должна путемъ какихъ-либо субъективныхъ добавленій вызывать другое, чѣмъ дѣйствительность, впечатлѣніе и какъ разъ этимъ и возбуждать интересъ; ибо если бы здѣсь получалась лишь точная копія ея, то это было бы столь же излишне, насколько она приближалась бы къ идеалу, потому что она давала бы намъ тогда лишь то, что мы уже знаемъ. Если же въ наукѣ наоборотъ дѣло идетъ о томъ, чего мы еще не знаемъ, то аналогія имѣетъ значеніе не исключительно только для первой точки зрѣнія; ибо и историческое повѣствованіе оставляетъ въ сторонѣ многое, что относится къ реалистической картинѣ дѣйствительности; и оно рассказываетъ не все, что знаетъ, и оно изслѣдуетъ и подчеркиваетъ лишь извѣстные пункты въ рядахъ развитія, молчаливо предполагая, что прочее дополнено, т. е. извѣстно. И оно приступаетъ къ дѣйствительности съ апріорической формулой, по которой оно ее и обрабатываетъ въ подробностяхъ (*verdichtet*). Подобно искусству и оно должно съ одной стороны предполагать познаніе дѣйствительности, чтобы вообще разсчитывать на пониманіе ея содержанія, а съ другой должно въ виду присутствія этого знанія излагать дѣйствительность не въ полномъ ея объемѣ, такъ какъ повтореніе извѣстнаго было бы безынтересно.

тому, въ томъ обстоятельстве, что нѣкоторыя состоянія и событія являются положительнымъ поводомъ къ важнѣйшимъ событіямъ, другія же находятся въ сторонѣ отъ нихъ и выливаются въ такія, которыя ничего общаго съ тѣми главными явленіями (Hauptsachen) не имѣютъ. Разъ принято что-либо за главное или за собственный смыслъ исторіи, то, конечно, различіе между существеннымъ и безразличнымъ для него будетъ объективнымъ. Но то обстоятельство, что такая оцѣнка имѣла вообще мѣсто и что она остановилась на этомъ опредѣленномъ содержаніи, а не на другомъ—это субъективное или метафизическое добавленіе къ исторической дѣйствительности.

Реалистическаго разсмотрѣнія исторіи не имѣется въ томъ смыслѣ, что тогда исключалась-бы всякая группировка по важности (Betonnung) и всякое придаваніе формы матеріалу при посредствѣ лежащей внѣ его идеи о смыслѣ и значеніи цѣлаго; можно, конечно, въ изслѣдованіи по теоріи познанія отдѣлить всѣ эти элементы и изложить эту метафизику исторіи отдѣльно, но въ дѣйствительномъ изслѣдованіи всякій данный видъ ея будетъ удаляться лишь для того, чтобы уступить мѣсто другому.

Вопросъ о томъ, что-же собственно важно въ исторіи теряетъ свое значеніе для объективнаго ея матеріала не вслѣдствіе познанія, что вопросъ этотъ можно поставить и разрѣшить лишь субъективно; и художникъ то придаваніе тона и нюансовъ картинѣ дѣйствительности, при посредствѣ котораго онъ вообще и передаетъ ее въ произведеніи искусства, и онъ переноситъ ихъ на природу и думаетъ, что рисуетъ отношеніе ея самой такими линіями, о которыхъ онъ самъ, быть можетъ, согласится, что онѣ могутъ быть расположены нѣсколько иначе, но которыя во всякомъ случаѣ, какъ-бы ихъ не располагать, должны копировать ее самое (in ihr selbst ein Gegenbild finden müssten). Придавать-ли самое важное значеніе въ историческомъ изслѣдованіи обнародованію актовъ или связному изложенію, изложенію-ли

среднихъ выводовъ (Querschnitte) изъ отдѣльныхъ комплексовъ явленій, или изложенію исторіи въ видѣ рядовъ, въ которыхъ развивается общій зародышъ—все это отнюдь не вопросы однихъ методовъ, средствъ и формы; будучи и таковыми, они въ то-же время указываютъ и на опредѣленные мнѣнія и образы мыслей относительно сущности и значенія самихъ историческихъ фактовъ, не смотря на то, что они не измѣняютъ ихъ матеріальнаго содержанія. Какъ нѣтъ метафизики—какъ то мы видѣли выше—которая ни извлекала-бы, какимъ бы то ни было путемъ, свое содержаніе изъ эмпириі, — такъ нѣтъ и исторической эмпириі, форма которой—форма въ самомъ широкомъ слыслѣ—не возвращалась-бы къ метафизическимъ моментамъ. Но эти послѣдніе въ извѣстныхъ культурныхъ кругахъ или для извѣстныхъ личностей на столько сами собою понятны и коренятся такъ прочно въ другихъ всеобщихъ предпосылкахъ практической и теоретической жизни вообще, что ихъ значеніе для этихъ спеціальныхъ проблемъ обыкновенно не пріобрѣтаетъ особаго сознанія.

Даже и то пониманіе исторіи, которое должно бы наиболѣе энергично вооружаться противъ введенія метафизическихъ предпосылокъ, именно матеріалистическое, и оно можетъ дѣлать это лишь путемъ самообмана. Прежде всего объясненіе всякаго историческаго движенія тѣмъ, что оно вызвано противоположностью экономическихъ интересовъ,—гипотеза, которая проникаетъ гораздо глубже поверхности явленій. Вѣдь здѣсь идетъ дѣло не о томъ психологическомъ толкованіи нашей первой главы, которое въ основу матеріальныхъ процессовъ (Geschehnis) ставитъ сознательные акты, цѣли и мысли; но такъ какъ дѣйствительное сознаніе, лежащее въ основѣ нашихъ поступковъ, тысячи разъ проявляетъ совершенно иные, кромѣ экономическихъ, мотивы, то это ученіе должно проникать еще глубже сознанія до его безсознательныхъ основаній. Предположеніе, что всѣ исторически дѣйствующие интересы являются лишь преобразованіемъ и прикрытіемъ (Verkleidung)

материальных, предположение, котораго никогда нельзя доказать, очевидно исходить изъ *оцѣнки* материальныхъ факторовъ жизни со стороны утверждающихъ это, *оцѣнки*, которая подставляетъ подъ точно установленныя событія — которыя ей вовсе не пужно подтасовывать — смыслъ, котораго нельзя прочесть въ самихъ событіяхъ, но который опредѣляетъ, однако, ихъ пониманіе и группировку по важности.

И если бы даже можно было доказать, что экономическій интересъ является дѣйствительно тайнымъ или явнымъ импульсомъ всѣхъ историческихъ дѣяній, то и тогда было бы чисто метафизическимъ произволомъ то, что останавливаются на этомъ пунктѣ и объявляютъ его послѣднимъ, котораго можно достигнуть, который самъ собою понятенъ и не требуетъ больше никакого изслѣдованія. Загадка *оцѣнки* и здѣсь разгадана не болѣе, какъ и при посредствѣ всякой другой *цѣли*, признаваемой послѣдней.

Когда отказываются прослѣдить матеріальныя и душевныя нити, стеченіе которыхъ необходимо для порожденія этого интереса и которыя должны, конечно, пройти черезъ этотъ пунктъ для образованія каждой дальнѣйшей ткани изъ фактовъ, то отказываются вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ приданія того или иного оттѣнка фактамъ, толкованія и группировки ихъ, которыя могли бы, быть можетъ, вытекать изъ болѣе глубокихъ основныхъ мотивовъ. Итакъ, не только тогда, когда отрицаютъ моменты, координированные съ матеріальными, но и тогда, когда отрицаютъ моменты, лежащіе за или передъ ними, и всякую апріорическую форму исторіи опредѣляютъ съ точки зрѣнія экономической, — и тогда впадаютъ въ догматизмъ, который можно уподобить теоретическому материализму. Вѣдь и этотъ послѣдній — метафизика, потому что онъ чисто гипотетически сводитъ на матерію эмпирически отличныя отъ нея явленія и устанавливаетъ далѣе, что матерія есть самъ собою разумѣющийся послѣдній принципъ, тогда какъ она ничуть не менѣе загадочна, чѣмъ другія абсолютныя сущности, кото-

рыя ставили въ основу игры явленій. Этимъ мы вовсе не дали критики, враждебной (abfällig) матеріалистическому изслѣдованію исторіи, а лишь отняли у него исключительное положеніе въ теоріи познанія, въ каковомъ положеніи оно считало себя свободнымъ отъ всякаго метафизическаго вліянія. Метафизическія предпосылки могутъ при одномъ пониманіи исторіи выступать болѣе ясно, чѣмъ при другомъ; но безъ нихъ не можетъ быть ни одно, если только оно вообще является пониманіемъ, и такова всякая исторія, изслѣдуемая людьми и для людей.

Общія понятія, которыми обыкновенно очерчиваютъ ходъ міровой исторіи въ ея крупныхъ чертахъ, кажутся конечно чисто индуктивными абстракціями изъ эмпирическихъ частныхъ явленій (Einzelheiten); если такимъ образомъ говорятъ о теократическомъ характерѣ іудейскаго государства, о Востокѣ, какъ о реализаціи несвободы, о германствѣ, какъ о реализаціи свободы; если социальную исторію объявляютъ процессомъ дифференціаціи или вообще описываютъ ее въ немногихъ положеніяхъ, выдвигая характеристическіе и самые существенные пункты историческаго развитія, — то здѣсь, конечно, указываются дѣйствительные факты, но то, что они составляютъ существенное въ фактическихъ движеніяхъ, можно утверждать лишь по столько, по сколько другія тоже фактическія движенія противоположнаго характера, отклоненія, въ сторонѣ отъ нихъ находящіяся событія, просто пройдены. Если каждое общее понятіе состоитъ вообще лишь въ томъ, что всѣ прочія свойства, разумѣмой подъ нимъ отдѣльной сущности, оставляются въ пренебреженіи, то это не отзывается вредно на дальнѣйшемъ его логическомъ приложеніи на столько, на сколько связанныя съ нимъ выраженія касаются этихъ реальныхъ единичныхъ сущностей лишь со стороны тѣхъ именно свойствъ, которыя и составляютъ понятіе. Но, разъ хотятъ этими абстракціями характеризовать всю дѣйствительность и весь ходъ ея развитія, то считая всѣ отдѣльныя явленія,

не подходящія подъ общее понятіе, *quantites negligables*, насилуютъ ее. Не только то, что главное трактуютъ, какъ цѣлое, является уже а priori приѣмомъ, не основаннымъ на объективномъ отношеніи вещей, но и само „главное“ никоимъ образомъ не является безусловно опредѣленнымъ (*sicher*) во всѣхъ случаяхъ; часто теченія побочныя и противоположныя проявляются въ такомъ количествѣ, что главенство главнаго теченія серьезно подвергается сомнѣнію. Такимъ образомъ необходимо двойное а priori для изложенія всеобщей исторіи въ ея существенныхъ (*verdichtete*) и общихъ чертахъ. Во-первыхъ необходимо предположеніе, что каждая часть исторіи обладаетъ основнымъ теченіемъ, красной нитью проходящимъ черезъ нее, теченіемъ, изображеніе котораго является изображеніемъ цѣлаго, или дѣйствительно замѣняетъ таковое. Это ни въ какомъ случаѣ не разумѣлось бы само собою и заключало бы въ себѣ предположеніе, основывающееся на своеобразіи мышленія даже въ томъ случаѣ, если бы то главное, которымъ отмѣчаются крупныя эпохи въ исторіи, обладало бы лишь количественно рѣшающимъ значеніемъ въ совокупности всѣхъ движеній; но, помимо этого, сюда присоединяется еще качественное значеніе; предполагается, будто это является, такъ сказать, нервомъ событій и внутренне необходимымъ ихъ развитіемъ; по стольку, по скольку событія втискиваются въ болѣе узкія положенія, въ болѣе общія абстракціи, они кажутся сведенными къ своей „идеѣ“, по отношенію къ которой всѣ наряду съ ними, но въ иномъ направленіи совершающіяся явленія носятъ на себѣ характеръ случайности, внѣшности и изолированности. То, что количественное преобладаніе какой-либо тенденціи въ какую-либо эпоху является въ то же время и основаніемъ для этого различія въ значеніи, что историческій процессъ въ его цѣломъ ограничивается (*verdichtet*) ею и излагается согласно сущности своей при ея же посредствѣ;—это является уже впередъ метафизическимъ принципомъ, возведеніемъ абстракціи въ достоинство реальности, по-

добное Платоновому гипостазированию понятій, которыя также абстрагируютъ лишь отдѣльныя стороны вещей въ дѣйствительную ихъ сущность. А если это ужъ признано, то необходимы, во-вторыхъ, еще особыя предпосылки и особыя критеріи, при посредствѣ которыхъ можно было бы отличить это существенное отъ безразличнаго, главное явленіе, проходящее красною нитью, отъ побочныхъ движеній; эмпирическій матеріаль, къ которому прилагаются эти принципы, создается, такъ сказать, безо всякаго вниманія къ личности, безо всякаго различія между важнымъ и неважнымъ, и то, что мы впослѣдствіи рассматриваемъ, какъ явленіе побочное, было не менѣе безусловно необходимо, какъ и явленіе главное. Поэтому принципы и категоріи, которые создаютъ такое различіе, должны находиться внѣ этого матеріала; это—апріорныя положенія, которыя не взяты изъ историческаго опыта, но наоборотъ привнесены извнѣ въ него. Благодаря обоимъ этимъ моментамъ общія резюме историческаго процесса (Verlaufs), характеристика вѣка однимъ единственнымъ понятіемъ, носятъ также философскій характеръ, такъ что часто подъ философіей исторіи разумѣютъ не что иное, какъ изложеніе исторіи въ самыхъ общихъ чертахъ, сведеніе ея на самое общее въ ея ходѣ, даже безъ прибавленія размышленій объ этомъ ходѣ. И это опредѣленіе ни въ коемъ случаѣ не понятно само собою, такъ же какъ и то, по которому задачей философіи является открытіе историческихъ законовъ. И въ другихъ наукахъ изложеніе общихъ тенденцій и развитій, соединеніе различныхъ областей въ единичныя общія понятія составляетъ дѣло самихъ соотвѣтственныхъ наукъ, и онѣ съ полнымъ правомъ воспротивились бы тому, чтобы передать его философамъ. Если же въ исторіи, не смотря на это, дѣло обстоитъ именно такъ, если историкъ при столь общихъ выводахъ считаетъ дѣятельность свою философскою,—то, очевидно, въ основаніи этого мнѣнія лежитъ то обстоятельство, что здѣсь совершается преобразование эмпирическаго матеріала согласно метафизическимъ предпосылкамъ.

И хотя и прочія науки не могутъ совершенно отдѣлаться отъ подобныхъ предпосылокъ, то все же мѣра и родъ вліянія ихъ здѣсь проявляются не съ достаточною силою для того, чтобы придать всей дѣятельности ту философскую окраску, какую проявляетъ она въ исторіи. Напомню здѣсь особенно о тѣхъ дѣленіяхъ исторіи, благодаря которымъ извѣстныя дѣленія во времени представляются замкнутыми въ себѣ періодами. Здѣсь понятія, часто стоящія вдали отъ сознанія и реальныхъ побудительныхъ мотивовъ этихъ періодовъ, разсѣкаютъ исторію на части, взаимное отграниченіе (*Sichabsetzen*) которыхъ лежитъ совершенно внѣ постоянного теченія ихъ событій. Какъ ни необходимо это, можетъ быть, въ интересѣ оріентированія и изложенія, и какъ ни признаетъ открыто обратившее на это вниманіе сознаніе простую субъективность этого опредѣленія, но все же тотъ фактъ, что мы принимаемъ таковое, доказываетъ въ достаточной степени необходимость построенія историческаго міра, какъ представленія, на категоріяхъ, не находящихся въ эмпиріи. Дѣленіе всемірной исторіи на исторію четырехъ всемірныхъ монархій, которое господствовало въ XIII вѣкѣ, основываясь на непонятномъ пророчествѣ Даніила, кажется, конечно, намъ теперь нѣкоторымъ образомъ пародіей. Но формальный принципъ, общій у него съ современными дѣленіями, и нынѣ не менѣе метафизиченъ, чѣмъ былъ тогда. Задача философіи по отношенію къ этому факту можетъ состоять лишь въ томъ, чтобы установить его именно какъ фактъ, освѣтить его логически и выяснить психологически, а никакъ не въ томъ, чтобы помимо дѣйствительной и дѣйствующей въ исторіи метафизики, предписывать ей новую. Какъ естествоиспытатель не представляетъ философу открывать метафизическія и логическія предположенія, которыя и онъ дѣлаетъ въ своемъ изслѣдованіи; какъ онъ беретъ своимъ объектомъ лишь имѣющуюся уже въ дѣйствительности метафизику, такъ и историкъ вполнѣ автономенъ въ установленіи смысла исторіи, который, переплетая внѣшнюю дѣйстви-

тельность ея, предрѣшаетъ форму и окраску изслѣдованія и изложенія, отдѣняетъ важность отдѣльныхъ явленій и указываетъ на цѣли въ развитіи цѣлаго. Философу исторіи остается здѣсь лишь анализировать фактически подлежащее ему писаніе исторіи, чтобы въ абстрактномъ (begrifflichen) мышленіи отдѣлить то, что обыкновенно является общимъ для производящаго въ собственномъ смыслѣ этого слова. Задача его здѣсь, — такъ сказать, — историческая; она состоитъ въ томъ, чтобы очертить данный уже ему объектъ, а вовсе не въ томъ, чтобы творить таковой. Это задача, подобная задачѣ этики и эстетики: и онѣ должны не предписывать, а описывать; и ихъ дѣло не устанавливать законы о томъ, что нѣчто должно произойти — это можетъ казаться цѣлью науки лишь благодаря смѣшенію; — ихъ дѣло — выяснить, что происходитъ и по какимъ законамъ оно происходитъ въ дѣйствительности. Теорія познанія слѣдуетъ за уже дѣйствительными познаніями такъ же, какъ послѣднія слѣдуютъ за внѣшними объектами; обращаясь съ метафизикой, дѣйствительно въ этихъ познаніяхъ заключающейся, — она является точной наукой неточнаго. Такимъ образомъ опасеніе, что разсужденіе о смыслѣ исторіи можетъ повредить реализму историческаго изслѣдованія, во всякомъ случаѣ на столько не имѣетъ подъ собой почвы, насколько уже въ самомъ этомъ реализмѣ непремѣнно содержатся метафизическіе моменты. Мы въ первой главѣ уже доказали, что историкъ долженъ за внѣшними дѣяніями, которыя одни и выражаются въ доступномъ нашему наблюденію явленіи, видѣть психологическое значеніе, намѣренія и сознательныя цѣли, чтобы вообще было возможно сдѣлать дѣянія эти предметомъ изложенія, не измѣняя все-таки ихъ матеріальнаго содержанія; это же повторяется и здѣсь, какъ бы начертанное жирнымъ шрифтомъ. Здѣсь въ цѣлое исторіи вкладывается смыслъ, не вытекающій непосредственно изъ ея проявленія; исторія получаетъ видъ, который должно, конечно, назвать антропоморфнымъ, но который неизмѣнившійся по содержанію ма-

теріаль історії вперше дѣлаєть объектомъ осмысленной науки.

Противъ другого содержанія философіи історії направляется главнымъ образомъ помянутая выше вторая категорія возраженій: именно, что она, была бы, если и не вредной, то во всякомъ случаѣ бесполезной, потому что она содержала бы неразрѣшимыя задачи и пустые отвѣты. Болѣе или менѣе бессознательныя предпосылки, которыя историкъ привноситъ въ изслѣдованіе и рассказъ, можно во всякомъ случаѣ также отдѣлѣть и обсуждать отдѣльно. Но это, конечно, спекулятивная, а не точная наука, какъ это было въ предыдущемъ случаѣ, гдѣ нужно изслѣдовать ихъ фактическое значеніе. И положительные отвѣты на метафизическіе, обращенные къ історії вопросы особенно подлежатъ всѣмъ тѣмъ возраженіямъ, спастись отъ которыхъ метафизика вообще не можетъ. Неразрѣшимость задачъ философіи історії основывается на томъ, что онѣ требуютъ качественного опредѣленія объектовъ, о которыхъ не установлено еще, реальны ли они вообще. Ставятъ вопросъ о томъ, каковъ смыслъ історії, какова ея цѣль, каково понятіе о ея сущности, тогда какъ вполнѣ еще гипотетично, имѣетъ ли она вообще какой-нибудь смыслъ и цѣль и подходитъ ли она подъ форму общаго понятія;—конечно это ничуть не дѣлаєть менѣе гипотетическимъ и отрицаніе этого. Въ этомъ крупное различіе этой проблемы отъ трактованной нами въ прошлой главѣ; существуетъ полная увѣренность въ томъ, что историческія движенія совершаются по законамъ, и вопросъ лишь въ томъ, какого рода и какого содержанія эти законы; здѣсь, напротивъ, спорно не только, какъ и что существуетъ, но и самое существованіе этого чего-то, и всякій выводъ объ этомъ, который можно доказать объективно и логически-позитивно, въ цѣломъ своемъ покоится на крайне субъективной предпосылкѣ.

Различіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, въ отношеніи теоріи познанія отражаетъ такое различіе, котораго касается наша первая глава. Среди интерполяцій и ги-

потетическихъ вставокъ, необходимыхъ въ ходъ историческаго повѣствованія, находятся съ одной стороны такія, которыя дѣлаются за неимѣніемъ достаточнаго матеріала для передачи; точное познаніе изслѣдуемыхъ событій принципиально было бы возможно, и только случайныя обстоятельства временно препятствуютъ этому. Съ другой стороны, однако, необходимы дополняющія предположенія, точное подтвержденіе которыхъ невозможно уже по самой сущности ихъ, предположенія, не случайно, а принципиально исключенныя изъ опытнаго круга. Первые касаются всякаго кажущагося осмысленнымъ событія, послѣднія же — всѣхъ въ немъ заключающихся психическихъ явленій. И такъ относятся представленія объ историческихъ законахъ къ представленіямъ о смыслѣ исторіи. Если мы не познаемъ первыхъ, то въ этомъ виновно случайное несовершенство нашего эмпирическаго знанія, тогда какъ принципиально вполне было бы возможнымъ дойти до простыхъ законовъ, на основаніи которыхъ можно напередъ предсказать историческій моментъ. Напротивъ: предположенія относительно смысла исторіи относятся къ своей эмпирической дѣйствительности такъ же, какъ и мысль и намѣренія индивида къ внѣшнему дѣянію его и вообще такъ же мало могутъ быть съ точностью познаны; нашему познанію принципиально отказано въ эмпирическомъ подтвержденіи этого предположенія. Какъ и въ параллельныхъ этому случаяхъ по отношенію къ индивиду, отклоненіе нашего мышленія отъ цѣли точнаго познанія бываетъ то количественное, то качественное.

Я обрисую своеобразный складъ вопросовъ исторической метафизики на одномъ примѣрѣ, на вопросѣ о прогрессѣ въ исторіи. Прежде всего ясно, что понятіе прогресса предполагаетъ конечное состояніе, приближеніе къ которому или высшая мѣра воплощенія котораго характеризуетъ болѣе позднее состояніе, какъ прогрессивное. Это конечное состояніе, естественно, не обязательно должно быть реализовано въ доселѣ бывшей исторіи, но должно, по крайней мѣрѣ, идеально суще-

ствовать во всей своей абсолютности, чтобы относительный прогресс совершался по его направлению. Есть ли временно-причинный дальнейший ход событий в то же время и прогресс, — это рѣшается согласно идеалу, цѣнность котораго не слѣдуетъ изъ этого послѣдовательнаго ряда событий, но привнесена въ него извнѣ. И такъ, если замѣчаются въ исторіи отклоненія между эпохами болѣе индивидуалистическаго, и эпохами болѣе коллективистическаго характера, то одинъ считаетъ первыя прогрессивными въ собственномъ смыслѣ слова, въ которыя послѣднія проникаютъ лишь въ видѣ случайныхъ задержекъ и нераздѣльных со всякимъ прогрессомъ понятныхъ движеній; другой же прилагаетъ совершенно обратную оцѣнку, потому что коллективная форма общества ему кажется дѣйствительно цѣнной, и онъ естественный ходъ историческихъ событий признаетъ прогрессомъ лишь настолько, насколько онъ движется въ этомъ направленіи. И такъ то обстоятельство, что мы видимъ въ исторіи прогрессъ или не видимъ такового, зависитъ отъ понятія о цѣнности, субъективности котораго устранить нельзя. И если бы даже можно было найти общую формулу, заключающую въ себѣ различныя идеальныя мѣрила оцѣнки, или если бы иначе какъ-нибудь можно было объединить ихъ, то тогда можно было бы въ лучшемъ случаѣ сказать лишь то, что всѣ выражающіе свое сужденіе видятъ въ исторіи прогрессъ или не видятъ такового; но тотъ фактъ, что онъ находится внѣ исторіи и лишь въ личности выражающаго свое сужденіе, этимъ вовсе не былъ бы устраненъ. Наряду съ субъективностью идеала, по которому фактическое движеніе въ исторіи считается прогрессомъ или не считается таковымъ, имѣется еще и другая еще, которая касается вопроса о прогрессѣ въ болѣе глубоко лежащихъ частяхъ его структуры. Если даже и согласиться относительно этого идеала, если и согласиться относительно того, что исторія дѣйствительно выливается въ важныя по своему содержанію (wertvolle) цѣли — теперь ли уже или въ будущемъ только, — то

все же вопросъ о томъ, считать ли намъ путь къ этой цѣли прогрессомъ или нѣтъ, — зависитъ еще отъ крайне случайнаго абстрактнаго опредѣленія. Именно возможно, что важные пункты исторіи произойдутъ какъ бы въ *generatio aequivoca*; для этого вовсе не должно быть постепеннаго на нихъ направленнаго развитія, но либо естественныя силы могутъ въ одно время породить соответствующую этимъ идеаламъ форму такъ же случайно, какъ случайно породятъ въ слѣдующій моментъ вполне противоположную; или реализація цѣнностей вообще вовсе не необходимо должна происходить изъ тѣхъ силъ, развитіе которыхъ порождаетъ исторію, но можетъ протечь и изъ вмѣшательства чего-то трансцендентнаго, какъ учатъ религіозныя міровоззрѣнія относительно появленія спасителя или представленія о самой ранней эпохѣ человѣческаго существованія. Въ обоихъ этихъ случаяхъ мы, кажется, не можемъ говорить о прогрессѣ въ исторіи. Особенно относительно перваго это возможно лишь тогда, когда важное положеніе, осуществляемое имъ, носитъ характеръ чего-то какимъ-либо образомъ опредѣленнаго. Должна быть гарантія не того, конечно, что не будетъ противоположныхъ движеній и застоевъ, временно задерживающихъ и извращающихъ историческій прогрессъ, но того, что за реализаціей цѣннаго имѣется, такъ сказать, послѣднее слово и что дѣйствительность не повинуется механизму, который такъ же безразлично, какъ породилъ ее, паритъ надъ нею *).

Тотъ простой фактъ, что имѣются эпохи прогрессивныя, какъ это оказывается по составленіи идеала, еще не заполняетъ всего понятія „прогресса въ исторіи“.

*) Но само собою разумѣется, что изслѣдуемый прогрессъ въ исторіи еще не исключается тѣмъ, что родъ человѣческій, быть можетъ, уничтожится, и космическія силы, которыя въ формѣ его произвели исторію, перейдутъ къ совершенно инымъ способамъ своего выраженія. Прогрессъ, о которомъ идетъ речъ, есть лишь прогрессъ въ исторіи и его направленіе къ опредѣленной цѣли не становится иллюзорнымъ оттого, что исторія въ ея цѣломъ не обладаетъ характеромъ опредѣленнаго.

Нужно еще предположить внутреннюю связь временно раздѣленныхъ частичныхъ реализацій идеала такъ, чтобы, не смотря на то, что онѣ прерываются другъ другомъ и эпохами другого направленія, одна примыкала бы туда, гдѣ кончается другая, и оттуда вела дальше. Когда утверждаютъ, что въ исторіи есть прогрессъ, то предполагаютъ, такъ сказать, подземное соединеніе между періодами, характеризующимися своимъ отношеніемъ къ идеалу; и въ основѣ ихъ соединенія должна лежать сила, которая простирается на всѣ ихъ доселѣшнія дѣйствія и проявленія и производитъ то, что механизмъ историческаго процесса вообще протекаетъ и будетъ протекать и въ будущемъ, несмотря на всѣ отклоненія, въ главномъ своемъ по направленію этого идеала. Утвержденіе, что исторія представляетъ собою процессъ, однимъ словомъ исключаетъ отношеніе простой случайности, находящееся между реальными механическими силами и нашими идеальными представленіями. Для утвержденія этого не достаточно того, что первыя случайно воплощаютъ вторыя; но такимъ образомъ происходящія, накапливающіяся событія или эпохи образуютъ сообразность этимъ единство развитія такимъ образомъ, что картина и пониманіе позднѣйшихъ выясняется не путемъ познанія непосредственно предшествующаго внѣшняго положенія и потенциальныхъ его силъ, а лишь благодаря отношенію его къ предшествующей—можетъ быть, и вовсе не непосредственно—ступени реализаціи конечной цѣнности исторіи.

Наконецъ и въ другомъ направленіи понятіе прогресса включаетъ метафизическое предположеніе (Einschlag) въ цѣль внѣшнихъ событій. Именно оно далѣе предполагаетъ, что сущность, о которой высказываютъ его, единична. Большое число событій, содержаніе которыхъ движется въ восходящемъ къ идеалу направленіи, не кажется намъ все-же прогрессомъ, какъ только событія эти происходятъ съ раздѣльными субъектами. Когда мы говоримъ о прогрессѣ въ природѣ, который ведетъ отъ низшихъ организмовъ къ все высшимъ и высшимъ ви-

дамъ, то мы мыслимъ при этомъ одну первичную силу или субстанцію, которая развивается проходя по восходящимъ формамъ, связь съ однимъ субъектомъ, который и прогрессируетъ, проходя рядъ этихъ состояній. Уже обычному выраженію необходимо единство субъекта, чтобы высказать о немъ, что онъ прогрессируетъ, и мы не прилагали бы этого понятія, если-бы дѣло шло, положимъ, о слѣдующихъ другъ за другомъ и все болѣе цѣнныхъ состояніяхъ, но воплощающихся на различныхъ тѣлахъ, — даже и въ томъ случаѣ, если-бы мы предположили связь этихъ раздѣльно другъ отъ друга находящихся цѣнностей въ одинъ міровой духъ или въ одно понятіе природы. Соотвѣтственно этому и прогрессъ въ исторіи долженъ предположить единство субъекта, по отношенію къ которому онъ и совершается.

Иначе мы могли-бы, конечно, сказать, что одно состояніе лучше и цѣннѣе другого, но не могли-бы говорить, что оно прогрессивно, потому что для этого необходимо дѣйствительное, т. е. дѣйствительнымъ мыслимое отношеніе одного къ другому, а таковое бываетъ только между состояніями одного и того-же субъекта. И если вообще всякое сведеніе (*Projizierung*) различныхъ свойствъ единичной субстанціи, какъ носителю ихъ, дѣло — по сущности своей — трансцендентальное, то и соединеніе народовъ и индивидовъ въ одно прогрессирующее развивающееся цѣлое является прямо лишь субъективнымъ синтезисомъ, получающимъ, путемъ сведенія къ объективной реальности, метафизическій характеръ. Что путемъ смѣны лицъ получается единичный субъектъ, что имѣется первоначальное ядро (*Keim*), развитіемъ котораго и являются эпохи исторіи человѣчества и которое является точкою ихъ исхода (*Beziehung*), которая и даетъ намъ возможность ихъ считать по отношенію другъ къ другу прогрессировавшими или оставшими, — это метафизическая предпосылка, безъ которой не можетъ быть понятія о прогрессѣ, но которая дѣлаетъ невозможной точную провѣрку (*Aufsteigen zu*

einer exakten Werifizierung) его *) Отъ этого примѣра возвращусь къ вопросу о правѣ такой постановки задачъ вообще, причѣмъ выясню слѣдующіе моменты. Какъ цѣнность экономического блага, согласно самой распространенной теоріи, опредѣляется рѣдкостью и полезностью, какъ двумя множителями, такъ что уменьшеніе одного для произведенія безразлично, если соответственно возрастетъ другой,—такъ и цѣнность познанія измѣряется точностью его и интересомъ, имъ возбуждаемымъ. Теоретическая мысль большой вѣроятности, но объектъ которой имѣетъ малое значеніе, займетъ на скалѣ теоретическихъ цѣнностей такое-же положеніе, какъ познаніе о предметѣ весьма высокаго интереса, но колеблющейся вѣроятности. Но какъ при умноженіи одинъ производитель можетъ быть любой величины, а произведеніе все таки будетъ равно нулю, если другой производитель равенъ нулю, такъ и предметъ, обладающій весьма высокой степенью полезности не будетъ все-же имѣть никакой экономической цѣнности, если онъ лишенъ абсолютно всякой рѣдкости—классическій примѣръ тому—воздухъ для дыханія;—точно такъ-же не будетъ имѣть цѣнности и предметъ очень рѣдкій, но абсолютно непригодный. Точно также не имѣетъ никакой цѣны и познаніе, которое, быть можетъ, и вполнѣ вѣрно, но касается объекта, которымъ никто не интересуется; не имѣетъ цѣны и то познаніе, которое отно-

*) Метафизическій характеръ утвержденія объ единствѣ субъекта исторіи всего яснѣе тамъ, гдѣ оно лежитъ въ основѣ пониманія одновременныхъ, но пространственно раздѣльныхъ явленій, и гдѣ оно далѣе должно быть въ логической предпосылкой историко-философскаго утвержденія, а основой выясненія для эмпирическихъ фактовъ. И то, и другое соединяется въ утвержденіи нѣкоторыхъ философовъ исторіи: замѣчательное явленіе, что значительныя событія часто совершаются одинаковымъ образомъ въ одно и то-же время въ совершенно различныхъ мѣстностяхъ (напримѣръ, Зороастръ, Конфуцій, Нума приблизительно въ 600 году до Р. Х.) происходитъ-де благодаря единству рода человѣческаго; онъ-де развивается, какъ органическое тѣло, члены котораго, народы, измѣняются—иные одинаково, иные неодинаково—опредѣленнымъ образомъ благодаря тому, что онъ растетъ и старѣется.

сится къ очень важному предмету, но не обладаетъ абсолютно никакимъ ручательствомъ правильности. Къ послѣднему случаю (Grenzfall), повидимому, весьма близко подходитъ историческая метафизика. Если, возста- вая противъ такого отрицательнаго отношенія ко всяко- му философствованію, отношенія, основаннаго на невѣ- роятности его результатовъ, можно сослаться на важ- ность и интересъ предметовъ его—то все-же весь ра- счетъ этотъ окажется ничтожнымъ тогда, когда вѣроят- ность знанія равна нулю; какъ, напр., при разсужде- ніяхъ о смыслѣ и цѣли исторіи или объ абсолютной реальности, находящейся въ ней, надъ ней, или за ней.

По отношенію къ этому нужно прежде всего принять во вниманіе то обстоятельство, что, само собою разу- мѣется, недоказуемость историко-философскихъ утвер- жденій еще не обозначаетъ ихъ невѣрности. Такимъ образомъ тамъ, гдѣ какое-либо отношеніе вещей со- ставляетъ предметъ предположенія ихъ, тамъ нельзя отрицать, по крайней мѣрѣ, возможности того, что они идутъ по вѣрному пути. При такихъ обстоятельствахъ одно сдѣланное утвержденіе можетъ и не обладать до- стоинствомъ истины, поддающимся констатированію; но съ совокупностью ихъ этого быть не можетъ. Ибо въ той мѣрѣ, въ какой эта совокупность растетъ и исчерпываетъ поддающіяся установленію комбинаціи меж- ду историко-философскими факторами, — заполняется кругъ, въ предѣлахъ котораго должна находиться исти- на. И хотя мы навсегда должны отказаться отъ опре- дѣленія, что-же изъ этого возможно вѣрнаго вѣрно въ- дѣйствительности, но все же обращается неподдающій- ся отрицанію интересъ къ тому кругу предположеній положительныхъ и отрицательныхъ, который въ цѣломъ заключаетъ въ себѣ во всякомъ случаѣ правильное поз- наніе важныхъ вопросовъ. Путь всякаго познанія та- ковъ, что сначала представляется разнообразіе всевоз- можныхъ воззрѣній на какой-либо объектъ, постепенно оно суживается, пока, наконецъ, не остается *одно*

познание, признаваемое единственно возможным, т. е. вѣрным! Если по отношенію къ метафизическимъ предположеніямъ познание останавливается на этой болѣе ранней ступени,—но оно—какъ это ни покажется парадоксальнымъ—различается лишь количественно отъ послѣдней достижимой имъ стадіи. Въ концѣ концовъ, такъ какъ сами вещи не переходятъ въ нашу силу представленія, согласіе съ ними, истинность мышленія, является все-же лишь психологическимъ состояніемъ послѣдняго, окраска и извѣстное чувство напряженія сознанія; и вотъ это-то совпаденіе (*Mitschwebung*), которое можно назвать, какъ бы мажорнымъ тономъ или мѣстнымъ признакомъ, совпаденіе, обозначающее „истинность“ представленій, дѣлится здѣсь на цѣлый рядъ представленій, вмѣсто того, чтобы сконцентрироваться на одномъ, а соответственно съ этимъ должна и совокупность мыслей подѣлить между собою интересъ и цѣнность, которые должны бы достаться на долю одной мысли. Но оспаривать у нихъ и это, и рѣзкимъ *aut Caesar aut nihil* отрицать за ними долю истины и относителную вѣроятность таковой, долю, принадлежащую каждой части этого круга,—это значило-бы придерживаться бюрократизма въ методѣ, которому нельзя давать вытѣснить фактическій интересъ къ нему особенно тогда, когда извѣстны предѣлы его явленія. Конечно, вслѣдствіе этого должно обращать вниманіе на то, что дѣйствительное достиженіе цѣлей сведенія всей совокупности возможныхъ рѣшеній въ одно понятіе,—безконечно далеко отъ насъ. Увѣренность въ томъ, что въ предлагаемомъ кругу предположеній находится правильное предположеніе, хотя-бы инкогнито, конечно, существуетъ лишь на ряду съ другой, что исчерпаны всѣ вообще возможные предположенія. И такъ предположимъ—что, конечно, является сомнительною еще предпосылкою всей этой дедукціи—предположимъ, что историко-философскія проблемы *an und für sich* и въ цѣломъ своемъ не находятся внѣ всякой возможности получить на нихъ отвѣтъ; тогда, конечно вмѣсто неразрѣшимости, которую

имъ приписываютъ, получается необходимость установить ихъ мѣсто въ теоріи познанія слѣдующимъ образомъ. Правильно-ли или нѣтъ отдѣльное предположеніе о нихъ, не можетъ быть рѣшено помощью нашихъ средствъ познания. Напротивъ, совокупность вообще возможныхъ предположеній должна заключать и правильное, и вслѣдствіе этого должна, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ такой совокупности, обладать въ извѣстной степени цѣнностью для познанія. Но такой совокупности можно достигнуть лишь въ безконечной прогрессіи, и каждый историко-философскій опытъ имѣетъ цѣнность для познанія лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ представляетъ собою дальнѣйшую часть той совокупности, возросшая цѣнность которой по частямъ переходитъ на него. Эта своеобразная категорія въ теоріи познанія, можетъ быть, указываетъ на то, что рѣзкая альтернатива между истиннымъ и ложнымъ, познаваемымъ и непознаваемымъ, которую обыкновенно ставятъ теоритическимъ задачамъ, что альтернатива эта оставляетъ еще мѣсто для промежуточныхъ ступеней, и что и здѣсь, какъ то бываетъ весьма часто, простая контрарная противоположность принимаетъ ложный видъ контрадикторной. Подобное положеніе между познаваемымъ и непознаваемымъ, такъ подходящее къ историко-философской проблемѣ, было бы нѣкоторымъ образомъ объективнымъ приложеніемъ Платонова понятія о философахъ: *μῆτε οἱ σοφοὶ μῆτε οἱ ἀμαθεῖς—οἱ μεταξὺ τούτων ἀμφοτέρων* (не мудрецы и не невѣжды, а среднее между ними обоими).

Здѣсь далѣе высказывается уже ранѣе подчеркнутое родство, а также и противоположность этихъ проблемъ и проблемъ исторической законосообразности. Согласно выводамъ предыдущей главы характеръ историческаго закона въ своей теперешней стадіи приносить съ собою то, что очень противоположныя общія утвержденія предъявляютъ одну и ту же претензію быть закономъ; но это могло намъ казаться чертой, полезной съ точки зрѣнія эволюціи такъ какъ такимъ образомъ подготавливается открытіе реальныхъ силъ, благодаря которымъ каждая

изъ противоположныхъ абстракцій получаетъ относительное мѣрило своего значенія. Если къ этому присоединить въ видѣ параллели развитіе общей метафизики, противоположныя содержанія которой предшествовали (*anticipierten*) все же болѣе точному познанію природы, то мы увидимъ, что историческая метафизика въ общемъ находится внѣ ряда развитія, ведущаго къ достиженію точности. Тогда какъ противорѣчія историческихъ законовъ стремятся къ примиренію въ чемъ-то надъ ними стоящемъ, толкованія смысла исторіи остаются при своей противорѣчивости, не имѣя высшей инстанціи, которая разрѣшала-бы ихъ противорѣчія. Эта неограниченная свобода мнѣній о томъ, что должно представлять себѣ, какъ сущность, смыслъ или цѣль исторіи, быть можетъ, происходитъ отъ того, что это—гипотезы, такъ сказать, второй степени. Въ первой главѣ мы убѣдились, что внѣшнее въ исторіи понятно лишь благодаря надъ-эмпирическому предположенію мыслей, желаній и ощущеній, что лишь благодаря этому это внѣшнее получаетъ смыслъ и интересъ, даже болѣе, что эти событія, лежація за явленіями, и образуютъ собственно то содержаніе исторіи, изъ-за котораго изслѣдуется внѣшнее теченіе ея. А вслѣдъ за этими гипотезами выступаетъ гипотеза философская, которая пользуется первыми, какъ своимъ матеріаломъ. Она въ этомъ сходна съ философіей религіи, которая также,—по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ она основывается на извѣстныхъ религіяхъ, предпринимаетъ гипотетическое изслѣдованіе матеріала, уже со своей стороны гипотетическаго. Съ другой стороны именно уже характеръ этого матеріала скрываетъ въ себѣ одну изъ самыхъ тонкихъ метафизическихъ оболочекъ. Въ общемъ можно сказать, что вся метафизика покоится на противорѣчій между чувственной внѣшностью и духовнымъ принципомъ, и состоитъ въ сведеніи первой ко второму. Попытка и кажущееся оправданіе того, чтобы между явленіями вставить духовную сущность или духовное явленіе, какъ носителя или руководителя, еще яснѣе тогда, когда сами

явленія уже имѣютъ характеръ сознательности. Если бы даже и можно было не допускать болѣе никакого руководства духовными тенденціями для механизма подпсихической природы, то все-же весьма легко подставить таковое въ рядъ явленій, когда они уже сами по себѣ сущности духовной. Такъ какъ каждое человѣческое дѣйствіе проистекаетъ изъ духа и направляется къ цѣли, то переходъ, который подвергаетъ подобному же и связующему изслѣдованію откуда и куда совокупность этихъ дѣйствій, — исторію, — почти незамѣтенъ. Но произвольность, съ какою въ явленіе вводится чуждое сущности его самостоятельная субстанція, *Ansich*, здѣсь ничуть не меньше, чѣмъ и въ случаѣ натуръ-метафизики. Въдѣ духовность отдѣльнаго психическаго явленія замыкается въ самомъ явленіи, цѣлесообразность его, какъ таковая, указываетъ на абсолютное и сверхъчеловѣческое сознаніе, находящееся за предѣлами сингулярной цѣли и индивидуальнаго сознанія, не болѣе и не менѣе, чѣмъ дѣлаетъ это какое-либо матеріальное событіе. Такъ-же психологически понятно и такъ-же неправильно, какъ матеріалистическая метафизика возводитъ матеріальность явленій въ абсолютную въ основѣ всякаго бытія лежащую сущность, — такъ-же и историческая метафизика возводитъ духовность отдѣльнаго историческаго событія въ духовность совокупности ихъ и ихъ не проявляющагося носителя. Но вмѣсто того, чтобы переносить характеръ, присущій частямъ ряда — каждый въ отдѣльности, безъ дальнѣйшихъ разсужденій на рядъ, какъ единичное цѣлое, — здѣсь необходимо было еще особое доказательство справедливости этого, доказательство, которое, однако, на болѣе точное мышленіе производитъ дѣйствіе не болѣе благопріятное, чѣмъ случай, когда нужно конструировать духовный субстратъ матеріальной природы.

Итакъ область дѣйствія спекулятивнаго изслѣдованія историческихъ объектовъ достаточно ограничена. Я попытаюсь то-же самое выяснить слѣдующимъ образомъ. Метафизика въ какой-либо области можетъ вообще при-

нять два принципиальных положенія къ эмпирическому матеріалу ея: она можетъ быть ему имманентна, т. е. составлять апріорное въ немъ—тогда содержаніе и образованіе ея—дѣло эмпирическаго изслѣдователя, за которымъ слѣдуетъ теоретикъ познанія въ анализѣ и описаніи. Или-же такъ или иначе полученная эмпирія имѣется у насъ, какъ готовое данное, и метафизика входитъ въ нее извнѣ, какъ размышленіе, т. е. претерпѣваетъ по отношенію къ ней относительно самостоятельное преобразование. Цѣль его можетъ опять-таки быть двойкой: оно можетъ происходить изъ-за эмпирическаго матеріала, который она хочетъ объяснить и истолковать, для котораго она ищетъ болѣе глубокихъ связей и основаній въ надъ-эмпирическихъ понятіяхъ или понятіяхъ цѣнности. Послѣднія являются тогда лишь средствомъ, указаніе (Betonnung) на цѣль находится въ дѣйствительности. Но тамъ, гдѣ это исключается, тамъ, гдѣ, какъ въ нашемъ случаѣ, метафизика не можетъ дать ровно ничего для объясненія эмпирическихъ родовъ—тамъ цѣль ея можетъ быть лишь въ ней самой; ею можно заниматься лишь тогда, когда эти надъ-эмпирическія понятія сами по себѣ имѣютъ достаточно важное значеніе, чтобы ими заниматься и пользоваться исторической эмпиріей, какъ средствомъ. Когда образовались общія понятія и убѣжденія, проведеніе которыхъ интересно само по себѣ, когда нравственные и эстетическія цѣнности требуютъ доказательства своего во всевозможныхъ областяхъ, когда религіозныя представленія требуютъ разьясненія своего отношенія ко всякому событію,—тогда и компактная масса подлежащей исторіи справедливо рассматривается съ той стороны, въ какихъ положительныхъ или отрицательныхъ отношеніяхъ находится она къ этимъ самымъ по себѣ цѣннымъ представленіямъ. Такъ, напримѣръ, было вполне послѣдовательно, когда однимъ изъ учениковъ Гегеля уже послѣ смерти его (posthumus) сдѣланъ былъ упрекъ ему въ томъ, что онъ отступаетъ въ своей философіи исторіи отъ трихотомнаго дѣленія (Gliederung), которое онъ въ

другомъ мѣстѣ призналъ всемірнымъ закономъ; вполнѣ послѣдовательно далѣе и то, что онъ дополняетъ этотъ недостатокъ такимъ образомъ, что представляетъ древній міръ тезисомъ, германо-христіанскій міръ антитезисомъ и начинающуюся теперь эпоху синтезисомъ; послѣдовательно и то, что, по его мнѣнію, эти три эпохи должны относиться другъ къ другу, какъ механизмъ, химизмъ и организмъ, или какъ право, мораль и нравственность или какъ чувство, знаніе и воля. Понятія, синтезисъ которыхъ съ историческими фактами составляетъ философію исторіи, находятся и остаются совершенно внѣ этихъ фактовъ и производятъ лишь вліяніе либо на группировку ихъ въ соединенія, не измѣняющія ихъ внутренняго склада, либо на обсужденіе ихъ съ точки зрѣнія пѣнности, либо на аналогію ихъ съ отношеніями въ совершенно иной матеріи. Съ этой точки зрѣнія задачу исторической метафизики нельзя назвать неразрѣшимой въ собственномъ смыслѣ этого слова; нельзя считать ее и разрѣшимой,—она стоитъ внѣ этого противорѣчія. Такъ какъ она, не сколько она ясно самой себѣ, вовсе не интересуется реальными силами, которыми объясняются историческія частности, то все дѣло здѣсь лишь въ томъ, чтобы она внутренне не противорѣчила себѣ и не принимала невѣрныхъ данныхъ. Если она исполняетъ эти условія, то она правомѣрна настолько, на сколько удовлетворяетъ направленному на нее стремленію. Какъ о чувствахъ говорятъ, что они не обманываются не потому, что они всегда судятъ вѣрно, а потому, что они вообще не судятъ, такъ и о метафизикѣ можно сказать, что она не ошибается въ своихъ объектахъ, не потому, что она всегда правильно познаетъ, а потому, что она вообще не познаетъ. Ея цѣль не выходитъ за ея предѣлы, какъ то было со спекулятивными изслѣдованіями, о которыхъ рѣчь шла въ предыдущей главѣ; послѣднія въ концѣ концовъ направлены на тѣ силы, которыя дѣйствуютъ въ самихъ объектахъ, и готовятъ изображеніе міровой картины; но метафизическая спекуляція оцѣниваетъ исторію по-

нѣтіями, трансцендентными ей, и потому не въ ней а лишь въ понятіяхъ этихъ, т. е. въ самой себѣ, и можетъ она видѣть опредѣляющую свою цѣль, не достигнуть которой потому она и не можетъ.

Какъ извѣстно, метафизическую спекуляцію хотѣли выводить изъ влеченія къ искусственнымъ построеніямъ. Быть можетъ, глубже можно проникнуть въ психологическія основы ся, если поставить ее въ связь съ влеченіемъ къ игрѣ ума (*Spieltrieb*). Игра беретъ предметы, имѣющіе сами по себѣ опредѣленную сущность и опредѣленную тенденцію, и ставитъ ихъ въ ряды отношеній, составленные изъ чисто субъективнаго интереса и представлений, которыя не касаются этой собственной сущности, этой собственно законосообразности предметовъ; такъ, дитя дѣлаетъ палку лошадью, обернутое въ матерію дерево куклой и куклу человѣкомъ. Сущность игры—символизмъ; она удовлетворяетъ самыя разнообразныя влеченія и интересы дѣйствія и ощущенія путемъ дѣятельности, направленной притомъ на объекты, имѣющіе съ ихъ реальными удовлетвореніями лишь символическую, т. е. въ головѣ играющаго составленную, связь; такъ, всѣ азартныя игры и всевозможныя нарпы являются символизацией борьбы и риска и проч. По этому влеченію къ игрѣ можно считать особымъ влеченіемъ лишь *cum grano salis* и во всякомъ случаѣ влеченіемъ второго порядка. Первоначальными психологическими причинами являются влеченія, направленные на реальное: на тѣлесное и духовное движеніе, на борьбу и наживу, на расширение чувства личности и круга ощущеній. Игра пріобрѣтаетъ свое возбужденіе отъ частичнаго удовлетворенія этихъ влеченій, удовлетворенія, которое удается ей символикѣ; влеченіе-же собственно къ игрѣ можетъ быть образовано лишь путемъ опыта, что подобная форма дѣятельности доставляетъ извѣстное удовлетвореніе почувствованнымъ влеченіямъ,—точно такъ же, какъ промежуточный членъ цѣпи, черезъ который стремленіе ведетъ къ конечной цѣли, нерѣдко получаетъ самостоятельное влеченіе къ себѣ. Такимъ об-

разомъ, когда я метафизику ставлю въ связь съ влеченіемъ къ игрѣ, то я думаю лишь слѣдующее: идеи безсмысленнаго сдѣленія явленій, ихъ группировки согласно нравственной и эстетической точкѣ зрѣнія, ихъ управленія божественнымъ установленіемъ цѣлей, обладающихъ цѣнностью и интересомъ, которые требуютъ доказательства, основаннаго на фактахъ дѣйствительности (Wirklichen); теоретическое стремленіе къ единству, этическія и религіозныя влеченія стремятся къ тому, чтобы сдѣлать историческія событія своими объектами, вылиться окончательно въ нихъ.

Но такъ какъ это невозможно, благодаря теоретически-познавательному характеру требованія и матеріала, то влеченія эти удовлетворяются символическимъ образованіемъ, группировкой и толкованіемъ послѣдняго. Какъ объектъ игры не является дѣйствительно тѣмъ предметомъ, какимъ считаетъ его играющій и дѣлаетъ его средствомъ антиципированнаго или мнимаго (andeutender) удовлетворенія потребностей, также историческій матеріалъ не является дѣйствительнымъ воплощеніемъ идей, на которыя направлены эти влеченія; но тогда какъ онъ остается неизмѣнно самимъ себѣ довлѣющимъ (Fürsichsein), наша фантазія создаетъ отношеніе между нимъ и этими идеями, и создаетъ такимъ образомъ символическимъ путемъ такое удовлетвореніе метафизической потребности, въ какомъ ей было отказано на реалистическомъ пути.

Установимъ въ нѣсколькихъ словахъ принципіальные конечные пункты нашихъ разсужденій ради ясности въ видѣ системы, которая проходила-бы красною нитью черезъ все нами доселѣ изложенное. Философія исторіи видитъ передъ собою двоякаго рода задачи, сообразно съ двойственнымъ значеніемъ понятія исторіи: мы обозначаемъ имъ, съ одной стороны, судьбы человечества, какъ научное представленіе и изложеніе, съ другой, сами событія, содержаніе само по себѣ, не обращая вниманія на форму познанія его въ наукѣ. Въ первомъ

смыслъ этого понятія, въ случаѣ изложенной уже исторіи, задача философіи—чисто теоретически-познавательная: она здѣсь изслѣдуетъ не сами факты, а познаніе ихъ; не бытіе, а представленіе является объектомъ ея; она не можетъ здѣсь ни въ чемъ измѣнить хода изслѣдованія, направленнаго на факты такъ-же, какъ само изслѣдованіе не можетъ ничего измѣнить въ фактахъ. Но она можетъ показать, сколько способовъ представленія, которые въ иныхъ случаяхъ называютъ философскими, оказываются присущими повидимому чисто эмпирическому изслѣдованію исторіи. Часть этого доказательства—дѣло общей теоріи познанія: категоріи причинности и субстанціональности, всеобщія формы мышленія и предположенія всего происходящаго и для историческаго содержанія дѣйствительны и имѣютъ значеніе не болѣе и не менѣе, чѣмъ и для другого. Специальнымъ объектомъ философіи исторіи является во-первыхъ указаніе (*Nachweis*) на психологическія интерпретаціи и интерполяціи въ изложеніи исторіи. Она должна указать на предпосылки для соединенія внѣшняго и внутренняго процесса (*Geschehen*), а послѣдняго и самого по себѣ, предпосылки, путемъ которыхъ устанавливается непрерывность и понятность историческаго ряда, предпосылки, по содержанію своему частью эмпирическія, частью надъ-эмпирическія, а по функціи своей апріорныя. Во-вторыхъ, нужно вывести изъ историческаго изслѣдованія прямо метафизическія представленія, которыя касаются, конечно, не отдѣльных содержаній, какъ психологическія, но всей совокупности ихъ въ дѣлѣ тенденціи, формы и опредѣленія цѣнности. Здѣсь философіи прежде всего нужно установить лишь эмпирически, а могъ-бы сказать статистически, какія представленія о томъ, что не явленіе, опредѣляютъ изслѣдованіе явленій въ подлежащихъ историческихъ познаніяхъ; а затѣмъ изслѣдовать, на сколько это обосновано матеріально (*sachlich*) и психологически въ задачахъ исторіи.

Это, слѣдовательно, и составляетъ переходъ ко вто-

рой категоріи проблемъ философіи и исторіи; она заключаетъ въ себѣ приложеніе философскаго мышленія на само содержаніе исторіи, попытку приобрѣсти фактическія познанія относительно его. И здѣсь слѣдуетъ различать двѣ различныя и различной цѣнности задачи. Открытіе законовъ исторіи, о которыхъ прежде всего здѣсь идетъ дѣло, приводитъ насъ къ безконечно далекой цѣли: къ познанію тѣхъ законовъ, которые даютъ возможность съ полной увѣренностью предсказать на основаніи каждаго даннаго во времени или пространствѣ пункта развитія слѣдующій. Я доказалъ, что задача эта разрѣшима лишь при посредствѣ разложенія всѣхъ историческихъ событій на дѣйствія простѣйшихъ частей; что не можетъ быть дѣйствительныхъ законовъ — изъ которыхъ познаются реальныя силы историческаго процесса — законовъ для сложныхъ образованій, какъ таковыхъ; и что поэтому понятіе историческаго закона въ строгомъ смыслѣ противорѣчиво. Если то, что обыкновенно обозначаютъ этимъ именемъ, — въ сущности лишь факты — *результаты* приложенія законовъ къ случайному матеріалу, а не сами законы, — то все-же изслѣдованіемъ такихъ предварительныхъ законовъ путемъ постепенной индукціи и анализа достигается приближеніе къ познанію дѣйствительныхъ силъ и простыхъ историческихъ элементовъ и ихъ законовъ. Но съ философской точки зрѣнія это — стремленіе, насколько вообще мы признавали въ немъ сущность философскаго мышленія, антиципировать и подготовить точное познаніе въ первыхъ общихъ положеніяхъ и предварительныхъ резюме. Стремленіе найти законы исторіи, конечно, по стольку самообманъ, по скольку законы, опредѣляющіе исторію, не особые законы исторіи, этого сегмента всего космическаго круга. Но, какъ предварительная оріентировка въ пестротѣ и случайности историческихъ явленій и какъ первая стадія познанія реально дѣйствующихъ законовъ, они, конечно, имѣютъ полное право на существованіе. И наконецъ, дѣло идетъ о попыткѣ средствами философіи познать

отношенія къ абсолютному, цѣль и смыслъ въ историческомъ бытіи, т. е. установить фактически то, присутствіе чего, какъ элемента должна была доказать теоретически-познавательная задача философіи исторіи въ эмпирическомъ изслѣдованіи исторіи. А относительно этого мы видѣли, что всякое построеніе надъ-эмпирическаго на основаніи метафизическихъ, этическихъ и эстетическихъ мотивовъ (Triebe) не приводило ни къ чему, какъ только такое построеніе предпринималось въ цѣляхъ объясненія чувственныхъ данныхъ. Легко можно возразить, что психологическое толкованіе историческихъ фактовъ, и составляющее собственно содержаніе исторіи, тоже не что иное, какъ объясненіе чувственно даннаго при посредствѣ подразумѣваемаго духовнаго. Однако, мы не имѣли-бы въ дѣйствительности никакого права прибѣгать къ послѣднему приему познанія, если-бы, какъ мы видѣли, предполагаемые сознательные акты историческихъ личностей не отражались-бы точно и не посредственно въ сознаніи познающаго, такъ что мы никогда не могли-бы объяснять внѣшніе поступки психологическими явленіями, которыхъ мы въ какой-бы-то ни было формѣ не могли-бы вызвать въ себѣ. Но это субъективное воспроизводство, въ которомъ и состоитъ всякое пониманіе исторіи, возможно для насъ лишь тамъ, гдѣ непосредственно за рядомъ внѣшнихъ поступковъ ставится рядъ мыслей, желаній и чувствъ, но не тамъ, гдѣ за послѣднимъ рядомъ, уже установленнымъ еще разъ приходится, въ качествѣ носителя и руководителя, ставить духовный принципъ. Каждая попытка объяснять такимъ принципомъ эмпирическія данныя рушится благодаря тому, что мы можемъ взять содержаніе его лишь изъ дѣйствительности, которую онъ долженъ объяснить. Съ большимъ правомъ, кажется намъ, прилагается метафизика тамъ, гдѣ она не должна служить познанію дѣйствительности; тамъ гдѣ метафизическія представленія имѣютъ значеніе, независимое отъ всякихъ теоретическихъ вопросовъ, значеніе, порождаемое спекулятивными ин-

тересами или потребностями духа, тамъ противъ попытки доказать ихъ на основаніи историческихъ развитій возразить нельзя ничего. Здѣсь дѣло идетъ лишь о символическихъ толкованіяхъ и значеніяхъ дѣйствительности, которыя однако не имѣютъ значенія за своими предѣлами и не входятъ въ научное представленіе о ней.

Ихъ нельзя считать ложными, потому что они являются не познаніями, а выраженіемъ интересовъ, въ качествѣ психологическихъ фактовъ, стоящихъ внѣ альтернативы истинаго и ложнаго.

ЗИММЭЛЪ
О
НАУКЪ МОРАЛИ.

Статья Бугле изъ книги „Les sciences sociales
en Allemagne“.

Зиммель.

НАУКА МОРАЛИ.

Изъ всѣхъ общественныхъ наукъ, наука морали есть, можетъ быть, самая полезная, но въ то же время такая, которую всего труднѣе установить. Больше чѣмъ всякая другая наука, она вызывается практическими требованіями, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ и ставятъ для нея препятствія. Обратимся къ Зиммелю *), для того, что бы онъ съ точностію опредѣлилъ эти затрудненія и, если возможно, указалъ-бы намъ средство для ихъ устраненія.

*) *Ueber sociale Differenzierung*. Лейпцигъ, 1890.—*Einleitung in die Moral-Wissenschaft*, 2 т., Берлинъ, 1892—93.—*Die Probleme der Geschichtsphilosophie*. Берлинъ, 1893.

Кромѣ того Зиммель помѣстилъ много статей въ журналахъ, а именно: въ *Zeitschrift für Völkerpsychologie (Psychologie der Frau)*, въ *Jahrbuch für Gesetzgebung (Psychologie des Gelds)*, 1889), въ *Revue de Metaphysique (Le Problème de la Sociologie)*, 1894), въ *International Journal of Ethik (Comment les imperfections morales peuvent développer des fonctions intellectuelles)*, 1894), въ *Archiv für Systematische Philosophie (Ueber eine Beziehung der Selektionslehre zur Erkenntnistheorie)*, 1895). Въ настоящее время онъ читаетъ лекціи социологіи въ Берлинскомъ университетѣ.

Чтобы ясно уразумѣть коренное различіе, которое онъ желаетъ установить между нравственностью и наукой о нравственности полезно сравнить съ его сочиненіями сочиненія Штейнталя (*Allgemeine Ethik*. Берлинъ, 1885), Штаудингера (*Das Sittengesetz*. Дармштадтъ, 1887), Вундта (*Ethik*, 2-е изд. Штуттгардъ, 1890) Паульзена (*System der Ethik*, Берлинъ, 1890) и статьи Эренфельса (*Werththeorie und Ethik* въ *Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Philosophie*, 1893—94).

I.

Для того, чтобы этика получила характер науки, нужно на мѣсто обычныхъ безусловныхъ требованій и отвлеченій поставить историческій анализъ. Дѣло психологій, соціологій, исторій, которыя научаютъ насъ распознавать въ соціальныхъ формахъ то причину, то слѣдствіе моральныхъ силъ, построить мало-по-малу, путемъ накопленія наблюденій, науку этики. Что эта наука навсегда будетъ недоступна для отвлеченнаго умозрѣнія, это Зиммель намѣревается доказать именно, прилагая умозрительное сужденіе къ нравственнымъ понятіямъ. Ихъ простота окажется обманчивою и значеніе ихъ не поддающимся опредѣленію. Будучи неопредѣленными и допуская различные и даже противоположные способы пониманія, эти понятія порождаются тѣмъ, что Зиммель называетъ платонизмомъ ума, понимая это слово въ его обыденномъ значеніи, ошибкой, заключающейся въ томъ, что реальности превращаются въ отвлеченія, а за тѣмъ эти отвлеченія снова въ реальности. Нужно, слѣдовательно, — прилагая къ морали критику познанія, довести отвлеченную мысль до той точки, на которой она принуждена отказаться отъ самой себя и уступить мѣсто наблюденію. Зиммель надѣется такимъ способомъ, не заявляя себя сторонникомъ никакого безусловнаго требованія и не давая въ свою очередь никакой формулы положительной морали, подготовить умъ къ появленію позитивной науки морали.

Изъ цѣли вытекаетъ и методъ. Онъ будетъ состоять въ томъ, чтобы, установивши понятіе нравственности, рассуждать о немъ съ самаго начала, такъ сказать, діалектически, дѣлать опытъ примѣненія къ нему опредѣленій для того, чтобы доказать, что его нельзя опредѣлить и, какъ бы шутя, доказывать, что самыя различныя понятія могутъ быть выведены изъ одного общаго основанія, или одно и то же понятіе изъ самыхъ различныхъ основаній. Въ то же время этотъ методъ

долженъ указать, какія психологическія, соціальныя и историческія идеи скрываются въ самыхъ этихъ абстракціяхъ и какимъ образомъ умъ, строя послѣднія, дѣйствуетъ все-же подъ вліяніемъ первыхъ. Однимъ словомъ, это будетъ соединеніе діалектики съ исторіей, цѣль котораго состоитъ въ томъ, чтобы одновременно открыть какъ иллюзіи мысли, такъ и тѣ реальности, которыми онѣ объясняются.

Такая цѣль и такой методъ дѣлаютъ понятнымъ, почему Введеніе Зиммеля не имѣетъ, какъ онъ это и самъ признаетъ *), систематическаго единства. Онъ анализируетъ, одно за другимъ, нѣсколько обыденныхъ моральныхъ понятій, ошибочно признаваемыхъ за единицы или силы, какъ долгъ, эгоизмъ, счастье, свобода; онъ начинаетъ свой анализъ съ самыхъ различныхъ пунктовъ, такъ какъ именно цѣль его и состоитъ въ томъ, чтобы доказать, что, исходя изъ самыхъ разнообразныхъ пунктовъ, можно вывести одно и то же понятіе. Поэтому мы не можемъ резюмировать по очереди эти главы, столь обильныя выводами и остроумными замѣчаніями. Такая книга можетъ имѣть лишь единство общаго направленія. Мы ограничимся тѣмъ, что постараемся на нѣсколькихъ примѣрахъ выяснить это единство.

Если требуется доказать, что идея долга не можетъ содѣйствовать построенію науки о нравственности **), то Зиммель прежде всего посредствомъ идеалистической діалектики устанавливаетъ, что эта идея есть чистая форма, для которой безразлично всякое содержаніе. Въ этомъ отношеніи онъ сравниваетъ идею долга съ идеей бытія; критическая психологія доказываетъ, что ни изъ той, ни изъ другой ничего нельзя вывести, и указываетъ на несостоятельность моральной онтологіи, такъ же какъ и метафизической. Умозрительное разсужденіе о долгѣ и бытіи безсильно опредѣлить предметы нашихъ представленій или нашихъ дѣйствій; потому что ни долгъ, ни бытіе не входятъ въ рядъ этихъ предметовъ, а толь-

*) *Einleitung in die Moralwissenschaft*, II. Предисловіе.

**) *Einleitung*, I, стр. 1—84.

ко въ рядъ психологическихъ формъ, которыя опытомъ могутъ быть примѣнены ко всякому содержанію. Въ самомъ дѣлѣ, каждое изъ нашихъ представленій заключаетъ въ себѣ два элемента, во-первыхъ, самый предметъ, а во-вторыхъ, сопровождающее его чувство, которое указываетъ намъ на то, напр., реальный-ли это предметъ или только идеальный. Идеальное и реальное, которые еще соединены для дикаря и для ребенка, вообще для первобытнаго человѣка, который неотразимо вѣритъ въ реальность своихъ идей, мало-по-малу различаются подъ давленіемъ опыта. Но это различіе, къ которому мы приходимъ различными путями никогда не выводитъ насъ изъ области духа. Въ противоположности реального и идеального всегда выражается извѣстное настроеніе духа, извѣстное чувство; такъ что можно сказать, что разница между этими двумя терминами, обозначающими свойства не вещей, а мысли, состоитъ только въ разности чувства. *A fortiori* средніе термины, соединяющіе эти двѣ крайности, суть не что иное какъ психологическія свойства. Желаніе, надежда, способность къ дѣйствию — все это суть состоянія духа, распредѣляющія вещи по степенямъ, находящимся между реальнымъ и идеальнымъ. Они, такъ сказать, перелагаютъ одну и ту-же мелодію на разные тональности. Долгъ есть одинъ изъ этихъ тоновъ, извѣстный способъ мышленія, какъ будущее или прошедшее время, форма, которая можетъ быть приложена ко всякому содержанію и отдѣлена отъ всякаго содержанія. Поэтому Кантъ, рассуждая о долгѣ, въ свою очередь дѣлалъ ту-же ошибку, въ которой онъ упрекалъ тѣхъ, которые рассуждали о бытіи. Долгъ, какъ и бытіе, есть только названіе для нѣкоторыхъ психологическихъ особенностей нашихъ представленій; значитъ, бытіе и долгъ не доказываются, но сознаются лишь жизнію и чувствомъ. Доказать, что какая нибудь вещь реальна, или что какое нибудь дѣйствіе должно быть сдѣлано, значитъ не что иное, какъ произвести въ сознаніи условія, допускающія возрожденіе того психологическаго состоянія, которое мы называемъ реальностью

или долгомъ. Логика не создаетъ этихъ состояній, она ихъ предполагаетъ. Поэтому, чтобы она намъ доказала какой-нибудь долгъ, нужно, чтобы долгъ былъ намъ уже данъ ранѣе; она можетъ только дать намъ, такъ сказать, его почувствовать. Однимъ словомъ, можно насъ заставить признать долгъ также какъ и бытіе, но ни того, ни другого нельзя вывести изъ чисто-логическихъ построений. Поэтому, ни первое бытіе, ни первый долгъ никогда не могутъ быть доказаны. Моралистъ можетъ выводить частные случаи долга изъ одного разъ уже установленнаго долга, какъ стремленіе къ общему счастью, послушаніе волѣ Божіей, стремленіе къ развитію личности; но невозможно сказать, откуда выводится въ свою очередь этотъ первый долгъ. Въ ряду обязанностей каждый отдѣльный членъ заимствуетъ свое значеніе отъ слѣдующаго члена, но послѣдній членъ, на которомъ лежитъ, такъ сказать, отвѣтственность за весь рядъ, ускользаетъ отъ всякой дедукціи. Онъ похожъ на тѣ аксіомы, которыя служатъ для доказательства всего, но сами не доказываются. Долгъ есть абсолютъ, т. е. это значитъ, что онъ не имѣетъ логическаго основанія.

Это логическое свойство отвлеченнаго понятія долга есть символъ психологическаго свойства содержащихся въ немъ частныхъ. Присущая имъ особенность есть то, что онѣ не имѣютъ объясненія въ сознаніи. Сознаніе не восходитъ далеко въ ряду причинъ, позволяющихъ объяснить, почему такое-то дѣйствіе есть долгъ. Причины эти какъ-бы теряются въ многообразіи общественныхъ отношеній прошедшихъ и настоящихъ. Множество интересовъ и чувствъ, изъ борьбы или ассоціаціи которыхъ образуются формы нашей моральной дѣятельности, слишкомъ велико для того, чтобы дать возможность уму остановиться на одномъ опредѣленномъ представленіи; оно остается за порогомъ сознанія, давая такимъ образомъ обоснованнымъ имъ обязанностямъ видъ фактовъ первичныхъ, ни на чемъ не основанныхъ, причина которыхъ заключается въ нихъ самихъ. Въ силу этого они пріобрѣтаютъ священный авторитетъ; потому что мы

идеализируемъ все то, что темно и неизвѣстно. Моральная сила нашихъ обязанностей заключается не въ знаніи, а скорѣе въ нашемъ невѣдѣніи всего того, что въ нихъ скрыто и подразумѣвается. Сознаніе резюмируетъ и собираетъ въ видѣ абсолютныхъ положеній относительныя необходимости, создаваемые ходомъ исторіи. Только то кажется намъ чисто моральнымъ, что сохраняетъ этотъ мистическій характеръ. Мы приписываемъ тогда ему причины, не феноменальныя, а трансцендентныя и безусловныя. Оба крайніе термина, между которыми заключается вся моральная дѣятельность, составляющіе исходную точку и послѣднюю цѣль, свобода и долгъ, выражаютъ, каждый по своему, это-же самое чувство. Психологическія причины, обуславливающія необходимость нашихъ обязанностей, исчезаютъ въ безсознательномъ; остается одна необходимость, какъ наслѣдіе, кажущееся намъ, если можно такъ выразиться, падающимъ съ неба. Поэтому-то моральные принципы намъ и представляются какъ бы безусловными. Такимъ образомъ исторія состояній нашего духа отражаетъ въ себѣ или скорѣе освѣщаетъ наши усилія и наше логическое безсиліе. Въ самомъ дѣлѣ, будучи предоставлена самой себѣ, логика не указываетъ намъ ни на какой долгъ. Основанія различныхъ системъ морали заранѣе предполагаютъ тотъ идеалъ, который они хотятъ установить; такъ, напр., принципъ золотой середины предполагаетъ, что то, что морально, уже опредѣлено фактически. Это происходитъ оттого, что разстояніе, отдѣляющее насъ отъ одного крайняго пункта, опредѣляется ни чѣмъ другимъ, какъ разстояніемъ, на которомъ мы должны находиться отъ другого; а послѣднее есть въ свою очередь функція перваго. Стало-быть, желать вывести правило изъ принципа золотой середины, все равно, что желать опредѣлить положеніе точки съ помощію двухъ перемѣнныхъ величинъ, изъ которыхъ каждая есть функція другой*). Неподвижная точка есть всегда моральный идеалъ, ра-

*) Einleitung, I, 48.

нѣе констатированный. Нравственные принципы суть только аналитическія формулы этой данной реальности. Наполненіе пустыхъ формулъ логики беретъ на себя исторія.

Исторія дѣлаетъ это сотней различныхъ способовъ. Иногда долгъ рождается изъ принужденія. Извѣстное дѣйствіе, которое сначала дѣлается по принужденію, исполняется послѣ по совѣсти. Иногда бываетъ, что извѣстная цѣль обуславливаетъ собою данную форму нашей дѣятельности; цѣль исчезаетъ, а форма остается. Часто, наконецъ, долгъ происходитъ просто въ силу голаго факта. Иногда достаточно того, что извѣстная вещь существуетъ давно, чтобы она казалась намъ имѣющею право на существованіе, обязательнаго для насъ. При этомъ проявляется нѣкотораго рода привычка сознанія, аналогичная съ индукціей: по тому, что какой нибудь фактъ часто повторяется, думаютъ, что онъ долженъ повторяться и дальше. Дѣйствіе часто намъ кажется объясненнымъ и оправданнымъ, если мы только констатируемъ, что оно обычно, что „такъ дѣлается“. Мы говоримъ, что дѣйствіе „нормально“, и это слово выражаетъ одновременно, что данное дѣйствіе есть и фактъ и обязанность, фактъ для совокупности отдѣльныхъ личностей, для общества, для расы,—обязанность для каждой личности въ отдѣльности. Идея расы, о которой часто говорится, что она есть идеаль для индивида, есть не что иное какъ сводъ реальныхъ качествъ этой расы, открываемыхъ исторіей. Идеаль опредѣляется дѣйствительностью. Что есть, то должно быть, — родъ нравственнаго плеоназма, который какъ-бы иллюстрируется метафизиками, опредѣляющими зло посредствомъ не-бытія и требуя отъ насъ отрицанія того, что не существуетъ. Между долгомъ и бытіемъ исторія часто устанавливаетъ такое-же отношеніе тождества. Но она можетъ установить и противоположное отношеніе. И это самое доказываетъ конечно чисто-формальный характеръ долга, который можетъ быть наполненъ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ. Отсутствіе реальности столь-же

часто создаетъ обязанности какъ и реальность. То чего нѣтъ, то есть идеаль. Такимъ образомъ, мы цѣнимъ и идеализируемъ иногда то, что имѣемъ, иногда то, чего у насъ нѣтъ, иногда настоящее, иногда прошедшее, или будущее. Долгъ противодѣйствуетъ факту. Нравственные наклонности заставляютъ людей протестовать противъ существующей дѣйствительности, становиться на сторону меньшинства противъ большинства, противопоставлять идеѣ ихъ расы ихъ собственный личный идеаль. Прекраснѣйшіе моральные порывы возникли изъ сопротивленія обыденной морали, изъ отрицанія факта. Такимъ образомъ мораль дѣлается духомъ оппозиціи такъ же, какъ и консервативнымъ духомъ. Подобно тому, какъ наше познаніе одновременно сознаетъ и принципъ постоянства и принципъ измѣнчивости, слѣдуя какъ ученію элеатовъ, такъ и ученію Гераклита, подобно тому какъ организмъ нашъ заключаетъ въ себѣ и способность самосохраненія и способность примѣненія къ окружающимъ условіямъ, точно также и наша мораль получаетъ свое содержаніе съ одной стороны изъ того, что есть, потому что это есть, а съ другой изъ того, чего нѣтъ, потому что этого нѣтъ. Какъ любовь рождается отъ πόρος и πενία, такъ долгъ происходитъ отъ бытія и не-бытія.

Но это бытіе и не-бытіе, образующія долгъ, суть для г. Зиммеля психологическіе факты, а не метафизическія идеи. Метафизическія идеи, образы и символы заимствуютъ всю свою жизненность отъ историческихъ реальностей. Нельзя лучше объяснить какое нибудь понятіе, какъ открывая соціальныя и психологическія отношенія, выраженіемъ которыхъ оно служить. Такъ для того, чтобы понять идею свободы, надо знать реальные виды свободы и ихъ отношенія къ правамъ и къ власти*). Такимъ образомъ психологическій анализъ обязанностей указываетъ на причины неопредѣленности понятія долга. Онтологіей нельзя объяснить ходъ исторіи; исторія, напротивъ, можетъ объяснить ходъ онто-

*) *Einführung*, II, стр. 131—205.

логическихъ процессовъ. Поэтому, наука морали должна замѣнить логическое умозрительное разсужденіе дѣйствительнымъ наблюденіемъ.

Въ своей критикѣ идеи долга, Зиммель иногда, повидимому, сходится во взглядахъ съ натуралистическими ученіями о нравственности; но это только минутный союзъ. Зиммель также строго относится къ теоретикамъ эгоизма, какъ и къ теоретикамъ долга. Критика идеи эгоизма*) объяснить намъ, какое онъ хочетъ занять мѣсто, чтобы стать выше всѣхъ частныхъ системъ морали, открывая въ каждой изъ нихъ, съ равнодушіемъ свойственнымъ наукѣ, одинаковыя претензіи и одинаковыя ошибки.

Для созданія теоріи эгоизма, опираются на знаніе или природы или духа.

Намъ говорятъ, что жизнь, проявляясь во всѣхъ своихъ формахъ, научаетъ насъ тому, что эгоизмъ естественнѣе альтрьюизма. Послѣдній есть лишь исключеніе, даже болѣе того—лишь кажущееся явленіе. Чтобы объяснить его, надо привести его къ эгоизму. Такимъ образомъ, косвенно воздается похвала эгоизму; признавая его естественнымъ, съ нимъ легко примиряются, ему покоряются и на альтрьюизмъ смотрятъ какъ на настоящее безуміе: бороться противъ эгоизма, все равно что бороться, напр., противъ принципа причинности. Такимъ образомъ эгоизмъ утверждается сначала какъ фактъ, а потомъ какъ идеаль. Но что значитъ это утвержденіе: „эгоизмъ естественнѣе альтрьюизма“? Оно можетъ значить или то, что онъ общѣе, или то, что онъ первобытнѣе, или то, что онъ проще.

Имѣетъ-ли онъ болѣе общій характеръ? Прежде всего критическая психологія указываетъ намъ на то затрудненіе, которое испытывается при его опредѣленіи и констатированіи. Не говоря о лицемѣріи, которое иногда обманываетъ само себя, въ умѣ, въ каждый моментъ нравственной жизни, образуется такая комбинація мо-

*) *Einleitung*, I, 85—212.

тивовъ сознательныхъ и безсознательныхъ, что само лицо, производящее дѣйствіе, по большей части не можетъ точно опредѣлить его качество. Эгоистъ не изолированъ и не выводитъ изъ себя одного цѣль, а потомъ и средства своей дѣятельности. Допуская, что цѣль его вначалѣ вполне индивидуальна, все же онъ чаще всего можетъ достичь ее только съ помощью общества. Только общество посредствомъ своихъ законовъ и своего торговаго обращенія обезпечиваетъ ему пріобрѣтеніе и пользованіе тѣмъ, чего онъ желаетъ. Оно поневолѣ заставляетъ его пройти черезъ свои учрежденія и свои обычаи; изъ нихъ онъ выходитъ превращеннымъ. Общественныя средства реагируютъ на личную цѣль, исполненіе на намѣреніе; такъ какъ слѣдуя закону, управляющему всей исторіей морали, средства незамѣтно становятся цѣлями. Такимъ образомъ эгоизмъ и альтрюзизмъ, какъ-бы противъ своей воли, смѣшиваются, и въ этой смѣси невозможно различить, который изъ двухъ естественнѣе.

Или, можетъ быть, эгоизмъ хронологически существуетъ раньше альтрюзизма? Но, во-первыхъ, „раньше“ еще не значитъ „естественнѣе“. На этомъ основаніи пришлось бы сказать, что голодъ естественнѣе, чѣмъ любовь. А затѣмъ, если бы ужъ надо было непременно выбирать, что раньше, то пришлось бы, можетъ быть, признать, что альтрюзизмъ первобытнѣе эгоизма. Въ самомъ дѣлѣ, подъ именемъ первобытныхъ людей мы можемъ разумѣть только людей, уже соединенныхъ въ общество (человѣкъ, который не былъ бы общественнымъ животнымъ, настолько бы различался отъ насъ всѣми своими свойствами, что за нимъ трудно было бы сохранить названіе человѣка). Между тѣмъ, общества, чѣмъ они примитивнѣе, чѣмъ менѣе организованы и болѣе подвергаются опасностямъ, тѣмъ болѣе они требуютъ отъ каждаго изъ своихъ членовъ самопожертвованія, самоотреченія въ виду общей цѣли, т. е. альтрюзизма.

Или скажутъ, что эгоизмъ есть принципъ болѣе про-

стой, болѣе непосредственный, что поэтому въ немъ заключается объясненіе другого принципа, и на него слѣдуетъ смотрѣть какъ на принципъ, предназначенный для разъясненія науки морали. Но, во-первыхъ, простота не всегда есть доказательство реальности. Ошибочно думать, что природа дѣйствуетъ всегда самыми простыми путями. А затѣмъ объясненіе социальныхъ и моральныхъ фактовъ эгоизмомъ кажется удовлетворительнымъ лишь до тѣхъ поръ, пока остаются при атомистическомъ возрѣніи на общество. Оно покажется черезчуръ „простымъ“ для того, кто припомнитъ, какимъ безчисленнымъ множествомъ социальныхъ дѣйствій обусловлено происхожденіе каждаго индивидуальнаго дѣйствія. Въ сущности альтрьюизмъ былъ направляющею гипотезой, которой социальные науки были обязаны своими послѣдними успѣхами. У насъ, поэтому, не остается никакого основанія думать, что онъ менѣе естествененъ, чѣмъ эгоизмъ.

Правду сказать, такой эпитетъ, какъ естественный не опредѣляетъ никакого характера. Онъ или есть чистая форма и тогда, прилагаясь ко всему, онъ не можетъ служить для различенія чего бы то ни было. Или онъ прилагается только къ нѣкоторымъ явленіямъ и имѣетъ свое содержаніе, но въ такомъ случаѣ это содержаніе дается ему извнѣ, будучи доставляемо исторіей, а не создаваемо логикой. Тоже самое можно сказать и о разумѣ, который иногда противопоставляютъ природѣ подобно тому, какъ нравственность эгоизму. Или разумъ принимается въ своемъ опредѣленномъ значеніи, въ смыслѣ способности разсуждать и дѣлать выводы и тогда, говоритъ Зиммель *), я, вопреки Канту, спрашиваю, что можетъ быть общаго между моимъ рѣшеніемъ предпочесть выгоды другихъ моимъ собственнымъ и способностью выводять изъ извѣстныхъ посылокъ заключеніе. Или же въ понятіе разума включается понятіе сознанія и души. Въ такомъ случаѣ запоздалыя различія, вводимыя потомъ въ это смѣшеніе, имѣютъ уже не логическое,

*) *Einleitung*, I, 99.

а историческое и психологическое происхождение. Разумъ—средство философовъ,—становится ихъ цѣлью въ силу того же закона, на дѣйствіе котораго мы уже много разъ указывали. Въ результатѣ выходитъ, что, разсуждая логически, эгоистическая жизнь не менѣе разумна, какъ и жизнь моральная, а съ другой стороны она не болѣе какъ естественна. И разумъ и природа суть абстракціи одинаково пустыя. Дѣйствительность безконечно превосходитъ наши отвлеченія, и поэтому-то она съ одинаковою щедростію служитъ и тѣмъ и другимъ. Она одинаково примѣняется и къ пессимизму и къ оптимизму; мы можемъ въ ней найти противорѣчіе или гармонію, примѣры альтруизма точно такъ же, какъ и эгоизма, возвышеніе личности рядомъ съ ея униженіемъ. Она ничему насъ не учитъ, потому что учить всему. Поэтому, теорія эгоизма не можетъ быть основана на наблюденіи.

Нельзя ли попробовать ее вывести изъ теоріи познанія? Можно, напр., сказать: я не могу выйти изъ самого себя. Всякая воля, какъ и всякое представленіе, принадлежитъ моему я. Я могу желать только моихъ цѣлей. Интересъ другихъ касается меня лишь черезъ посредство моего интереса, такъ какъ я могу его себѣ представить только въ моемъ представленіи. Но говорить такъ значитъ ничего не объяснять. Заключенные оба въ субъектѣ, эгоизмъ и альтруизмъ продолжаютъ быть противоположными; если и будетъ доказано, что всякій объектъ находится въ субъектѣ, то это никоимъ образомъ не уничтожаетъ различія, существующаго въ самомъ субъектѣ между субъективнымъ и объективнымъ, или, если угодно, между болѣе и менѣе субъективнымъ. Поэтому, субъективность моихъ мотивовъ никоимъ образомъ не опредѣляетъ ихъ моральности. Это опять-таки форма, изъ которой не выводится никакого содержанія. Доказательствомъ этому служитъ то, что изъ этой самой формы выводились самыя разнообразныя содержанія. Изъ нашего я, въ которое вложили всю реальность, выводятся правила самыя противоположныя.

Идеализмъ, повидимому, признаетъ и утверждаетъ то эгоизмъ, то альтрюзизмъ. По мнѣнію Шопенгауэра, если разъ я призналъ, что страданія другихъ суть и мои страданія, то я уже не могу быть эгоистомъ; но я съ другой стороны могу сказать, что самое это тождество не дастъ мнѣ никакого основанія для того, чтобы приносить мое собственное счастье въ жертву чужому счастью. Такимъ образомъ теорія познанія не можетъ не только требовать, но даже и опредѣлить эгоизма или альтрюзизма. Въ самомъ дѣлѣ, наше я, составляющее исходную точку для этихъ выводовъ, есть форма особенно пустая, въ которую могутъ войти всякіе элементы.

Эти элементы, порожденные ходомъ исторіи, которые то противодѣйствуютъ другъ другу, то организуются вмѣстѣ, и суть дѣйствительные факторы нравственности, и сложность ихъ отношеній такова, что не поддается опредѣленію посредствомъ отвлеченій моральныхъ теорій. Общество, т. е. соединеніе отдѣльныхъ личностей, навязываетъ имъ свою волю. Проявленіе этой воли какъ бы резюмируется въ требованіяхъ нашей совѣсти: мы должны повиноваться возможно наибольшей суммѣ этихъ волевыхъ импульсовъ. Но конечная цѣль ихъ взаимодѣйствія ускользаетъ отъ насъ; они, такъ сказать, перелагаютъ отвѣтственность другъ на друга. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что долгъ нашъ въ дѣйствительности основывается на безконечной обратной прогрессіи, т. е. на логической ошибкѣ. Но этой логической ошибкѣ соответствуетъ извѣстный психологическій образъ дѣйствія. Для нашего сознанія безконечно регрессирующій рядъ по необходимости останавливается на какой-нибудь точкѣ, сохраняя за обязанностями, которыя онъ долженъ былъ объяснить, лишь неясный и неопредѣленный характеръ. Неопредѣленность эту трудно устранить, такъ какъ сознаніе наше не только представляетъ одну равнодѣйствующую волевыхъ импульсовъ, которыхъ мы не можемъ измѣрить ни числа, ни силы, но она представляетъ намъ одновременно нѣ-

сколько равнодѣйствующихъ такихъ волевыхъ импульсовъ, которые различны и даже иногда противоположны. Соціальные круги, въ составъ которыхъ мы входимъ, пересѣкаются въ нашемъ моральномъ сознаніи, такъ что мы не можемъ опредѣлить, имѣетъ ли данное дѣйствіе эгоистическій, или альтруистическій характеръ, потому что, будучи проявленіемъ альтруизма по отношенію къ одному изъ этихъ круговъ, напр., къ семьѣ или общинѣ, оно можетъ быть эгоистично по отношенію къ другому кругу: къ отечеству или человечеству. Бываютъ и такіа дѣйствія, которыя съ еще бѣльшей очевидностью не могутъ быть подведены подъ эти qualificacіи, такъ какъ они опредѣляются уже не интересомъ дѣйствующихъ лицъ, а любовью къ объекту дѣйствія, напр., чистой идеей добра. Такимъ образомъ дѣйствительность тысячами способами ускользаетъ отъ этихъ абстракцій. Слова эгоизмъ и альтруизмъ могутъ являться для насъ только какъ обозначенія *a potiori*, а не въ качествѣ понятій, на которыхъ можетъ быть основана наука морали.

Источникъ этихъ отвлеченій, изъ которыхъ пытаются вывести все многообразіе нравственныхъ фактовъ, есть вѣра въ личное я, единое и неизмѣнное. Изъ этого я желаютъ вывести то эгоизмъ, то моральный долгъ. При этомъ не замѣчаютъ того, что это я, единственно имѣющее важность для морали, есть само нечто иное какъ точка пересѣченія соціальныхъ круговъ. Даже и тогда, когда оно становится въ оппозицію съ окружающимъ его обществомъ, все же его личная самостоятельность и независимость зависятъ отъ законовъ общественнаго дифференцированія и суть слѣдствія расширенія и умноженія тѣхъ группъ, къ которымъ принадлежитъ данная личность *). Моральныя направленія суть равнодѣйствующія движеній, идущихъ съ различныхъ сторонъ. Специальное изученіе этихъ разнообразныхъ, составляющихъ реальное я, должно замѣнить собою умо-

*) *Ueber Sociale Differenzierung.*

зрительныя разсужденія объ отвлеченномъ я. Уступая стремленію къ единству, умозрѣніе пытается привести моральную дѣйствительность къ одному принципу. Оно не можетъ остановиться на разныхъ цѣляхъ, которыя для человѣческой дѣятельности ставятся исторіей; оно желаетъ поставить выше всѣхъ ихъ конечную цѣль, изъ которой должны вытекать всѣ прочія. Такимъ образомъ, заботясь лишь о томъ, чтобы заключить всю нравственность между единственной причиной и единственной цѣлью, оно отрицаетъ разнообразіе происхожденія и назначенія этическихъ явленій. Это и есть тотъ первоуродный грѣхъ всѣхъ абстрактныхъ теорій морали, который Зиммель называетъ этическимъ монизмомъ.

Размышленія Зиммеля о столкновеніи разныхъ видовъ долга *), укажутъ намъ, какимъ образомъ онъ возражаетъ противъ самаго принципа этого монизма, не только противъ той или другой опредѣленной его формы.

Уже одного факта столкновенія обязанностей, по мнѣнію Зиммеля, достаточно для всякаго ума, непредубѣжденнаго какимъ-нибудь безусловнымъ требованіемъ, чтобы исключить изъ науки морали монистическій постулатъ. Наблюденіе „реальныхъ“ моральныхъ „силъ“ показываетъ намъ, что такое столкновеніе не всегда бываетъ, какъ бы этого требовалось по теоріи, только кажущимся или случайнымъ, или временнымъ состояніемъ. Въ числѣ общественныхъ группъ, съ которыми мы связаны и интересы которыхъ могутъ въ нашемъ сознаніи вступить въ борьбу между собою, или съ нашими собственными интересами, есть такія, для которыхъ эта борьба составляетъ, такъ сказать, основаніе ихъ существованія. Извѣстная соціальная форма появляется только *противъ* извѣстной другой. Часто бываетъ даже, что родственныя общественныя формы, имѣющія общее происхожденіе, какъ, напр., семья и государство, принуждены въ силу своего историческаго развитія противо-

*) *Einleitung*, II, стр., 188—426.

поставлять другъ другу ихъ моральныя требованія, при чемъ ни одна сторона не можетъ отказаться отъ своихъ. Такъ возникаютъ въ сознаніи отдѣльной личности существенные конфликты, не имѣющіе логическаго разрѣшенія. Чувство этихъ неразрѣшимыхъ противорѣчій и есть, можетъ быть, величайшее трагическое чувство. Мы убѣждены, что они переживаютъ тѣхъ, кто ихъ чувствуетъ, и кто умираетъ за нихъ: борьба политическихъ и религіозныхъ законовъ не умерла вмѣстѣ съ Антигоной. Съ другой стороны и породившіе эти конфликты общественныя формы могутъ исчезнуть, не устранивши ихъ. Для того, чтобы общественныя группы боролись въ нашемъ сознаніи, не требуется, чтобы онѣ были живы. Духъ ихъ остается и вступаетъ въ борьбу съ новымъ духомъ. Такъ понятія прошлаго времени сохраняются въ нашемъ чувствѣ и ежечасно противодействуютъ понятіямъ настоящаго времени, доставляемымъ намъ нашими умственными способностями. Наши знанія идутъ впередъ быстрѣе, чѣмъ наши чувства. Когда наши теперешнія понятія, соотвѣтствующія состоянію нашего знанія, уйдутъ въ безсознательность и получаютъ характеръ чувствъ, тогда наше знаніе будетъ уже впереди. Такимъ образомъ эти двѣ силы, чувство и умъ, изъ которыхъ одна часто бываетъ лишь произведеніемъ и превращеніемъ другой, слѣдуютъ одна за другой на всемъ пути исторіи нравственности, и борьба ихъ возобновляется на каждомъ пунктѣ ихъ наступательнаго движенія. Такъ умъ часто будетъ являться разрушителемъ всей морали, и Сократъ будетъ признанъ развратителемъ. Такъ наше поведеніе, смотря по точкѣ зрѣнія, будетъ казаться то болѣе, то менѣе морально, чѣмъ наше умственное пониманіе. Такъ, наконецъ, мы постоянно будемъ дѣлиться между моральнымъ желаніемъ повиноваться этимъ неяснымъ импульсамъ, которые кажутся намъ священными и возвратиться къ дѣйству, и желаніемъ дѣйствовать раціонально, соображая свою жизнь съ законами и съ результатами нашей науки; это есть борьба безпрестанно возобновляющаяся

и которая не можетъ быть устранена ни логическимъ разсужденіемъ, ни научнымъ изслѣдованіемъ, ни даже самой исторіей.

Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, что требованіе логическаго единства не только не утишаетъ спора, но чаще всего возбуждаетъ его. Двѣ противоположныя обязанности могутъ спокойно уживаться рядомъ въ нашемъ умѣ. Но когда мы захотимъ привести ихъ къ одному единственному долгу, то ихъ несовмѣстимость обнаруживается. Насъ непріятно поражаетъ отрывочный, несистематическій характеръ, придаваемый моральной дѣятельности одновременнымъ существованіемъ вмѣстѣ многочисленныхъ обязанностей, мы пытаемся сократить ихъ число, организовать ихъ и обращаемся къ нимъ съ логикой. Неудобства становятся тогда противорѣчіями. Наконецъ, даже и самый монизмъ въ этомъ случаѣ вызываетъ свою противоположность.

Но если не чистая логика, то наука не можетъ-ли измѣрить количества благъ, содержащихся въ каждой изъ противоположныхъ обязанностей, и разрѣшить задачу путемъ вычисленія? Такъ, напр., распредѣливъ наши различныя обязанности по общественнымъ кругамъ, заключающимъ въ себѣ ихъ источники и цѣли, не могла бы она опредѣлить самый широкій изъ нихъ какъ высшій, сравнительно съ прочими? Къ несчастію нельзя ограничиться измѣреніемъ обширности сферъ послѣдствій нашихъ моральныхъ дѣйствій и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшить, что лучшимъ дѣйствіемъ будетъ то, сфера котораго всего шире, что напр., всякая обязанность по отношенію къ человѣчеству математически предпочтительнѣе всякой обязанности относительно семьи. Нужно вмѣстѣ съ тѣмъ измѣрить и интенсивность послѣдствій нашихъ моральныхъ дѣйствій и разсмотрѣть не будетъ-ли добро, которое мы дѣлаемъ существамъ менѣе многочисленнымъ, но сильнѣе его чувствующимъ, уравновѣшено съ тѣмъ добромъ, которое мы дѣлаемъ существамъ болѣе многочисленнымъ, но чувствующимъ его менѣе сильно; нужно произвести сложеніе размѣровъ

и интенсивностей и потомъ сравнить суммы. Но эти дѣйствія невозможны: приведеніе вопросовъ къ количественнымъ задачамъ полезно тогда, когда дѣло идетъ о вещахъ, могущихъ быть дѣйствительно и точно измѣренными; во всѣхъ другихъ случаяхъ оно только удваиваетъ затрудненія.

Могутъ, наконецъ, сказать, что сама исторія своимъ прогрессивнымъ движеніемъ должна уничтожить столкновенія обязанностей и такимъ образомъ мало-по-малу осуществить моральный монизмъ. Но исторія, напротивъ, только увеличиваетъ число общественныхъ круговъ религіозныхъ, умственныхъ, торговыхъ, къ которымъ принадлежатъ отдѣльныя личности, и воздвигаетъ индивидуальность послѣднихъ лишь на основаніи возрастающей противоположности между самими этими кругами. Вслѣдствіе этого долгъ личностей становится уже не такимъ сравнительно простымъ, яснымъ, съ однимъ направленіемъ, какъ это было въ тѣ времена, когда индивидъ былъ объединенъ съ обществомъ. Возрастающее дифференцированіе общественныхъ элементовъ и соотвѣтствующее ему распаденіе психологическихъ элементовъ въ сознаніи, вообще всѣ законы параллельнаго развитія обществъ и отдѣльныхъ личностей клонятся, повидимому, скорѣе къ увеличенію, чѣмъ къ уменьшенію числа и значенія этихъ конфликтовъ. Въ самомъ дѣлѣ, исторія, дѣлая болѣе многочисленными объекты морали, въ то же время дѣлаетъ болѣе чувствительными ея субъектовъ.

Такимъ образомъ постулатъ нравственнаго монизма опровергается установленіемъ факта существованія нравственныхъ конфликтовъ. Что между этими противодѣйствующими силами, направляющимися съ разныхъ концовъ исторіи, существуетъ скрытое единство—это есть метафизическая гипотеза и какъ бы догматъ отвлеченныхъ теорій морали. Можно отрицать эти противодѣйствія практически, по приказу, въ силу безусловнаго нравственнаго требованія, но мы не имѣемъ никакого права теоретически, *a priori*, заявлять о томъ, что разно-

образіе моральныхъ силъ можетъ быть сведено къ одному принципу. Требованіе, чтобы всѣ наши дѣйствія управлялись однимъ принципомъ, можетъ быть высказано моралистомъ - реформаторомъ. Но это требованіе не можетъ служить исходной точкой для того, кто хочетъ создать науку морали. Если монистическій постулатъ считается какъ бы основаніемъ этой науки, то это лишь потому, что въ вопросахъ морали практика и теорія до сихъ поръ еще перемѣшиваются и не различаются. Последняя изъ наукъ, наука морали, находится еще въ такомъ безформенномъ состояніи, которое не позволяетъ ей выйти изъ метафизическаго фазиса и вслѣдствіе котораго неясныя понятія, представляющія собою неопредѣленную смѣсь императивовъ и абстракцій, скрываютъ за собой этическую дѣйствительность. Установить коренное различіе между практикой и теоріей и за тѣмъ доказать спутанность обычныхъ понятій, наконецъ, замѣнить дѣлаемые изъ этихъ понятій выводы точнымъ наблюденіемъ историческихъ, соціальныхъ и психологическихъ силъ, въ согласномъ дѣйствіи или борьбѣ которыхъ и состоитъ вся моральная жизнь, — такова задача Зиммеля, выполняемая имъ во введеніи къ новой наукѣ.

II.

Чтобы опредѣлить величину задачъ и средствъ этой науки, мы сравнимъ ея основанія съ общими основаніями общественныхъ наукъ въ Германіи.

Прежде всего мы замѣтимъ, что она совершенно не входитъ въ рамки естественныхъ наукъ. Для Зиммеля идея науки вообще и идея естественной науки имѣютъ между собою историческую, а не необходимую логическую связь. Болѣе чѣмъ кто-либо проникнутый духомъ критики, онъ предостерегаетъ науку морали отъ вторженій натурализма. Онъ доказываетъ, что сама природа не всегда подтверждаетъ гипотезы эволюционистовъ, что положеніе, будто бы она дѣйствуетъ всегда самыми простыми средствами, есть лишь метафизическій постулатъ,

что эгоизмъ не есть общій законъ, что борьба за существованіе не есть единственное разрѣшеніе и логическое послѣдствіе конкуренціи; а разъ доказавши это, ему уже не трудно, *a fortiori*, доказать, что эти такъ называемые естественные законы чаще всего и какъ бы систематически опровергаются моральными фактами.

Притомъ, въ болѣе общемъ смыслѣ, всякая исторія должна искать своихъ законовъ не въ біологіи, а въ психологіи. Внѣшнія явленія лишь по столько имѣютъ значенія въ глазахъ историка, по сколько они представляютъ собою связующія звенья между душами. Такъ называемыя матеріалистическія философіи исторіи тщетно пытаются отвлечься отъ психологическихъ явленій. Голодъ не двигалъ бы экономическимъ міромъ, если бы онъ не чувствовался. Съ другой стороны почва и климатъ земли были бы столь-же безразличны для исторіи, какъ и почва и климатъ Сириуса, если-бы они прямо или косвенно не вліяли на психологическій складъ народовъ *). Значитъ, намъ для пониманія исторіи по неволѣ приходится знать чувства, т. е. воспроизводить ихъ въ себѣ. Душа есть одновременно и субъектъ и объектъ исторіи **). И точно также, какъ эстетическій реализмъ по необходимости скрываетъ въ себѣ нѣкоторый идеализмъ, такъ самая объективная, самая эмпирическая, наиболѣе уважительно относящаяся къ „фактамъ“ исторія не можетъ обойтись безъ психологическихъ гипотезъ, посредствомъ которыхъ мы воскрешаемъ идеи. Ранке выражалъ желаніе отрѣшиться отъ своего я, чтобы знать вещи такъ, какъ онѣ происходили въ дѣйствительности. Но если-бы его желаніе могло быть исполнено, то его знанія потеряли бы всякую цѣну. Наше я съ его чувствами и идеями есть необходимый посредникъ, съ помощію котораго мы представляемъ идеи и чувства другихъ личностей, составляющихъ причину исторіи. Это обстоятельство дѣлаетъ, конечно,

*) *Die Probleme der Geschichtsphilosophie*, стр. 2.

**) *Ibid.*, стр. 18.

чрезвычайно труднымъ и рѣдкимъ приобрѣтеніе объективныхъ историческихъ истинъ, — и Зиммель чувствуетъ это больше чѣмъ кто-либо. Тѣмъ не менѣе вѣрно, что безъ психологіи всякая исторія была бы неинтересна и непонятна.

Тѣмъ болѣе это вѣрно относительно науки морали. Эта наука требуетъ, чтобы рядомъ съ точнымъ наблюденіемъ событій методически предполагались-бы чувства, составляющія ихъ причину. Лишь слишкомъ узкая или слишкомъ отвлеченная психологія можетъ задержать прогрессъ знанія. Въ этомъ отношеніи взглядъ Зиммеля имѣетъ нѣкоторую аналогію съ тѣмъ представленіемъ, какое въ настоящее время имѣютъ о своей наукѣ нѣмецкіе экономисты *). Политическая экономія тоже утверждаетъ что она есть „прикладная психологія“ **). Этимъ направленіемъ объясняются почти всѣ ея отличительныя свойства. Новая школа упрекала англичанъ именно за психологическую ошибку. Впадая въ монизмъ, указанный Зиммелемъ, англійская школа пыталась вывести всѣ экономическіе факты изъ одного начала — эгоизма. Нѣмецкая школа расширила эту слишкомъ узкую психологію ***) и установила, что на тѣ же факты вліяютъ многія другія начала, какъ, напр., національный духъ или моральныя идеи. Однимъ словомъ она замѣняетъ одинъ принципъ, вытекавшій изъ отвлеченной психологіи, и который, не будучи достаточнымъ для объясненія дѣйствительности, — требовалъ ея переделки и превращался въ императивъ, многими различными принципами, которые, будучи найдены посредствомъ индукціи, въ состояніи будутъ объяснить разнообразіе экономическихъ явленій. То, что политическая экономія сдѣлала по отношенію къ эгоизму, то Зиммель

*) Въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ статей Зиммель самъ указываетъ на это сравненіе (*Jahrbuch für Gesetzgebung*, издаваемый Г. Шмоллеромъ, 1894, тетр. 1).

**) Вагнеръ, *Grundlegung der Politischen Oeconomie*, стр. 15.

***) Срав. Шмоллеръ, *Litteraturgeschichte der Staats und Socialwissenschaft*, стр. 282.

желалъ бы, чтобы новая наука сдѣлала для всѣхъ моральныхъ понятій. И подобно тому какъ первая подъ отвлеченіями англійской школы находила въ экономической жизни дѣйствіе силъ всякаго рода, въ томъ числѣ и моральныхъ, послѣдняя должна посредствомъ психологіи подъ абстракціями моральныхъ теорій найти реальные силы всякаго происхожденія, согласное дѣйствіе или борьба которыхъ составляетъ моральную жизнь.

При этомъ Зиммель понимаетъ, что эта психологія должна быть общественною, и чтобы объяснить моральные чувства, она должна сначала изучить дѣйствіе группы на индивидуума. Въ немъ виденъ ученикъ Лаксаруса и Штейнталя. Посредствомъ остроумнаго сравненія онъ поясняетъ намъ, какое значеніе въ настоящее время имѣютъ въ глазахъ науки морали отношенія, соединяющія отдѣльную личность съ обществомъ. Онъ сравниваетъ послѣднее съ Богомъ *) и показываетъ, что развитіе общественныхъ наукъ позволяетъ намъ видѣть во всякой религіозной идеѣ символъ соціальной реальности. Всѣ представленія, встрѣчающіяся въ идеѣ Бога какъ въ воображаемомъ фокусѣ, онъ выводитъ изъ дѣйствительныхъ соотношеній, существующихъ между обществомъ и личностью. Общество есть вездѣ-сущая сила, отъ которой зависитъ индивидъ, одновременно и отличная отъ него, и единая съ нимъ. Черезъ посредство прошедшихъ и настоящихъ поколѣній она вмѣстѣ и въ немъ, и внѣ его. Многообразіе непонятныхъ видовъ его воли заключаетъ въ себѣ начало всякой борьбы между существами, и однако оно представляетъ собою единство. Оно даетъ личности ея силы и вмѣстѣ съ тѣмъ ея обязанности: даетъ ей направленіе и требуетъ отъ нея отвѣтственности. Однимъ словомъ всѣ тѣ чувства, всѣ идеи и всѣ обязательства, которыя богословіе объясняетъ отношеніями человека къ Богу, объясняются соціологіей посредствомъ отношеній личности къ обществу. Послѣднее въ наукахъ морали играетъ роль божества.

*) *Einleitung*, I, стр. 445.

Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы въ идеѣ Зиммеля о могуществѣ общества было что-нибудь мистическое. Правда, что способы его дѣйствія чрезвычайно сложны, и что въ настоящее время ихъ можно уразумѣть лишь посредствомъ нѣкотораго рода вдохновенія, что пути его неизвѣстны; но наука морали именно и должна привести къ тому, чтобы освѣтить ихъ, послѣдствіемъ чего должно быть исчезновеніе всякой метафизики. Зиммель, еще больше чѣмъ Лацарусъ остерегается метафизики какъ идеалистической, такъ и натуралистической. Онъ почерпаетъ свои внушенія уже не у Герберта, а непосредственно у Канта. Привычки его ума представляютъ замѣчательное свидѣтельство вліянія, оказываемаго Кантомъ на большинство современныхъ нѣмецкихъ философовъ. Кантъ въ настоящее время въ Германіи является болѣе живымъ, чѣмъ его преемники. Онъ какъ-бы воскресъ послѣ упадка діалектической школы не столько для того, чтобы удержать данный ею импульсъ, сколько для того чтобы направить ее, возвратить ее на землю и посредствомъ разграниченія предметовъ и опредѣленія методовъ различить, что принадлежитъ метафизикѣ, что физикѣ и что психологіи. Къ нему возвращаются, чтобы избѣжать ошибокъ гегеліанства. Но въ то же время не примыкаютъ рабски къ его ученію, а передѣлываютъ его подъ давленіемъ извѣстныхъ вліяній, въ числѣ которыхъ можно найти вліяніе школъ діалектической, исторической и натуралистической. Зиммель представляетъ одинъ изъ примѣровъ такихъ передѣлокъ; онъ по своему перерабатываетъ кантовскія опредѣленія.

Всего болѣе онъ, повидимому, заботился о томъ, чтобы сдѣлать критику съ одной стороны болѣе психологическою, а съ другой болѣе историческою. Такимъ образомъ кантовское различеніе между *a priori* и *a posteriori* кажется ему слишкомъ абсолютнымъ. Между этими двумя крайностями и въ особенности въ сферѣ историческаго знанія онъ находитъ рядъ относительно-апріорныхъ сужденій, вытекающихъ изъ образователь-

ной способности ума, и которыя суть психологическія привычки, переходящія въ предвзятыя сужденія, въ формы и принципы *). Поэтому, онъ уже не находитъ нужнымъ радикально раздѣлить форму и содержаніе, показывая, что то, что вчера было содержаніемъ, сегодня становится формою, и что, то что съ одной точки зрѣнія будетъ содержаніемъ, съ другой будетъ формою **). Точно такъ же и между субъектомъ и объектомъ онъ находитъ цѣлый рядъ переходныхъ степеней. Кантъ останавливался на этихъ рѣзко-разграниченныхъ категоріяхъ, потому что у него не было того чувства осуществленія и развитія, которое научаетъ насъ, что все соединяется и смѣшивается. Между достовѣрнымъ знаніемъ, вѣроятнымъ знаніемъ, предположеніемъ и вѣрованіемъ существуютъ незамѣтные переходы. Знаніе не есть непременно или субъективное, или объективное: мы можемъ найти такія знанія, которыя болѣе или менѣе объективны, т. е. имѣютъ цѣну для большаго или меньшаго числа субъектовъ. Такимъ образомъ объективность механизма не противопоставляется уже безусловно субъективности конечной цѣли. Устанавливая это различіе, Кантъ слишкомъ много уступалъ наукамъ о природѣ и слишкомъ пренебрегалъ правами наукъ о духѣ. Для послѣднихъ телеологія можетъ быть объективной ***); цѣли въ нихъ не суть необходимо чистыя идеи познающаго субъекта, потому что онѣ могутъ реально существовать въ душѣ познаваемыхъ личностей. Эти науки, не ставя необходимо надъ явленіями одну единственную и трансцендентную цѣль, могутъ констатировать, что одинакія цѣли присущи множеству субъектовъ и что такимъ образомъ ими объясняется большое число историческихъ фактовъ. Однимъ словомъ, критическій духъ, примѣняясь въ рукахъ Зиммеля къ историческому духу, будетъ стремиться замѣнить различія и противоположности непрерывностью и развитіемъ.

*) *Die Probleme der Geschichtsphilosophie*, первая глава.

**) *Soziale Differenzierung*, стр. 18.

***) *Einleitung*, II, стр. 345—350.

Есть, однако, одна противоположность, которую Зиммель отмѣчаетъ, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ кто-либо изъ его современниковъ; это противоположность теоріи и практики, науки и дѣятельности. По его мнѣнію, именно ихъ смѣшеніемъ задерживается развитіе званія, и прогрессъ состоитъ въ ихъ раздѣленіи: худшій врагъ науки морали есть практическая мораль. Въ этомъ отношеніи Зиммель противоположенъ тѣмъ экономистамъ, съ которыми мы сейчасъ его сравнивали. Въ самомъ дѣлѣ, стремленію къ установленію нормъ жило и живетъ до сихъ поръ въ душѣ большинства нѣмецкихъ экономистовъ; они хотятъ вывести правила изъ исторіи, и Карлъ Менгеръ имѣлъ основаніе упрекать ихъ въ томъ, что они суть только лже-моралисты. Такъ, напр., Вагнеръ всегда ставитъ практическія задачи въ числѣ проблемъ экономической науки. Зиммель, напротивъ, отказывается формулировать какое бы то ни было правило и, рассуждая теоретически о томъ, что по существу своему относится къ практикѣ, т. е. о самой морали, желаетъ разъяснить смѣшеніе, установившееся въ соціальныхъ наукахъ между практикой и теоріей. Никакая этика, даже самая научная, не различала еще такъ отчетливо этихъ двухъ терминовъ. Штейнталь въ началѣ своей *Всеобщей этики* заявляетъ *) въ одномъ выраженіи, на которое Зиммель обращаетъ вниманіе для того, чтобы возразить противъ него **), что тотъ, кто занимается наукой морали, не можетъ подобно анатому оставаться равнодушнымъ и безпристрастнымъ по отношенію къ изучаемому имъ предмету и долженъ считать свойство обязательности требованій новой науки за отличительное и существенное ея свойство. То-же соединеніе практики и теоріи находится и въ *этикѣ* Вундта. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдняя не ограничивается констатированіемъ моральныхъ фактовъ, но приходитъ къ моральному заключенію, которое подготавливается отчасти эмпиризмомъ, отчасти умозрительными рассужде-

*) *Allgem. Ethik.*, стр. 5.

**) *Einleitung*, II, стр. V.

ніями. Перейдя черезъ различныя сферы: нравовъ, религій, этическихъ ученій, она въ свою очередь пыталась высказать свой *одинъ* идеаль, значить, она предполагала существованіе *одного* круга, обнимающаго все прочіе, *одного* человечества, *одного* долга *). Этимъ она приближалась къ монизму, подвергнутому критикѣ Зиммелемъ. Она устанавливала для нравственности единство, не оправдываемое фактами; она не достаточно отчетливо различала практику отъ теоріи, норму отъ объясненія. Различіе, установленное между нормативными и объяснительными науками, только способствовало этому смѣшенію. Дѣйствительно, Зиммель полагаетъ, что выраженіе *нормативная наука* составлено неправильно. Такъ называемыя нормативныя науки предполагаютъ данныя, какъ фактъ, правила и цѣли, но не могутъ ихъ создавать или доказывать. Поэтому, ихъ слѣдовало-бы называть науками о нормахъ, а не нормативными науками **), потому что, въ качествѣ наукъ, онѣ не ставятъ никакой цѣли для нашей дѣятельности. Онѣ могутъ или констатировать наши цѣли, или, если эти цѣли уже извѣстны, изыскивать средства, пригодныя для ихъ достиженія, но не могутъ открывать новыхъ цѣлей. Изъ этики какъ науки, говоритъ Зиммель, не вытекаетъ никакой новой обязанности. Только моралистъ, или реформаторъ нравовъ можетъ сказать: „такъ должно быть“, и установить моральную цѣнность дѣйствія, такъ какъ всякая такая оцѣнка есть дѣло чувства и воли, не поддающееся научному знанію, и наука не можетъ ни создать ее, ни доказать.

Однимъ словомъ, для созданія науки о добрѣ и злѣ нужно рѣшительно занять мѣсто въ самомъ добромъ и злѣ. Если-бы желали точно опредѣлить современныя вліянія, дѣйствующія на Зиммеля, когда онъ ставитъ этотъ научный идеаль, то, можетъ-быть, слѣдовало-бы обратиться къ сочиненіямъ Ницше. Въ нихъ можно найти критику метафизическихъ построеній, — этихъ гор-

*) Ср статьи г. Дюркгейма (*Revue philosophique*, 1887, стр. 141).

**) *Einleitung in die Moralkwissenschaft*, I, 221.

деливыхъ переводовъ обыденныхъ понятій, предназначенныхъ для оправданія практическихъ цѣлей, гдѣ смѣшаны знаніе и оцѣнка, — критику, къ которой приучаетъ насъ Зиммель. Тамъ-же можно найти и опредѣленіе того вида „аморализма“, въ который долженъ облечься ученый, чтобы быть въ состояніи изучать мораль какъ науку.

Можно предвидѣть, что достиженіе такого состоянія будетъ трудно. Опредѣливши научный идеалъ Зиммеля, мы укажемъ на тѣ затрудненія, которыя могутъ оказаться при его осуществленіи.

Можетъ-быть, трудно будетъ уразумѣть, какимъ образомъ наука морали предполагаетъ дойти до конца, сохраняя безпристрастіе и равнодушіе, изучить наши нравственные чувства, не измѣняя ихъ, и относиться къ нимъ по выраженію Зиммеля, не какъ врачъ, а какъ анатомъ. Можетъ-быть, это сравненіе будущей науки съ науками біологическими появляется здѣсь лишь для того, чтобы еще разъ заставить забыть условія и характеръ, свойственныя наукамъ о духѣ. Прежде всего можно сказать, что всякое знаніе въ извѣстномъ смыслѣ есть дѣйствіе, измѣняющее отношеніе субъекта къ объекту. Когда этотъ объектъ есть физическій предметъ, то самъ онъ не измѣняется вслѣдствіе акта его изученія; для зрѣнія анатома ткани могутъ оставаться неизмѣненными и послѣ ихъ изученія и объясненія. Напротивъ, актъ сознанія есть всегда одновременно и размышленіе, и дѣйствіе; если самъ сознающій субъектъ и есть объектъ познанія, то уже, наблюдая его, оно на него дѣйствуетъ. Сознаніе не можетъ ограничиться чистымъ наблюденіемъ психологическихъ движеній подобно тому, какъ чувствами только наблюдаются движенія физическія, не можетъ, потому что само оно входитъ въ составъ этихъ движеній. Какъ-бы мы не уменьшали его силу, хотя-бы мы признали, что участіе его въ исторіи морали безконечно мало въ сравненіи съ дѣйствіемъ безсознательныхъ силъ, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что извѣстные нравственные факты возникаютъ только отъ его присутствія,

что поэтому для него трудно—а еще труднѣе было-бы это для науки морали, которая являлась-бы какъ-бы общимъ сознаниемъ всѣхъ нравственныхъ чувствъ,—оставаться равнодушной къ порождаемымъ ею задачамъ.

Конечно, этого рода доказательствами злоупотребляли. Пущено было въ ходъ „разъѣдающее вліяніе анализа“. Отъ этого возникла съ одной стороны противъ интеллектуализма, съ другой—противъ научнаго наблюденія реакція, участниками которой мы не желали-бы быть. Зиммель справедливо указываетъ на ошибку считать всякую нравственную цѣнность, научно изслѣдованную, потерявшею свою цѣну. Слишкомъ часто насъ хотѣли увѣрить, что исторія, открывая намъ источники нашихъ нравственныхъ чувствъ, предлагаетъ намъ возвратиться къ этимъ источникамъ и, показывая намъ въ моральныхъ обязанностяхъ нѣкотораго рода хитрости или заговоръ общества противъ личности, научаетъ насъ не обманываться болѣе ими и возвратиться къ природѣ. Но этимъ такъ называемымъ природнымъ чувствамъ исторія не приписываетъ никакой абсолютной цѣнности; что они были раньше другихъ, этимъ вовсе не доказывається, что они были лучше. Всѣ нравственныя цѣнности, настоящія или прошедшія, равно относительны въ глазахъ исторіи, т. е. каждая изъ нихъ, въ извѣстномъ смыслѣ, абсолютна. Цѣнность ея есть не выводъ, а фактъ. Самая субъективность нравственныхъ чувствъ такова, что ихъ авторитетъ не зависитъ отъ ихъ историческаго происхожденія, которое, поэтому, можетъ быть раскрыто безо всякаго его потрясенія *).

Тѣмъ не менѣе остается вѣрнымъ, что наши чувства, отъ введенія въ сознание этихъ историческихъ или логическихъ отношеній, получаютъ большее освѣщеніе, всматриваются въ себя, сравниваютъ и судятъ себя. Зиммель представилъ намъ сколько угодно доказательствъ того, что моральныя идеи неясны и даже что въ извѣстномъ смыслѣ онѣ часто потому и моральны, что не-

*) *Einleitung*, II, стр. 6—8.

ясны. Когда сознание цѣли какого-нибудь дѣйствія исчезаетъ, тогда гипотетическій императивъ превращается въ категорическій императивъ, который изъ принужденія или ловкой хитрости дѣлаетъ обязанность. Остается ли это дѣйствіе обязанностью, если наука устранить эту тайну и вызоветъ вновь сознание цѣли? Въ сущности Зиммель самъ не разъ констатируетъ это вліяніе науки морали на нравственность. Отъ идеи, что всѣ моральныя цѣнности субъективны, онъ ожидаетъ практическихъ измѣненій нравственности. Онъ не сомнѣвается въ томъ, что распространеніе идеализма, который учитъ людей, что не только познаніе вещей, но и обладаніе ими, есть лишь одно представленіе *), что собственность, напр., есть лишь образъ нашего воззрѣнія, — сдѣлаетъ легче разрѣшеніе социальныхъ вопросовъ. Онъ признаетъ такимъ образомъ, что наука дѣйствуетъ на чувства, устраняя одни и утверждая другія, словомъ, дѣлая выборъ.

Можетъ-быть, именно слѣдовало-бы опредѣлить основаніе для этого выбора. До сихъ поръ критика моральныхъ фактовъ рѣдко проявлялась безъ того, чтобы не вывести изъ самыхъ фактовъ моральнаго принципа. Такъ, напр., устанавливалось, что всѣ обязанности стремятся быть логическими, и что, слѣдовательно, логика и есть верховная обязанность, которая служитъ для сужденія о всѣхъ другихъ **) Или-же доказывалось, что наши обязанности созданы исторіей, и тогда обращались къ исторіи за научными совѣтами, требуя отъ нея указанія на обязанности настоящаго времени. Такимъ образомъ и логика и исторія, каждая со своей стороны, полагали, что онѣ утверждаютъ мораль, а не уничтожаютъ ее. Но мы уже видѣли, что Зиммель отрицаетъ, чтобы та или другая могли опредѣлить моральную цѣнность. Для логики качество соединяемыхъ ею чувствъ и дѣйствій безразлично. Исторія тщетно пытается измѣрить нравственные качества и ихъ интенсивность. Но

*) *Einleitung*, I, стр. 251.

**) Ср. Штадинггеръ. *Das Sittengesetz*.

если ни наблюдение, ни логика не рѣшаютъ задаваемыхъ ими задачъ, то что-же намъ остается? Чувство? Можетъ-быть, оно одно способно опредѣлить величину этическихъ цѣнностей. Оно является какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ моральной эволюціи; оно составляетъ ея введеніе и ея заключеніе, и, можетъ быть, человечеству слѣдуетъ положиться на него въ увѣренности, что оно представляетъ и заключаетъ въ себѣ всю нравственную работу исторіи *). Размышленіе и наблюдение могутъ расширить сферу нашего сознанія, открыть множество новыхъ отношеній и, сопоставляя вмѣстѣ различные элементы, поставить новыя задачи. Но можетъ быть такъ, что рѣшеніе принадлежитъ именно чувству, которое способно, посредствомъ нѣкотораго рода внутренней химіи, вывести изъ этихъ безчисленныхъ соотношеній абсолютную моральную цѣнность. Въ результатѣ должна получиться не мораль, состоящая въ истинѣ, потому что моральная истина не можетъ быть ни логически доказана, ни научнымъ образомъ установлена, но мораль, состоящая въ искренности: долгъ заключался-бы въ совѣстливости, и пришлось-бы въ результатѣ науки морали основать ее на старинномъ нравственномъ сознаніи, т. е. совѣсти.

Если таково кажется по временамъ практическое заключеніе аналитическихъ изслѣдованій Зиммеля, то, конечно, было-бы лучше, если-бы оно было выяснено и обсуждено, а не только подразумевалось. Вмѣсто того, чтобы, сравнивая науку морали съ естественными науками, заставлятъ насъ предполагать, что моральныя чувства, подобно внѣшнимъ предметамъ, остаются неизмѣнными въ глазахъ ученаго, авторъ, быть можетъ, пришелъ-бы тогда къ признанію, что его наука именно въ силу ея психологическаго характера съ трудомъ можетъ быть свободна отъ всякаго моральнаго признака.

Не менѣе труднымъ покажется, безъ сомнѣнія, представить себѣ науку морали безъ абстракцій, какъ и вообразить ее безъ императивовъ.

*) *Einleitung*, I, 230.

Безъ сомнѣнія, Зиммель правъ, когда онъ указываетъ на опасность двусмысленностей, скрывающихся за моральными отвлеченіями, и призываетъ этику возвратиться къ чувству исторической дѣйствительности. Но достаточно-ли этого? Не правильно-ли будетъ сказать, что всякая наука, имѣя дѣйствительность своимъ содержаніемъ, формируется посредствомъ систематическаго отвлеченія? Познавать не значитъ воспроизводить, но измѣнять. Если мы представимъ себѣ умъ, одаренный способностями достаточно сильными для воспріятія, и памятью, достаточно обширною для сохраненія въ ней всѣхъ историческихъ явленій, — содержаніе исторіи было-бы такимъ образомъ такъ сказать удвоено, но наука исторіи еще не была-бы создана. Для построенія ея требуется анализировать массу историческихъ явленій, привести ихъ разнообразіе къ единству, соединяя ихъ въ группы, объясненные какими-нибудь понятіями, которыя мы можемъ получить только путемъ отвлеченія. Конечно, за этими понятіями не слѣдуетъ обращаться къ чистому умозрѣнію, или къ умозрѣнію, признаваемому за таковое, которое будетъ только дѣйствовать подъ вліяніемъ разнородныхъ импульсовъ. Зиммель справедливо предостерегаетъ противъ него. Но не слѣдуетъ-ли, вмѣстѣ съ Вундтомъ, различать двоякаго рода отвлеченія: одни обобщающія, другія уединяющія? Почему-бы послѣднія не могли бы быть полезны, или даже необходимы для науки? Они были-бы плодомъ не спѣшныхъ умозаключеній, а методическаго наблюденія, посредствомъ котораго, мы, для лучшаго пониманія сложныхъ историческихъ явленій, изучали-бы послѣдовательно одинъ за другимъ ихъ различные элементы. Каждая общественная наука занималась бы изученіемъ одного изъ нихъ отдѣльно отъ другихъ, не забывая того, что эта отдѣльность есть лишь необходимое требованіе метода, и что въ дѣйствительности различныя соціальныя силы постоянно вступаютъ въ соединенія между собой. Такимъ образомъ задача введенія въ науку морали, которая была-бы не только отрицательною, но и положи-

тельною, должна быть двойкая: слѣдовало бы устранить старыя абстракціи, полученныя безъ опредѣленнаго метода, и въ то же время предложить новыя методическія отвлеченія, необходимыя для науки. Въ противномъ случаѣ окажется, что наука, такъ сказать, растворится въ общей исторіи. Она сдѣлается вполнѣ эмпирической и не будетъ имѣть никакой точности. Затрудненій, съ которыми встрѣчается историческая политическая экономія, не избѣгнетъ и наука морали. Останется вопросомъ, какимъ образомъ она можетъ быть наукой и обходиться безъ отвлеченій, посредствомъ которыхъ различались-бы, во-первыхъ, моральные факты отъ другихъ соціальныхъ фактовъ, а за тѣмъ сами моральные факты одни отъ другихъ, напр., хотя-бы эгоизмъ отъ альтруизма.

Если-же въ самомъ дѣлѣ невозможно имѣть ясныя и опредѣленныя моральныя понятія, то, можетъ-быть, въ такомъ случаѣ надо отказаться и отъ собственно такъ называемой науки морали, или по крайней мѣрѣ не слѣдуетъ требовать отъ нея такихъ точныхъ законовъ и такой строгой достовѣрности, какихъ мы привыкли ожидать отъ всякой науки. Можетъ-быть, однимъ изъ результатовъ *Введенія* Зиммеля и будетъ подготовка насъ къ тому, чтобы въ моральныхъ наукахъ довольствоваться вѣроятностями. Въ самомъ дѣлѣ, изъ его изслѣдованія выходитъ, что человѣкъ науки не можетъ передать намъ моральныхъ фактовъ иначе, какъ возбудивъ въ насъ чувства, что анализировать ихъ онъ можетъ лишь въ собственномъ своемъ сознаніи, и что къ одному и тому-же событію онъ почти всегда можетъ приложить нѣсколько объясненій. Такъ какъ опытный экспериментальный методъ точныхъ, физическихъ наукъ не можетъ быть примѣненъ къ вопросамъ психологіи, то и нельзя сдѣлать вѣрнаго выбора между гипотезами, внушенными наблюденіемъ. Получая свое содержаніе отъ исторіи, а свою форму отъ психологіи, наука морали тѣмъ самымъ обречена безъ сомнѣнія на то, чтобы находить только вѣроятности.

Можетъ-быть, Зиммель и не имѣлъ бы ничего противъ такого заключенія. Его критическое остроуміе давно уже убѣдило его въ гипотетическомъ характерѣ понятій, принадлежащихъ къ сферѣ психологіи. Желая выйти изъ историческаго эмпиризма, онъ въ то же время въ особенности боится впасть снова въ метафизическій догматизмъ, будетъ ли онъ идеалистическимъ или натуралистическимъ. Какъ психологическое, историческое и критическое изслѣдованіе, его Введеніе въ науку морали даетъ намъ мало рѣшеній и много задачъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Зиммель.

ЗАДАЧИ ФИЛОСОФІИ ИСТОРИИ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе.	III
Глава первая.	
О психическихъ предпосылкахъ въ историческомъ изслѣдованіи	1.
Глава вторая.	
Объ историческихъ законахъ.	41.
Глава третья.	
О смыслѣ исторіи.	86.
<i>Приложеніе.</i>	
Бугле.	
Зиммель, О НАУКѢ МОРАЛИ.	133.

Другие книги нашего издательства:

Серия «Академия фундаментальных исследований: история»

- Кареев Н. И. Теория исторического знания.
 Кареев Н. И. Историология: Теория исторического процесса.
 Фриман Э. Методы изучения истории.
 Эйслер Р. Всеобщая история культуры.
 Гарнак А. фон. Сущность христианства.
 Герье В. И. Франциск: Апостол нищеты и любви.
 Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания.
 Иванцов-Платонов А. М. Ереси и расколы первых трех веков христианства.
 Мэйн Г. Древнее право.
 Мэйн Г. Древнейшая история учреждений.
 Мэйн Г. Древний закон и обычай: Исследования по истории древнего права.
 Жид П. Гражданское положение женщины: С древнейших времен.
 Ингрэм Дж. К. История рабства от древнейших до новых времен.
 Брентано Л. Народное хозяйство Византии.
 Фюстель де Куланж Н. Д. Римский колонат: Происхождение крепостного права.
 Фюстель де Куланж Н. Д. Древняя гражданская община.
 Канторович Я. А. Процессы против животных в Средние века.
 Тарле Е. В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции: 1789—1791.
 Тарле Е. В. Печать во Франции при Наполеоне I.
 Тарле Е. В. Падение абсолютизма в Западной Европе: Исторические очерки.
 Аландский П. И. История Греции.
 Хвостов М. М. История Греции. Курс лекций.
 Лурье С. Я. Геродот.
 Бузескул В. П. Перикл: Личность, деятельность, значение.
 Кончаловский Д. П. Аннибал.
 Юревич В. А. Астрономия доколумбовой Америки.
 Уколова В. И. Античное наследие и культура раннего Средневековья.
 Миронов А. М. История античного искусства.
 Миронов А. М. Альбрехт Дюрер: Его жизнь и художественная деятельность.
 Дьяконов М. А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве.
 Каргалов В. В. Свержение монголо-татарского ига.
 Каргалов В. В. Конец ордынского ига.
 Каргалов В. В. Народ-богатырь: История военных нашествий на Русь. IV—XIV вв.
 Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории.
 Кавелин К. Д. Основные начала русского судостроительства.
 Миславский Н. Поземельная община в России.
 Погодин А. Л. Краткий очерк истории славян.
 Лавров П. Л. Развитие учения о мифических верованиях.
 Советов А. В. О системах земледелия.
 Минаев И. П. Старая Индия. Заметки на «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.
 Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры.
 Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода.
 Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории.
 Святловский В. В. Происхождение денег и денежных знаков.

URSS